

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

Научный журнал

№ 1(48) 2023

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

**ACTUAL ISSUES
OF MODERN PHILOLOGY
AND JOURNALISM**

Scientific journal

№ 1(48) 2023

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в «Каталоге периодических изданий. Газеты и журналы» ГК «Урал Пресс» - 34121. Физические лица могут оформить подписку в интернет-магазине «Деловая пресса» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Н. Лапынина, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминева** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Н.Б. Бугакова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

Subscription index in the «Catalog of periodicals. Newspapers and magazines» of the «Ural Press» Group of Companies – 34121.

Individuals can subscribe to it in the online store «Business Press» <http://www.ural-press.ru/dlya-fizicheskikh-lits/>.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology
N.N. Lapynina, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **N.B. Bugakova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevskaya** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongolia; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Катермина В.В.</i> Английские неологизмы с суффиксом –ism: семантический и стилистический потенциал.....	7
<i>Маклакова Е.А., Ермаков С.А.</i> К вопросу о градуальных оппозициях глаголов негативного эмоционального состояния (на материале русского языка).....	13
<i>Долгополова М.В., Попова Л.А.</i> Активные процессы в современном русском языке в аспекте формирования коммуникативной компетенции у студентов-инофонов.....	21
<i>Архипова И.В.</i> Актуализация таксиса в современном нидерландском языке.....	28
<i>Шишкина Н.М.</i> Проект, презентация и конспект как способы формирования универсальных компетенций в иноязычном образовательном процессе.....	33
<i>Ким Г.В.</i> Социолект в современном русскоязычном интернет-общении: проблемы идентификации по гендерному признаку.....	40
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Бугакова Н.Б., Скуридина С.А.</i> Дух и душа в ономастических исканиях Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова.....	48
<i>Сычева Е.О.</i> Рецепция образа золотого века в поэтике Ф.М. Достоевского.....	53
<i>Арязмова О.В.</i> Парантетические конструкции как средство актуализации коммуникативных регистров текста (на материале романа Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд»).....	57
<i>Воротникова А.Э., Саратова М.В.</i> Акустические образы в романе-метафоре М. Байера «Летучие собаки».....	63
<i>Смышляев Е.А., Шолохов М.А.</i> Мифологизация как вектор авторской стратегии в поэзии В.О. Кальпиди.....	70
<i>Олейникова О.Н.</i> К вопросу об иноязычных вкраплениях в текстах художественного стиля речи М.И. Цветаевой.....	77
Лингвокультурология	
<i>Меркулова И.А.</i> Воронеж и воронежцы в национальном корпусе русского языка.....	83
<i>Соломон Ю.А., Клименко Ж.В.</i> Языковые средства выражения антропоморфного кода в произведении Франсуазы Саган «Сара Бернар. Несокрушимый смех».....	89
<i>Мешкова О.В.</i> Арт-фольклоризм отечественной литературы в эпоху экранной культуры (к постановке проблемы).....	93
Межкультурная коммуникация	
<i>Баракаев Р.</i> Из истории ранних переводов произведений Л.Н. Толстого на узбекский язык.....	100
<i>Синяговская Л.И.</i> Фреймовое представление «профессионального» Лондона (на материале романа Чарльза Диккенса «Холодный дом»).....	108
Журналистика в историко- теоретическом аспекте	
<i>Воскобойникова А.П., Василенко Е.И.</i> Принципы биоэтики и ответственности медицинского журналиста.....	115
<i>Самойленко Н.С.</i> Конвергенция журналистики, медиакоммуникаций и ИТ.....	121
Язык СМИ	
<i>Болдырев С.М.</i> Лингвистические особенности телевизионного новостного дискурса англоязычных СМИ при проведении информационной войны.....	129
События, обзоры, рецензии	
<i>Кузьминых Е.О., Скуридина С.А.</i> Итоги I Всероссийской международной научно-практической конференции «Дух, душа и тело в мировой культуре» (Воронеж, ВГТУ, 8 декабря 2022 г.).....	136
Правила оформления статей	142

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Katermina V.V.</i> English neologisms with suffix –ism: semantic and stylistic potential.....	7
<i>Maklakova E.A., Ermakov S.A.</i> On the question of graded oppositions of the verbs of negative emotional state (based on the material of the Russian language).....	13
<i>Dolgopolova M.V., Popova L.A.</i> Active processes in the modern Russian language in the aspect of teaching Russian as a foreign language.....	21
<i>Arkhipova I.V.</i> Actualization of taxis in the modern Dutch language.....	28
<i>Shishkina N.M.</i> Project, presentation and synopsis as ways of forming universal competencies in the process of teaching a foreign language.....	33
<i>Kim G.V.</i> Sociolect in modern Russian internet communication: problems of identification by gender....	40
Literary text: aspects of study	
<i>Bugakova N.B., Skuridina S.A.</i> Spirit and soul in the onomastic quest of F.M. Dostoevsky and A.P. Platonov.....	48
<i>Sycheva E.O.</i> Reception of the image of the golden age in F.M. Dostoevsky’s poetics.....	53
<i>Arzyamova O.V.</i> Parenthetical constructions as a means of updating the communicative registers of the text (based on the novel by G. Sh. Yakhina "Echelon to Samarkand").....	57
<i>Vorotnikova A.E., Saratova M.V.</i> Acoustic images in the metaphor novel by M. Beyer “Flying dogs”.....	63
<i>Smyshlyaev E.A., Sholokhov M.A.</i> Mythologization as a vector of author’s strategy in poetry by V.O. Kalpidi.....	70
<i>Oleynikova O.N.</i> To the question of foreign language inclusions in the texts of artistic style of speech by M.I. Tsvetaeva.....	77
Language and culture studies	
<i>Merkulova I.A.</i> Voronezh and Voronezh residents in the national corpus of the Russian language.....	83
<i>Solomon Y.A., Klimenko Zh.V.</i> Linguistic means of expressing the antropomorphic code in the work of Françoise Sagan «Sarah Bernhardt. Le rire incassable».....	89
<i>Meshkova O.V.</i> Art-folklorism of domestic literature during the epoch of screen culture (problem statement).....	93
Intercultural communication	
<i>Barakaev R.</i> To the history of early translations of L.N.Tolstoy’s works into Uzbek.....	100
<i>Sinyagovskaya L.I.</i> Frame representation of “professional” London (by the material of the novel “Bleak house” by Charles Dickens.....	108
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Voskoboinikova A.P., Vasilenko E.I.</i> Principles of bioethics and responsibility of medical journalist.....	115
<i>Samoilenko N.S.</i> Convergence of media communication, journalism and IT.....	121
Language of mass media	
<i>Boldyrev S.M.</i> Linguistic features of the television news discourse of the English-speaking media during the information war.....	129
Events and reviews	
<i>Kuzminykh E.O., Skuridina S.A.</i> The results of the first all-Russian international scientific and practical conference “Spirit, soul and body in the world culture” (Voronezh, VSTU, December 8, 2022).....	136
Layout of the articles	142

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей сорок седьмой выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Аспекты изучения художественного текста», III – «Лингвокультурология», IV – «Межкультурная коммуникация», V – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VI – «Язык СМИ».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 21 научная работа. Раздел «Лингвистика» включает статьи, выявляющие семантический и стилистический потенциал английских неологизмов (В.В. Катермина), анализирующие специфику градуальных оппозиций глаголов «негативного эмоционального состояния» (Е.А. Маклакова, С.А. Ермаков), определяющие активные процессы в современном русском языке в аспекте формирования коммуникативной компетенции у студентов-инофонов (М.В. Долгополова, Л.А. Попова), выявляющие особенности актуализации таксиса в современном нидерландском языке (И.В. Архипова), рассматривающие проект, презентацию и конспект как способы формирования универсальных компетенций в иноязычном образовательном процессе (Н.М. Шишкина), описывающие социолект в современном русскоязычном интернет-общении (Г.В. Ким). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, выявляющие специфику понятий *дух* и *душа* в ономастических исканиях Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова (Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина), рассматривающие рецепцию образа золотого века в поэтике Ф.М. Достоевского (Е.О. Сычева), парантетические конструкции как средство актуализации коммуникативных регистров текста (О.В. Арязмова), акустические образы в романе-метафоре М. Байера «Летучие собаки» (А.Э. Воротникова, М.В. Саратова), мифологизация как вектор авторской стратегии в поэзии В.О. Кальпиди (Е.А. Смышляев, М.А. Шолохов), иноязычные вкрапления в текстах художественного стиля речи М.И. Цветаевой (О.Н. Олейникова). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, которые представляют Воронеж и воронежцев в национальном корпусе русского языка (И.А. Меркулова) и выявляют языковые средства выражения антропоморфного кода в произведении Франсуазы Саган «Сара Бернар. Несокрушимый смех» (Ю.А. Соломон, Ж.В. Клименко), рассматривают арт-фольклоризм отечественной литературы в эпоху экранной культуры (О.В. Мешкова). В разделе «Межкультурная коммуникация» представлены история ранних переводов произведений Л.Н. Толстого на узбекский язык (Р. Баракаев) и фреймовый анализ «профессионального» Лондона (на материале романа Чарльза Диккенса «Холодный дом») (Л.И. Синяговская). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» рассматриваются принципы биоэтики и ответственности медицинского журналиста (А.П. Воскобойникова, Е.И. Василенко) и конвергенция журналистики, медиакоммуникаций и IT (Н.С. Самойленко). Раздел «Язык СМИ» рассказывает о лингвистических особенностях телевизионного новостного дискурса англоязычных СМИ при проведении информационной войны (С.М. Болдырев). В разделе «События, обзоры, рецензии» подводятся итоги I Всероссийской международной научно-практической конференции «Дух, душа и тело в мировой культуре», состоявшейся в Воронеже, ВГТУ, 8 декабря 2022 г. (Е.О. Кузьминых, С.А. Скуридина).

Содержащиеся в выпуске 1(48) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 81'373.43

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.87.72.001

*Кубанский государственный университет
Доктор филологических наук,
профессор кафедры английской филологии
Катермина В.В.
Россия, г. Краснодар, тел. +7 903-412-05-54
e-mail: katermina_v@mail.ru*

*Kuban State University
The chair of English language
Doctor of Philology, full professor
Katermina V.V.
Russia, Krasnodar, tel. +7 903-412-05-54
e-mail: katermina_v@mail.ru*

В.В. Катермина

АНГЛИЙСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ С СУФФИКСОМ -ISM: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ

В статье рассматриваются неологизмы англоязычного дискурса с суффиксом *-ism*. Анализируется семантический план неологизмов, выявляются стилистические особенности данного лексического пласта. Подчеркивается, что возникновение нового является сущностным свойством любой системы, следствием ее развития, движения вперед, неотъемлемым признаком и свидетельством ее жизнеспособности. Появление новых слов в системе языка любого народа – яркий пример данной тенденции и подтверждение двух главных принципов языковой системы – ее динамизма и открытости. Основными методами исследования являются семантический и стилистический анализы, применяемые для выявления смысловых доминант английских неологизмов с суффиксом *-ism*, извлеченных из электронных лексикографических источников. Суффиксация обладает высочайшей продуктивностью в образовании новых слов. Хотя суффиксы не свободны синтаксически, они определенно обладают семантическим содержанием, грамматическим, словообразовательным и стилистическим значением. Большинство продуктивных суффиксов, образуя новые слова, придают им разнообразные эмоционально-экспрессивные оттенки и одновременно закрепляют их за той или иной сферой употребления. Основным значением суффикса *-ism* среди англоязычных неологизмов остается «научная доктрина, учение, направление». Анализ единиц позволил выделить такие дополнительные значения суффикса *-ism*, как «отклонение от нормы, исключение людей из общества на основании определенного признака», «поддержка социального или политического движения», «опыт, практика, деятельность». В процессе словообразования находят яркое отражение изменения в словарном составе языка, связанные с развитием общества. Динамика словообразовательной системы реализуется через ее потенциал – определенные словообразовательные возможности, предопределяющие те или иные тенденции языковой эволюции.

Ключевые слова: неологизмы, аффиксация, суффикс *-ism*, англоязычный дискурс, семантика, стилистика.

V.V. Katermina

ENGLISH NEOLOGISMS WITH SUFFIX -ISM: SEMANTIC AND STYLISTIC POTENTIAL

The article considers neologisms of English discourse with the suffix *-ism*. The semantic plan of neologisms is analyzed, the stylistic features of the lexical layer are revealed. It is emphasized that the emergence of something new is the essential property of any system, the consequence of its development, a move forward, an integral sign and evidence of its viability. The emergence of new words in the language system of any nation is a vivid example of this trend and confirmation of two main principles of the language system – its dynamism and openness. The main research methods are semantic and stylistic analyzes used to identify semantic dominants of English neologisms with the suffix *-ism* taken from electronic lexicographic sources. Suffixation has the highest productivity in the formation of new words. Although the suffixes are not free syntactically they have a semantic content, grammatical, word-formation and stylistic meaning. Most productive suffixes, forming new words, give them a variety of emotional and expression shades and at the same time fix them behind a particular sphere of use. The main meaning of the suffix *-ism* among English neologisms is “a scientific doctrine, teaching, direction”. The analysis of units made it possible to distinguish such additional meanings of the suffix *-ism* as “deviation from the norm, the exclusion of people from society on the basis of a certain attribute”, “support for the social or political movement”, “experience, practice, activity”. In the process of word formation a vivid reflection of changes in the vocabulary of the language associated with the development of society is found. The dynamics of the word-formation system is realized through its potential, that is certain word-formation opportunities that

determine certain trends in linguistic evolution.

Key words: neologisms, affixation, suffix -ism, English discourse, semantics, stylistics.

Неологизация, обновление лексического репертуара языка – процесс, который запускается двумя глобальными механизмами: внешним и внутренним. Первый связан с пополнением лексического состава языка за счет заимствований из других языков вследствие прямых и опосредованных языковых контактов; второй обусловлен причинами, побуждающими внутриязыковое словотворчество. Оба механизма в свою очередь либо связаны с необходимостью вербализации появляющихся концептов, либо с потребностью в устранении омонимичных форм, либо с желанием или необходимостью обновления языковых форм, вызванными стремлением к экспрессии, новизне, остроумной привлекательности речи, языковой фиксации новых ассоциаций [1], [2].

Новые слова являются неотъемлемой частью лексики языка. Неологизмы придают динамичность языку, так как лексика меняется с течением времени, словарный запас постоянно пополняется. Ученые подчеркивают, что «членение внешнего мира, осуществляемое с помощью языка, отражается прежде всего в лексике. Лексикализация понятия свидетельствует о его особой значимости для данной культуры. Следовательно, лексика языка играет особую роль в формировании языковой картины мира» [3, с. 4].

В ходе исследования функционирования процесса аффиксации нами было выявлено, что практически каждый пятый современный английский неологизм был образован путем добавления префикса или суффикса к слову или его основе. Аффиксация сохраняет свою продуктивность в английском языке, так как огромное количество слов образуется за счет суффиксации и префиксации [4], [5].

Суффиксация обладает высочайшей продуктивностью в образовании новых слов. Хотя суффиксы не свободны синтаксически, они определенно обладают семантическим содержанием, грамматическим, словообразовательным и стилистическим значением. Большинство продуктивных суффиксов, образуя новые слова, придают им разнообразные эмоционально-экспрессивные оттенки и одновременно закрепляют их за той или иной сферой употребления. При суффиксации выражение деривационного значения происходит с помощью суффикса и системы флексий производного слова, при этом суффиксы не только оформляют слово как определенную часть речи, но и могут внести в производное новый лексический оттенок или коннотацию» [6, с. 53].

Цель статьи – анализ английских неологизмов с суффиксом -ism с целью выявления их семантического и стилистического потенциала. Методологическую базу исследования составили работы В.А. Голец [7], В.В. Катерминой и С.Х. Липириды [8], М.В. Крат [9], Е.В. Кубряковой [10], Н.А. Саттаровой [11]. Основными методами исследования являются семантический и стилистический анализы, применяемые для выявления смысловых доминант английских неологизмов с суффиксом -ism, извлеченных из электронных лексикографических источников (Urban Dictionary [12] и Cambridge Dictionary [13]).

I. Основным значением суффикса -ism среди англоязычных неологизмов остается «научная доктрина, учение, направление» [14, с. 48].

Так, среди проанализированных неологизмов с данным суффиксом можно выделить следующие.

1. Философские учения:

faithism – the philosophy that even though god is a construct of humankind, our spiritual convictions are nonetheless useful in navigating the 90% of reality that eludes science and the senses (философия, согласно которой, хотя бог является созданием человечества, наши духовные убеждения, тем не менее, полезны для навигации по 90% реальности, которая ускользает от науки и чувств);

transhumanism – a philosophical movement which uses advanced science and technology to enhance the human body's capabilities (философское движение, использующее передовую науку и технологии для расширения возможностей человеческого тела);

deathism – the preconceived notion that death is inevitable and inescapable, actually a good thing, and it should be accepted without fear (предвзятое представление о том, что смерть неизбежна, на самом деле это хорошая вещь, и ее следует принимать без страха).

Ключевые лексемы в данной группе – абстрактные понятия: *faith – вера, human – личность, death – смерть*. Также следует отметить префикс *trans- – across, beyond – насквозь, через, за пределами*. Выступая частью лексемы *transhumanism*, данная приставка помогает показать возможности личности. Интересным является факт сочетания философского понятия с исследованиями в области науки и технологий.

На стыке философии и политики выделяется следующая единица:

securitarianism – a political philosophy or ideology that sets national security as its highest principle and chief objective (политическая философия или идеология, которая ставит национальную безопасность в качестве своего высшего принципа и главной цели).

Данная единица состоит из ключевой лексемы *security* и двух суффиксов – *-arian* – обозначает лицо по профессии или занятию, по взглядам и убеждениям, по возрасту, а также образует соответствующие прилагательные (with security as an absolute priority; inordinately obsessed with security) и *-ism*. В дефиниции лексемы *securitarian* можно выделить семы интенсификации: *absolute* – very great, or complete: used for emphasizing an opinion, feeling, or statement; *inordinately* – extremely; *obsessed* – considering someone or something as so important that you are always thinking about them, in a way that seems extreme to other people, что объясняет наличие в дефиниции данного понятия таких выражений, как *highest principle and chief objective* – высший принцип и главная цель.

2. Политические учения и убеждения:

disaster capitalism – a policy of political officials to take advantage of a shock or disaster to push free-market economic policies and privatization in the management of recovery and reconstruction (политика политических чиновников по использованию потрясения или катастрофы для продвижения экономической политики свободного рынка и приватизации в управлении восстановлением и реконструкцией);

pluto-populism – a political movement in which a wealthy individual offers ideas and policies that appeal to the common person (политическое движение, в котором богатый человек предлагает идеи и политику, которые нравятся простому человеку);

planetarianism – a humanist political philosophy emphasising the importance of universal values and affirming the need to strengthen the unity and the influence of international institutions (гуманистическая политическая философия, подчеркивающая важность общечеловеческих ценностей и утверждающая необходимость укрепления единства и влияния международных институтов);

birtherism – a movement in the United States of America that doubts or denies that the 44th President, Barack Obama, is a natural-born U.S. citizen, thus implying that he is ineligible to be President (движение в Соединенных Штатах Америки, которое сомневается или отрицает, что 44-й президент Барак Обама является гражданином США по рождению, тем самым подразумевая, что он не имеет права быть президентом).

Trumpism – the views and cultural and political statements of Donald Trump (взгляды и культурные и политические заявления Дональда Трампа);

В данных лексемах присутствуют в основном семы с положительной коннотацией (*the management of recovery and reconstruction* – управление восстановлением и реконструкцией; *the importance of universal values* – важность общечеловеческих ценностей; *the need to strengthen the unity and the influence of international institutions* – необходимость укрепления единства и влияния международных институтов). В слове *birtherism* присутствуют лексемы с отрицательной коннотацией: *doubt or deny* – сомневаться или отрицать, что связано с общей семантикой данного слова.

Лексема *Trumpism* является лишь одним из примеров, описывающих взгляды и заявления президента. Подобных неологизмов в языке достаточное количество, так как любая политическая личность является неоднозначной (см. также *Reagansim*, *Thatcherism*, *Bushism* и т.д.).

3. Учения и направления, связанные с технологией:

techno-fundamentalism – the belief that technology holds the answers to every problem (вера в то, что технологии содержат ответы на все проблемы);

solutionism – the belief that every problem has a solution, one that utilizes technology (решения – вера в то, что у каждой проблемы есть решение, в частности, с использованием технологий);

techno-optimism – the belief that technology changes the world for the better (вера в то, что технологии меняют мир к лучшему).

В неологизмах данной группы присутствуют семы с положительной семантикой (*answer* – ответ; *solution* – решение; *change the world for the better* – изменить мир к лучшему), что связано с использованием технологий.

4. Экономические учения:

mercantilism – the belief that a nation or group will prosper if trade flourishes (вера в то, что нация или группа будут процветать при условии процветании торговли);

fauxsumerism – a trend of browsing products and engaging with brands without the intention of purchasing anything (тенденция просмотра продуктов и брендов без намерения что-либо купить);

anxiety consumerism – a movement in a society where a large number of products designed to ease anxiety are available to buy (движение в обществе, где существует большое количество продуктов для продажи, предназначенных для облегчения беспокойства);

platform capitalism – an economic system of doing business that involves recruiting large numbers of people who work for themselves using the company's platform, as used by companies such as Uber, Deliveroo and the like (экономическая система ведения бизнеса, которая включает большое количество людей, которые работают на себя, используя платформу компании, сходную с деятельностью компаний Uber, Deliveroo и т.п.);

surveillance capitalism – an economic system where a company, usually a website, makes money by selling its users' personal data to other companies (экономическая система, в которой компания, обычно веб-сайт, зарабатывает деньги, продавая личные данные своих пользователей другим компаниям).

Данная группа неологических единиц представляет собой лексемы, обозначающие как традиционные экономические понятия (*mercantilism, fauxsumerism, anxiety consumerism*), так и современные тенденции (*platform capitalism, surveillance capitalism*).

Также отметим, что часть единиц связана не с абстрактными экономическими понятиями (единицы, имеющие в своем составе лексему *capitalism*), а с потребителями (единицы, имеющие в своем составе лексему *consumerism*).

5. Экологические доктрины.

Проблемы экологии занимают большое место в мире, поэтому не случаен факт появления неологической единицы с суффиксом *-ism*, связанной с экологическими процессами: *climate doomism* – the belief that climate change is now irreversible and that there is no point making any effort to stop it getting any worse (вера в то, что изменение климата теперь необратимо и что нет смысла прилагать какие-либо усилия, чтобы остановить его ухудшение).

6. Гендерные доктрины.

Наряду с экологическими проблемами, вопросы, связанные с гендером, также считаются важными. Среди анализируемых неологизмов можно выделить единицы, обозначающие трангендеризм: *transgenderism* – a movement which shows dress and/or behaviour that does not fit in with the traditional male and female gender roles (движение, которое демонстрирует одежду и / или поведение, не соответствующие традиционным мужским и женским гендерным ролям), а также лексему *STEMinism* – the movement to improve the representation of women in STEM fields, and to remove professional, academic, and social barriers to women's advancement (движение за улучшение представительства женщин в областях науки, технологии, инженерии и математики и за устранение профессиональных, академических и социальных барьеров на пути продвижения женщин).

Отметим в составе неологизма *transgenderism* части *trans* (в современном английском языке наряду с приставкой *trans* данное слово может употребляться как прилагательное – *trans* – adjective having a gender identity that does not match the sex a person was said to have at birth).

Основу второй единицы составляет сокращение *STEM* (Science, technology, engineering, and mathematics) – именно те области, в которых, как считается, выражено гендерное неравенство.

II. Также следует выделить такое значение суффикса *-ism*, как «отклонение от нормы, исключение людей из общества на основании определенного признака».

Следующие единицы могут служить реализацией данного значения:

singlism – the stigmatization or marginalisation of single people (дискриминация или маргинализация одиноких людей);

adulthoodism – discrimination against young people (дискриминация молодых людей);

nativism – the political view that people born in a country should be favoured over immigrants (политическая точка зрения, согласно которой людям, родившимся в этой стране, следует отдавать предпочтение перед иммигрантами);

xenoscepticism – suspicion or dislike of immigrants combined with a belief that immigration rates are too high (подозрительность или неприязнь к иммигрантам в сочетании с убеждением, что уровень иммиграции слишком высок);

flexism – discrimination against someone who has flexible working hours (дискриминация людей с гибким графиком работы).

В единицах, значение которых содержит компонент «отклонение от нормы», зафиксированы как уже более «привычные» виды «политической некорректности» (*nativism, xenoscepticism*), так и более «но-

вые, современные» (*singlism, adultism*). Особо выделим единицы *flexism*, в значении которой люди дискриминируются по гибкости их рабочего графика, что отражает современные тенденции социального мироустройства.

III. Поддержка социального или политического движения:

hacktivism, or hactivism – the use of computer-based techniques such as hacking as a form of civil disobedience to promote a political agenda or social change (использование компьютерных методов (взлом) как формы гражданского неповиновения для продвижения политической программы или социальных изменений);

textavism – the use of text messages to try to persuade people to act in a way that will achieve a particular result, usually a political or social one (использование текстовых сообщений, чтобы попытаться убедить людей действовать таким образом, чтобы достичь определенного результата, обычно политического или социального);

slacktivism – actions performed via the internet in support of a cause that require minimal effort, e.g. signing an online petition or sending a tweet (действия, совершаемые через Интернет в поддержку дела, требующие минимальных усилий, например, подписание онлайн-петиции или отправка твита);

microvolunteerism – the practice of volunteering for extremely short stints, particularly by using mobile phone messaging or apps (практика волонтерства на очень короткие сроки, в частности, с использованием сообщений или приложений для мобильных телефонов);

lactivism – active support for breastfeeding (активная поддержка грудного вскармливания);

craftivism – the use of hand-crafted objects, such as knitted items, in public places as a way of raising awareness of certain issues (использование предметов ручной работы, таких как вязаные изделия, в общественных местах как способ повышения осведомленности об определенных проблемах).

Поддержка выражена лексемами *to promote* – способствовать, *to persuade* – убеждать, *support* – поддержка, *raise awareness* – распространить знание, повысить осведомленность.

Виды поддержки варьируются от компьютерных технологий (*hacking, texting*) до использования предметов ручной работы (*crafts*).

Также следует отметить степень и вид поддержки, зафиксированную в неологизмах данной группы: она может быть активной (*hacktivism, lactivism*) и пассивной, минимальной (*slacktivism, microvolunteerism*).

IV. Опыт, практика, деятельность.

В данную группу вошли неологизмы нутриционистского дискурса. Все они обозначают практику правильного питания, здорового образа жизни:

climatarianism – a diet based on choosing food in order to minimise its impact on the environment (диета, основанная на выборе продуктов питания с целью минимизировать их воздействие на окружающую среду);

breakfastarianism – the practice of eating breakfast foods at any meal and not merely the morning meal (практика употребления продуктов для завтрака во время любого приема пищи, а не только во время утренней трапезы);

reducetarianism – the practice of eating less meat – red meat, poultry and seafood – as well as less dairy and fewer eggs, regardless of the degree or motivation (практика употребления меньшего количества мяса – красного мяса, птицы и морепродуктов, а также меньшего количества молочных продуктов и меньшего количества яиц, независимо от степени или мотивации);

seaganism – the practice of eating only plant-based foods and seafood (практика употребления в пищу только растительной пищи и морепродуктов);

invasivorism – the practice of eating plants and animals that exist in large numbers and usually have a harmful effect on the environment (практика употребления в пищу растений и животных, существующих в большом количестве и обычно оказывающих вредное воздействие на окружающую среду).

Как видно из указанных примеров, ключевыми компонентами являются лексемы *climate* – климат, *breakfast* – завтрак, *reduction* – сокращение, *sea* – море, *invasion* – вторжение, а также *vegetarian* – вегетарианец и *vegan* – веган.

Семами, указывающими на ограничительный эффект и практику здорового образа жизни, выступают: *to minimise impact* – минимизировать эффект, *less* – меньше, *only* – только, *eating sth that have a harmful effect* – употребление чего-либо, что вредно воздействует на что-то.

Потребность в номинации новых понятий перманентна, поскольку «эта потребность является естественным, имманентным свойством самого языка как функционирующей системы» [15, с. 105]. Появление в языке новых номинативных единиц – обязательный спутник нового в области культуры общества,

будь то материальное производство, духовная или общественная жизнь, экономическая сфера, взаимоотношения между людьми разных социальных групп и профессий и между государствами.

Таким образом, в процессе словообразования находят яркое отражение изменения в словарном составе языка, связанные с развитием общества. Динамика словообразовательной системы реализуется через ее потенциал – определенные словообразовательные возможности, предопределяющие те или иные тенденции языковой эволюции.

Библиографический список

1. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989. 126 с.
2. Липилина Л.А. Лексические слияния в современном английском языке // Вестник РГУ им. И. Канта. Вып. 2: Филологические науки. 2006. С. 87–92.
3. Кретов А.А. Единство Европы по данным лексики. Воронеж: Изд. дом ВГУ, 2016. 412 с.
4. Абросимова Л. С. Неологизмы как фактор изменения языковой картины мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1. С. 106–110.
5. Янутик С.Я. Особенности словообразовательной аффиксации в английском языке // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Вып. (170). Т. 20. С. 79–84.
6. Катермина В.В. Словообразовательный потенциал неологизмов в англоязычном массмедийном дискурсе. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2019. 134 с.
7. Голец В.А. Неологизмы в современной англоязычной молодежной прессе (1990–2014 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2015. 192 с.
8. Катермина В.В., Липириди С.Х. Лингвокультурологические аспекты изучения новой лексики в условиях глобализации. Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 4. С. 31–39.
9. Крат М.В. Семантические особенности телескопических единиц в англоязычной деловой прессе // Концепт: Научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 26. С. 276–280. URL: <http://e-koncept.ru/2014/64356.htm> (дата обращения: 12.02.2022).
10. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 159 с.
11. Саттарова Н.А. Особенности нетрадиционного образования в современном английском языке // Вестник современной науки. 2016. № 6. С. 111–114.
12. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 12.02.2022).
13. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionaryblog.bridge.org> (дата обращения: 12.02.2022).
14. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. М.: Наука, 1976. 245 с.
15. Катлинская Л.П. Проблема слова и словообразование // Филологические науки. 2003. № 3. С. 102–110.

References

1. Zabotkina V.I. New Vocabulary of Modern English. M.: Higher school, 1989. 126 p.
2. Lipilina L.A. Lexical Fusions in Modern English // Bulletin of Russian State University named after I. Kant. Iss. 2: Philological sciences. 2006. P. 87–92.
3. Kretov A.A. The Unity of Europe according to the Vocabulary. Voronezh: VSU, 2016. 412 p.
4. Abrosimova L.S. Neologisms as a factor in changing of the language picture of the world // Issues of cognitive linguistics. 2011. Vol. 1. P. 106–110.
5. Yanutik S.Y. Peculiarities of word-formation affixation in English // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Ser.: Humanities. 2013. Iss. (170). Vol. 20. P. 79–84.
6. Katermina V.V. Word-building Potential of Neologisms in the English mass media discourse. Krasnodar: Kuban State University, 2019. 134 p.
7. Golets V.A. Neologisms in the modern English youth press (1990–2014): thesis ... PhD in Philology. Pyatigorsk, 2015. 192 p.
8. Katermina V.V., Lipiridi S.Ch. Linguistic and cultural aspects of the study of new vocabulary in the context of globalization // Proceedings of Southern Federal University. 2019. Philological Sciences. Vol. 4. P. 31–39.
9. Krat M.V. Semantic features of telescopic units in the English business press // Concept: a scientific and methodological electronic journal. 2014. Vol. 26. P. 276–280. URL: <http://e-koncept.ru/2014/64356.htm> (date of application: 12.02.2022).
10. Kubryakova E.S. The nominative aspect of speech activity. Moscow, 1986. 159 p.
11. Sattarova N.A. The features of non-traditional education in modern English // Bulletin of Modern Science. 2016. Vol. 6. P. 111–114.
12. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/> (date of application: 02/12/2022).
13. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionaryblog.bridge.org> (date of application: 02/12/2022).
14. Meshkov O.D. Word formation in modern English. Moscow, 1976. 245 p.
15. Katlinskaya L.P. The problem of the word and word formation // Philological Sciences. 2003. Vol. 3. P. 102–110.

УДК 81-119

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.11.15.002

*Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова
зав. кафедрой иностранных языков
доктор филологических наук, доцент
Маклакова Е.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(473) 253-67-01
e-mail: elena.maklakova5@mail.ru*

*Voronezh State University of Forestry and Technologies Named after G.F. Morozov
Head of the Department of Foreign Languages
Doctor of Philology, Associate Professor
Maklakova E.A.
Russia, Voronezh, tel. +7(473) 253-67-01
e-mail: elena.maklakova5@mail.ru*

*Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова
преподаватель кафедры иностранных языков,
кандидат филологических наук
Ермаков С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(903)850-46-93
e-mail: sergey-ermakov.1811@mail.ru*

*Voronezh State University of Forestry and Technologies Named after G.F. Morozov
Lecturer at the Department of Foreign Languages,
PhD
Ermakov S.A
Russia, Voronezh, tel. +7(903)850-46-93
e-mail: sergey-ermakov.1811@mail.ru*

Е.А. Маклакова, С.А. Ермаков

К ВОПРОСУ О ГРАДУАЛЬНЫХ ОППОЗИЦИЯХ ГЛАГОЛОВ НЕГАТИВНОГО ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Статья рассматривает градуальные отношений в лексике, а именно градуальные оппозиции глаголов негативного эмоционального состояния в русском языке. В фокусе внимания данной работы – выявление, описание и сопоставление градуальных лексических единиц на уровне доминантного семантического признака в структуре их значения. Как известно, описание значения в терминах сем рассматривается исследователями как предел точности. Весьма существенным и основополагающим в работе является вычленение семного конкретизатора из состава доминантного опорного семантического признака лексико-семантической группы (ЛСГ). Прием вычленения семного конкретизатора как семантического индикатора градуальности из состава доминантного опорного семантического признака ЛСГ предоставляет возможность с конкретной достоверностью фиксировать процесс градации как постепенный и последовательный переход от одной степени проявления признака к другой с усилением или ослаблением степени проявления данного семантического признака. Дифференциация доминантного признака в структуре лексического значения по семным конкретизаторам позволяет разграничить единицы анализируемой ЛСГ на микрогруппы (синонимические ряды) по градуальному семантическому признаку. Разграничение лексических единиц по градуальному семантическому признаку делает возможным выявление и описание синонимических связей между членами исследуемой ЛСГ. В статье приведена классификация синонимов по градуальному семантическому признаку.

Ключевые слова: лексико-семантической группа, синонимы, семантическое ядро, семное описание, доминантный признак, семный конкретизатор.

Е.А. Maklakova, S.A. Ermakov

ON THE QUESTION OF GRADED OPPOSITIONS OF THE VERBS OF «NEGATIVE EMOTIONAL STATE» (BASED ON THE MATERIAL OF THE RUSSIAN LANGUAGE)

The article examines the gradual relations in the lexis, namely the graded oppositions of the verbs of «negative emotional state» in the Russian language. The focus of this work is the identification, description and comparison of graded lexical units at the level of a dominant semantic trait in the structure of their meaning. As it is known, the description of the meaning in terms of semes is considered by researchers as the limit of accuracy. The separation of seminal specifiers from the composition of the dominant semantic trait of the lexical and semantic group (LSG) is very significant and fundamental in the work. The separation of the seminal specifier as a semantic indicator of graduality from

the composition of the dominant semantic trait of the lexical and semantic group allows us to record with concrete certainty the process of gradation as a gradual and coherent transition from one degree of manifestation of a trait to another with an increase or a decrease in the degree of manifestation of this semantic trait. Differentiation of the dominant trait in the structure of lexical meaning by seminal specifiers makes it possible to differentiate the units of the lexical and semantic group under study into microgroups (synonymous series) according to a gradual semantic trait. The differentiation of lexical units according to a gradual semantic trait enables to identify and describe synonymous relationships between members of the lexical and semantic group under study as well. The article presents the classification of synonyms according to the gradual semantic trait.

Key words: lexical and semantic group, synonyms, semantic core, seme description, dominant trait, seminal specifiers.

Градуальность находится в сфере интересов лингвистов на протяжении всей истории развития языкознания. Существует большое количество фундаментальных работ, посвященных проблеме градуальности, выполненных в рамках разных направлений и подходов. Тем не менее, проблеме градуальной семантики глаголов, передающих эмоциональное состояние человека, не уделялось достаточного внимания, и она представляет большой интерес для ученых.

Данная работа исследует градуальную семантику лексических единиц русского языка, входящих в лексико-семантическую группу (ЛСГ) «Глаголы негативного эмоционального состояния». Под синонимией лексических единиц или явлением полного или частичного совпадения значений членов ЛСГ с градуальной семантикой мы понимаем парадигматические отношения лексических единиц данной ЛСГ с общим по своей структуре семантическим ядром и тождественной или близкой по значению степени проявления градуального семантического признака.

Цель данной работы заключается в том, чтобы с помощью семных конкретизаторов опорного доминантного семантического признака зафиксировать градуальную динамику его проявления и описать парадигматические отношения между членами исследуемой ЛСГ.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач: отбор языкового материала по интегральным семантическим признакам, формирующим семантическое ядро значения; семная интерпретация исследуемых значений слов с применением аспектно-структурного подхода с трафаретной моделью семного описания семантики слова; выявление семных конкретизаторов в составе опорного доминантного семантического признака ЛСГ как индикаторов градуальности; группирование членов ЛСГ с градуальной семантикой по интегральным семным конкретизаторам и выявление их парадигматических отношений.

Отбор языкового материала проводился по опорному доминантному семантическому признаку ЛСГ – «интенсивность негативного эмоционального состояния». Если слова многозначные, то выбирались значения (семемы), соответствующие критерию отбора.

В качестве языкового материала в данной работе были отобраны 52 лексические единицы (65 значений) русского языка в результате сплошной выборки из заслуживающих доверия лексикографических источников, справочных изданий и онлайн-словарей.

Чувство печали - это широкий диапазон эмоциональных состояний, которые мы можем испытывать: от легкой грусти до крайнего отчаяния и горя. Казалось бы, это всем привычные и знакомые переживания и ощущения, но они с трудом поддаются формальному описанию. Порой бывает сложно не только их дифференцировать, но и дать определение какому-либо эмоциональному состоянию, объяснить, что же это такое, например:

ГРУСТИТЬ - Испытывать чувство грусти; **печалиться** [1, с. 232];

ПЕЧАЛИТЬСЯ - **Испытывать печаль**, огорчаться из-за чего-л., по поводу чего-л.; грустить [1, с. 829];

СОКРУШАТЬСЯ - Сильно огорчаться, **печалиться**, горевать [1, с. 1232].

Как не трудно заметить, лексикографические описания всех лексических единиц приводят одну и ту же часть значения, которая является «лингвистически существующей семой» [2, с. 151], а именно – печалиться, испытывать печаль. Что обозначает это действие? Думается, что для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть значение лексической единицы ПЕЧАЛЬ.

Для получения более полного толкования лексических единиц по количеству значений и их семантическому наполнению в работе использован метод обобщения словарных дефиниций, основанный «на принципе дополнительности словарных дефиниций разных словарей» [3, с. 10]. Например, лексическая единица ПЕЧАЛЬ представлена в словарях следующим образом:

- ж. 1. Чувство грусти, скорби, состояние душевной горечи. 2. То, что печалит; событие, обстоятельство и т. п., вызывающее чувство грусти и скорби. 3. Разг. Забота, беспокойство и то, что их вызывает [1, с. 829];

- Устойчивое состояние грусти, часто может использоваться как обозначение легкой степени скорби или подавляемой скорби [4];

- психологическое состояние человека, характеризующееся переживанием чувства грусти и сопровождающееся резким снижением или даже полным прекращением активности человека в данный момент времени [5, с. 286];

- негативно окрашенная эмоция, душевная горечь, спокойное переживание утраты. Страдания в печали переживаются приглушенно и не находят эмоционального выплеска [6];

- психическое состояние, обусловленное переживаниями утраты и сопровождающееся снижением интереса к внешнему миру, погруженностью в себя и поглощенностью воспоминаниями, вызывающими неприятный осадок [7].

При обобщении словарных толкований можно сформулировать следующую дефиницию: ПЕЧАЛЬ – «умеренное негативное эмоциональное состояние, сопровождаемое снижением активности, погруженностью в себя и поглощенностью воспоминаниями». Соответственно ПЕЧАЛИТЬСЯ – это пребывать, находиться, быть в состоянии ПЕЧАЛИ. Аналогичным образом были проведены обобщения словарных толкований лексических единиц, обозначающих негативные душевные переживания, а именно: ГОРЕ, ГРУСТЬ, ТОСКА, УНЫНИЕ, ХАНДРА и др.

Семная интерпретация полученных обобщенных лексикографических описаний лексических единиц проводилась с применением аспектно-структурного подхода с трафаретной моделью семного описания значения слова, который заключается «в последовательном вычленении и описании денотативных, коннотативных и функциональных аспектов семантики каждой семемы; в унификации метаязыкового описания сем; в обязательности приложения полной структурно-функциональной типологии сем того или иного семантического класса (трафаретной модели) к описанию каждого значения ...; в перечислении сем в рамках каждого семантического аспекта в определенном фиксированном порядке» [8, с. 137], например (здесь и далее: Д – денотативный макрокомпонент, К. – коннотативный макрокомпонент, Ф. – функциональный макрокомпонент):

ПЕЧАЛИТЬСЯ:

Д: быть в негативном эмоциональном состоянии умеренной интенсивности, несовершенный вид / сопровождается снижением активности, погруженностью в себя и поглощенностью воспоминаниями;

К: неоценочное, неэмоциональное;

Ф: межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

При описании семной структуры лексических единиц было выявлено, что их семантическая общность определяется наличием семантического ядра (выделено жирным шрифтом), в котором различимы интегральные микрокомпоненты значения, а именно: архисема, видоразличительная сема, доминирующая опорная сема ЛСГ с различными семными конкретизаторами (выделены жирным курсивом), например:

ЗАГОРЕВАТЬ:

Д: **быть в негативном эмоциональном состоянии *глубокой* интенсивности, совершенный вид** / имеет ряд стадий; сопровождается явно выраженными внешними проявлениями (шок, рыдания и др.);

К: неоценочное, неэмоциональное;

Ф: разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

УНЫВАТЬ семема-1:

Д: **быть в негативном эмоциональном состоянии *умеренной* интенсивности, несовершенный вид** / сопровождается безразличием к происходящему, пассивностью и др.; опасно переходом в депрессию;

К: неоценочное, неэмоциональное;

Ф: межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

КУКСИТЬСЯ:

Д: **быть в негативном эмоциональном состоянии *легкой* интенсивности, несовершенный вид** / сопровождается необоснованными желаниями и прихотями, а также гримасами и плачем (особенно у детей);

К: неоценочное, неэмоциональное;

Ф: разговорное, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

Очевидно, что семные конкретизаторы как «части семы, конкретизирующие семантический признак» [9, с. 44] (*глубокое, умеренное, легкое*), уточняют степень проявления одного и того же базового содержания в семантике исследуемых слов, а именно – градуального семантического признака ЛСГ «интенсивность негативного эмоционального состояния».

Выявленные в структуре исследуемых лексических единиц семные конкретизаторы позволяют не только описать процесс градации интегрального семантического признака, но и дифференцировать члены ЛСГ по микрогруппам, например:

- «Глубокая интенсивность переживания»: ГОРЕВАТЬ, ГОРЮНИТЬСЯ семема-1, ЖУРИТЬСЯ семема-1, ЗАГОРЕВАТЬ, ЗАГОРЮНИТЬСЯ семема-1, ЗАЖУРИТЬСЯ семема-1, ЗАКРУЧИНИТЬСЯ семема-1, КРУЧИНИТЬСЯ семема-1, КРУШИТЬСЯ семема-1, РАЗГОРЕВАТЬСЯ, РАСКРУЧИНИТЬСЯ семема-1, РАСТУЖИТЬСЯ семема-1, СКОРБЕТЬ, СКОРБИТЬ, СОКРУШАТЬСЯ, ТУЖИТЬ семема-1, УБИВАТЬСЯ, УДРУЧАТЬСЯ;

- «Умеренная интенсивность переживания»: ГОРЮНИТЬСЯ семема-2, ГРУСТНЕТЬ, ЖУРИТЬСЯ семема-2, ЗАГРУСТИТЬ, ЗАГОРЮНИТЬСЯ семема-2, ЗАЖУРИТЬСЯ семема-2, ЗАКРУЧИНИТЬСЯ семема-2, ЗАПЕЧАЛИТЬСЯ, ЗАТОСКОВАТЬ, ЗАТУЖИТЬ, КРУЧИНИТЬСЯ семема-2, КРУШИТЬСЯ семема-2, ОПЕЧАЛИТЬСЯ, ПЕЧАЛИТЬСЯ, ПРИГОРЮНИТЬСЯ семема-1, ПРИУНЫТЬ семема-1, РАСКРУЧИНИТЬСЯ семема-2, РАСТОСКОВАТЬСЯ, РАСТУЖИТЬСЯ семема-2, ТОСКОВАТЬ, ТУЖИТЬ семема-2, УНЫВАТЬ семема-1;

- «Легкая интенсивность переживания»: ВЗДЫХАТЬ, ВЗГРУСТНУТЬ, ГРУСТИТЬ, ГРУСТНЕТЬ, ЗАСКУЧАТЬ, ЗАГРУСТИТЬ, КИСНУТЬ, КУКСИТЬСЯ, МРАЧНЕТЬ, ОГОРЧАТЬСЯ, ОГОРЧИТЬСЯ, ОМРАЧАТЬСЯ, ОМРАЧИТЬСЯ, ПОГРУСТНЕТЬ, ПРИГОРЮНИТЬСЯ семема-2, ПРИУНЫТЬ семема-2, ПОНИКНУТЬ, РАЗГРУСТИТЬСЯ, РАССТРОИТЬСЯ, СКУЧАТЬ, СМУРЕТЬ, СНИКНУТЬ, УГРЮМИТЬСЯ, УНЫВАТЬ семема-2, ХМУРИТЬСЯ семема-1.

В нашей работе синонимический ряд понимается как группа близких по значению лексических единиц с общим для каждого члена группы семантическим ядром, в структуре которого выявляются яркие семы, в том числе: архисема, видоразличительная сема, доминирующая опорная сема ЛСГ с интегральным семным конкретизатором как индикатором степени проявления градуального семантического признака.

Для примера сопоставим значения лексических единиц, имеющие тождественные семные конкретизаторы опорного доминантного семантического признака.

Таблица 1

Сопоставление значений лексических единиц ГРУСТИТЬ и ОМРАЧИТЬСЯ

<p>ГРУСТИТЬ синонимический ряд «Легкая интенсивность переживания» Д. / МАКРОКОМПОНЕНТ <i>быть в негативном эмоциональном состоянии <u>легкой</u> интенсивности;</i> несовершенный вид; не нарушает нормальную деятельность; порой может быть приятным; стимулирует к действиям, направленным на изменение состояния; 0 0 К. / МАКРОКОМПОНЕНТ неоценочное, неэмоциональное; Ф. / МАКРОКОМПОНЕНТ межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное политкорректное, тонально-нейтральное.</p>	<p>ОМРАЧИТЬСЯ синонимический ряд «Легкая интенсивность переживания» Д. / МАКРОКОМПОНЕНТ <i>быть в негативном эмоциональном состоянии <u>легкой</u> интенсивности;</i> совершенный вид, 0 0 0 сопровождает переход из позитивного состояние в негативное; изменение мимики и ухудшение морального состояния; К. / МАКРОКОМПОНЕНТ неоценочное, неэмоциональное; Ф. / МАКРОКОМПОНЕНТ межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.</p>
---	--

Как видно из таблицы сопоставления, совпадающие денотативные семантические признаки составляют семантическое ядро в структурах представленных лексических единиц, по которому они были отобраны в состав исследуемой ЛСГ, а именно: *быть в негативном эмоциональном состоянии*. Не совпадает вид: **несовершенный – совершенный**. Градуальный семантический признак «интенсивность негативного эмоционального состояния» у представленных лексических единиц является интегральным по степени его проявления, что отмечено в описании слов одним и тем же семным конкретизатором градуального семантического признака (*легкой*).

Сопоставляемые семемы имеют тождественность в коннотативном и функциональном макрокомпонентах: неоценочное, неэмоциональное / межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

Отметим, что члены данного синонимического ряда, сохраняя общность семантического ядра, имеют различия по ряду микрокомпонентов денотативного макрокомпонента лексического значения (в примерах выделены жирным шрифтом): **«не нарушает нормальную деятельность; порой может быть приятным; стимулирует к действиям, направленным на изменение состояния» - «сопровождает переход из позитивного состояние в негативное; изменение мимики и ухудшение морального состояния»**. Однако наличие подобных дифференциальных микрокомпонентов в структурах данных семем не противоречит понятию синонимии и принимается допустимым для членов синонимического ряда.

Согласно вышеприведенному в нашей работе определению синонимии и, соответственно, семному сопоставлению, лексические единицы, входящие в состав синонимического ряда «*Легкая* интенсивность переживания», определяются как слова, которые можно истолковать одинаковым или почти одинаковым образом или *синонимы, тождественные по градуальному семантическому признаку*. **Тождественные синонимы** по градуальному семантическому признаку имеют одинаковый (тождественный) семный конкретизатор, по которому отбираются в один и тот же синонимический ряд и передают тождественную по интенсивности степень проявления градуального семантического признака.

Приведем следующий пример сопоставления значений лексических единиц в составе смежных синонимических рядов.

Таблица 2

Сопоставление значений лексических единиц ОГОРЧАТЬСЯ и ТОСКОВАТЬ

<p>ОГОРЧАТЬСЯ синонимический ряд «<i>Легкая</i> интенсивность переживания» Д. / МАКРОКОМПОНЕНТ <i>быть в негативном эмоциональном состоянии легкой интенсивности;</i> <i>несовершенный вид;</i> сопровождается досадой вследствие какой-либо неудачи или неприятности; 0</p> <p>К. / МАКРОКОМПОНЕНТ неоценочное, неэмоциональное;</p> <p>Ф. / МАКРОКОМПОНЕНТ межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное политкорректное, тонально-нейтральное.</p>	<p>ТОСКОВАТЬ синонимический ряд «<i>Умеренная</i> интенсивность переживания» Д. / МАКРОКОМПОНЕНТ <i>быть в негативном эмоциональном состоянии умеренной интенсивности;</i> <i>несовершенный вид;</i> 0</p> <p>сопровождается несбыточными мечтаниями, думами о былом, безрадостным отношением к жизни; К. / МАКРОКОМПОНЕНТ неоценочное, неэмоциональное;</p> <p>Ф. / МАКРОКОМПОНЕНТ межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.</p>
--	---

Как видно из таблицы сопоставления, семантические ядра в структурах обеих семем при совпадающих денотативных семантических признаках значения, а именно: *быть в негативном эмоциональном состоянии, несовершенный вид* - имеют различие по степени проявления градуального се-

мантического признака, что отмечено в описании разными семными конкретизаторами: легкой и умеренной.

Сопоставляемые семемы имеют тождественность в коннотативном и функциональном макрокомпонентах: неоценочное, неэмоциональное / межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

Жирным шрифтом в описании этой пары отмечены дифференциальные признаки денотативного макрокомпонента: **«сопровождается досадой вследствие какой-либо неудачи или неприятности» - «сопровождается несбыточными мечтаниями, думами о былом, безрадостным отношением к жизни»**. Однако наличие подобных дифференциальных микрокомпонентов в структурах данных семем не противоречит понятию синонимии.

Согласно определению синонимии и соответственно семному сопоставлению, лексические единицы ОГОРЧАТЬСЯ и ТОСКОВАТЬ определяются в нашей работе как слова, которые в определенных контекстах употребления можно истолковать одинаковым образом или как *эвентуальные синонимы по градуальному семантическому признаку*. **Эвентуальные синонимы** по градуальному семантическому признаку имеют разные семные конкретизаторы, по которым отбираются в соответствующие синонимические ряды и передают близкие по значению, но различные по интенсивности степени проявления градуального семантического признака.

Представленный в таблице 3 пример сопоставления значений лексических единиц в составе синонимических рядов, удаленных друг от друга, подтверждает их семантическую связь.

Таблица 3

Сопоставление значений лексических единиц СКУЧАТЬ и СКОРБЕТЬ

<p>СКУЧАТЬ синонимический ряд «Легкая интенсивность переживания» Д. / МАКРОКОМПОНЕНТ <i>быть в негативном эмоциональном состоянии <u>легкой</u> интенсивности;</i> <i>несовершенный вид,</i> сопровождается отсутствием интереса к окружающему; недостаточность стимуляции к какому-либо действию; 0 0 0 К. / МАКРОКОМПОНЕНТ неоценочное, неэмоциональное; Ф. / МАКРОКОМПОНЕНТ межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное политкорректное, тонально-нейтральное.</p>	<p>СКОРБЕТЬ синонимический ряд «Глубокая интенсивность переживания» Д. / МАКРОКОМПОНЕНТ <i>быть в негативном эмоциональном состоянии <u>глубокой</u> интенсивности;</i> <i>несовершенный вид,</i> 0 0 отражает процесс восстановления после утраты; имеет ряд стадий; поглощенность мучительными воспоминаниями; К. / МАКРОКОМПОНЕНТ неоценочное, неэмоциональное; Ф. / МАКРОКОМПОНЕНТ высокое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.</p>
--	--

Как видно из таблицы сопоставления, семантические ядра в структурах обеих семем при совпадающих денотативных семантических признаках значения, а именно: *быть в негативном эмоциональном состоянии, несовершенный вид* - имеют различие по степени проявления градуального семантического признака, что отмечено в описании разными семными конкретизаторами легкой и глубокой.

Сопоставляемые семемы имеют тождественность в коннотативном и функциональном макрокомпонентах: неоценочное, неэмоциональное / межстилевое, общеупотребительное, современное, общераспространенное, частотное, политкорректное, тонально-нейтральное.

Жирным шрифтом в описании этой пары отмечены дифференциальные микрокомпоненты денотативного и функционального макрокомпонентов: **«сопровождается отсутствием интереса к окружающему; недостаточность стимуляции к какому-либо действию» - «отражает процесс восстановления после утраты; имеет ряд стадий; поглощенность мучительными воспоминаниями» // межстилевое – высокое.** Однако наличие подобных дифференциальных микрокомпонентов в структурах данных семем не противоречит понятию синонимии.

Согласно определению синонимии и соответственно семному сопоставлению, лексические единицы СКУЧАТЬ и СКОРБЕТЬ определяются в нашей работе как слова, которые в определенных контекстах употребления можно истолковать одинаковым образом или как *эвентуальные синонимы по градуальному семантическому признаку*.

По результатам сопоставления значений лексических единиц в составе всех синонимических рядов исследуемой ЛСГ, а именно «Испытывать негативное эмоциональное состояние *легкой, умеренной* и *глубокой* интенсивности» - можно констатировать наличие между ними синонимических отношений разной степени близости, что позволяет определить данные синонимические ряды в целом как **синонимический блок** – «объединение слов, в котором все лексические единицы находятся в синонимических отношениях по отношению друг к другу, демонстрируя различные, но однозначные (плюс или минус) степени проявления одного и того же градуального признака» [10, с. 10].

Таким образом, результаты нашего исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

- представляется целесообразным проводить описание лексического значения глаголов эмоционального состояния через описания самих этих состояний;
- в структуре лексических единиц, входящих в состав синонимического блока, допустимы различия по микрокомпонентам денотативного, коннотативного и/или функционального макрокомпонентов, которые не противоречат пониманию семантической близости;
- основываясь на исследовании синонимического блока «Глаголы негативного эмоционального состояния», логично предположить и существование синонимического блока «Глаголы позитивного эмоционального состояния», что представляет перспективу дальнейшего исследования данной тематики;
- разработанный алгоритм описания и дифференциации членов ЛСГ с градуальной семантикой может быть экстраполирован на исследование иного фактического материала.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.
2. Кретов А. А. Комплексная методика компонентного анализа ЛСВ // Матеріали міжнародної наукової конференції "Семантика мови і тексту" 1315 жовтня 1993 року. Частина 1. Івано-Франківськ, 1993, с. 151- 152.
3. Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. Ярославль: «Истоки», 2013. 34 с.
4. Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://vocabulary.ru/> (дата обращения: 09.11.2022).
5. Немов Р. С. Психологический словарь. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. 560 с.
6. Разница между печалью и грустью [Электронный ресурс]. URL: <https://thedifference.ru/chem-otlichaetsya-pechal-ot-grusti/> (дата обращения: 09.11.2022).
7. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/ (дата обращения: 09.11.2022).
8. Маклакова Е. А. Теоретические принципы семной семасиологии и лексикографическое описание языковых единиц (на материале наименований лиц русского и английского языков): дисс. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2013. 367 с.
9. Стернин И. А. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методики исследования. М.: «Восток-Запад», 2006. 206 с.
10. Ермаков С.А. Градуальные оппозиции в ЛСГ «Наименования лиц по уровню профессионального мастерства» (на материале русского, английского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2022. 22 с.

References

1. A large explanatory dictionary of the Russian language: A-Z / RAS. In-t lingv. research. ; comp., gl. ed. of the Cand. of Philology S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 1998. 1534 p.
2. Kretov A.A. Complex methodology of component analysis of LSV // Materials of the international scientific conference «Semantics of language and text» October 13, 15, 1993. Part 1. Ivano-Frankivsk, 1993, pp. 151-152.
3. Sternin I.A. Methods of word semantics research. Yaroslavl: «Istoki», 2013. 34 p.
4. Psychological encyclopedia [Electronic resource]. URL: <https://vocabulary.ru/> / (date of application: 09.11.2022).
5. Nemov R. S. Psychological dictionary. M.: Humanitar. ed. center VLADOS, 2007. 560 p.
6. The difference between sadness and sadness [Electronic resource]. URL: <https://thedifference.ru/chem-otlichaetsya-pechal-ot-grusti/> / (date of application: 09.11.2022).
7. Encyclopedic dictionary of psychology and pedagogy [Electronic resource] // Dictionaries and encyclopedias on the Academician. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/ / (date of application: 09.11.2022).
8. Maklakova E.A. Theoretical principles of seminal semasiology and lexicographic description of linguistic units (based on the names of persons of the Russian and English languages): diss. ... Doctor of Philology. Voronezh, 2013. 367 p.
9. Sternin I.A. Contrastive linguistics. Problems of theory and methods of research. M. «East-West», 2006. 206 p.
10. Ermakov S.A. Gradual oppositions in LSG «Names of persons by the level of professional skill» (based on the material of Russian, English and French): abstract. dis. ... Candidate of Philology. Voronezh, 2022. 22 p.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.99.76.003

*Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
старший преподаватель кафедры русского языка,
теоретической и прикладной лингвистики
кандидат филологических наук
Долгополова М.В.
Россия, г. Уфа
e-mail: Plum_rain@mail.ru*

*Bashkir State Pedagogical University M. Akmully
Candidate of Philological Sciences
Senior Lecturer of the Department of Russian Language,
Theoretical and Applied Linguistics
Dolgopolova M.V.
Russia, Ufa
e-mail: Plum_rain@mail.ru*

*Уфимский университет науки и технологий
доцент кафедры современного русского языко-
знания
кандидат филологических наук
Попова Л.А.
Россия, г. Уфа
e-mail: [Lu.popova30@gmail.com](mailto:L.u.popova30@gmail.com)*

*Ufa University of Science and Technology
Candidate of Philological Sciences
Associate Professor of the Department of Modern
Russian Linguistics
Popova L.A.
Russia, Ufa
e-mail: [Lu.popova30@gmail.com](mailto:L.u.popova30@gmail.com)*

М.В. Долгополова, Л.А. Попова

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ

Как известно, язык – живой организм, он непрерывно меняется и развивается. Носители языка относительно редко сталкиваются со сложностями, связанными с обновлениями в его системе, однако иностранцам, изучающим русский язык, актуальные тенденции могут быть непонятны. Для того чтобы процессы, происходящие на современном этапе в русском языке, не создавали барьеров для полноценного общения, иностранцам необходимо иметь о них представление. Цель исследования – выявление тем, важных для беспрепятственного функционирования в языковом пространстве изучающих русский язык как иностранный. В статье рассматриваются активные процессы в современном русском языке с точки зрения их влияния на успешную коммуникацию студентов-инофонов в русскоязычной среде. Особое внимание обращается на такие изменения в системе языка, которые в настоящее время проявляются наиболее последовательно в речевой практике носителей языка, в том числе в интернет-пространстве. В частности, это сдвиги на фонетическом уровне, употребление буквы *ё* в письменной речи, изменения в грамматике (тенденции к аналитизму, использование плеоназма в выражении суперлатива, распространение употребления причастий будущего времени и др.), в лексике (появление заимствованных слов и неологизмов и др.), а также в области словообразования. Делается вывод о том, что для повышения уровня владения русским языком как иностранным необходимо включение в программу тем, связанных с основными тенденциями в развитии языка. В качестве перспективы исследования отмечается разработка упражнений, способствующих формированию у студентов-инофонов представлений об активных процессах в современном русском языке.

Ключевые слова: тенденции в развитии языка, русский язык как иностранный, методика преподавания русского языка, интернет-коммуникация.

M.V. Dolgopolova, L.A. Popova

ACTIVE PROCESSES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE IN THE ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Language is a living organism, it is constantly changing and developing. Native speakers relatively rarely face the difficulties associated with updates to its system, however, current trends may be incomprehensible to foreigners studying Russian. In order for the processes taking place at the present stage in the Russian language not to create barriers to full-fledged communication, foreigners need to have an idea about them. The purpose of the study is to identify

topics important for the smooth functioning in the language space of those who study Russian as a foreign language. The article considers active processes in the modern Russian language from the point of view of their influence on the successful communication of foreign students in the Russian-speaking environment. Particular attention is drawn to such changes in the language system, which are currently manifested most consistently in the speech practice of native speakers, including in the Internet space. In particular, these are shifts at the phonetic level, the use of the letter “ё” in written speech, changes in grammar (trends towards analyticism, the use of pleonasm in superlative expression, the spread of the use of future participles, etc.), in vocabulary (the appearance of borrowed words and neologisms, etc.), as well as in the field of word formation. It is concluded that in order to improve the level of proficiency in Russian as a foreign language, it is necessary to include in the program topics related to the main trends in the development of the language. As a research perspective, it is noted the development of exercises that contribute to the formation of foreign students' ideas about active processes in the modern Russian language.

Keywords: language situation, Russian as a foreign language, methods of teaching the Russian language, internet communication.

Язык постоянно меняется, и на его развитие влияют как внутренние (законы аналогии, стремление к речевой экономии), так и внешние (усиление международных контактов, технический прогресс) факторы. На разных уровнях языковой системы изменения происходят с разной степенью интенсивности. Так, на лексическом уровне они заметны каждому, даже не специалисту, а, например, активные процессы в грамматике не столь очевидны, так как происходят постепенно, в течение десятилетий или даже веков (см., например: [1, с. 4]).

Язык – это средство коммуникации, поэтому целью изучения любого языка, в том и числе и русского, является формирование коммуникативных способностей. Мы живём в эпоху интернет-коммуникации, Интернет – это «глобальный феномен современной жизни», причём феномен «бытийный» [2, с. 12]. По словам Г.Н. Трофимовой, «интернет-реальность как новая сфера функционирования общества и языка закрепляет и продолжает тенденцию демократизации языка... Наиболее отчетливо это наблюдается и в языковом освоении компьютерно-языкового мира и интернет-реальности. Следовательно, можно говорить и о языковом вкусе интернет-эпохи в России, в формировании которого самое непосредственное участие принимают сетевые и традиционные СМИ» [3, с. 229]. Г.Я. Солганик также отмечает, что язык СМИ – это один из важнейших факторов, оказывающих воздействие на современный русский литературный язык [4]. При этом важно, что основным средством формирования интернет-пространства является именно живой язык [2, с. 14]. В интернет-среде реализуется так называемая устно-письменная речь, способов общения же множество: электронная почта, различные социальные сети и мессенджеры, активно используемые людьми разного возраста и социальной принадлежности. Интернет-коммуникация, по мнению Т.Н. Колокольцевой, – «самая подробная документальная фиксация современного состояния русского языка и зеркало основных тенденций его развития (тенденция к усилению диалогичности, тенденция к усилению разговорности общения, тенденция к экспрессивизации общения, тенденция к огрублению речи)» [5, с. 6].

Соответственно, при обучении РКИ важно учитывать, во-первых, влияние Интернета на язык, а во-вторых, то, что изучающие русский язык так же, как и носители языка, вовлечены в интернет-пространство и им необходимо в нём беспрепятственно функционировать. Следует уточнить, что мы рассматриваем активные процессы, происходящие в языке в целом, однако основное внимание обращаем на интернет-коммуникацию, поскольку виртуальная среда становится всё более значимой. Сложность состоит, помимо прочего, и в том, что в учебниках и словарях в основном не представлены новейшие слова и конструкции, необходимые для успешной коммуникации (в первую очередь для понимания текстов). Таким образом, введение в процесс обучения РКИ объяснения активных процессов в русском языке является актуальным.

Рассмотрим основные изменения на разных уровнях языка в аспекте их влияния на построение методики преподавания РКИ.

На фонетическом уровне происходят довольно существенные сдвиги. Нормы постоянно меняются: младшая норма постепенно сменяет старшую, в словарях появляется вариантность. Вместе с тем иностранцам, изучающим русский язык, необходимо говорить грамотно. Поэтому в группах с уровнем В1 и выше уместно вводить орфоэпические упражнения, обращая внимание на сложные случаи (*твóрог / творóг, обеспечение, квартал, звонит, углублённый*). На помощь могут прийти интерактивные средства, например мобильные приложения («Правильное ударение», «Ударения», «Орфоэпия – ударение») и сайты (<http://accentonline.ru>, <http://gramota.ru>) с возможностью проверки

произношения. С другой стороны, некоторые изменения облегчают освоение русского языка. Так, например, унификация произношения сочетания *чн* как [чн], а не как [шн] в словах *пустячный, сливочный, подсвечник, коричневый* и т.д. упрощает чтение этих слов (как пишутся, так и читаются). Особенности устно-письменной коммуникации в интернет-общении часто затрудняют понимание некоторых слов и предложений: например, изучающим русский язык могут быть абсолютно непонятны слова *пжлста, лан, кто-нить*, возникшие вследствие редукции звуков, или *спс, норм*, образованные усечением части слова.

Отдельно стоит рассмотреть употребление буквы *ё* в письменной речи. В учебниках, адаптированных для иностранцев, буква *ё* не заменяется на *е*, но в книгах, газетах, вывесках буква *ё* практически не встречается (на её месте *е*), что, конечно, затрудняет прочтение. Сложности с прочтением каких-либо слов могут возникнуть и по причине распространения орфографических ошибок и опечаток в СМИ, Интернете, текстах объявлений, меню и т.п. С.М. Кузьмина отмечает, что письмо – это «часть культуры, а традиция в культуре играет особую роль. <...> однако и здесь действуют факторы развития, и здесь противоборство нормы и узуса может принимать сложный, и даже <...> драматический характер» [6, с. 172]. На занятиях важно говорить о том, что грамотность – один из показателей уровня культуры человека, поэтому нельзя ориентироваться на подобные тексты, а стоит свериться со словарём.

В грамматике наблюдаются тенденции к аналитизму, растёт число аналитов, например: *бизнес-проект, конференц-зал, режим онлайн, стиль рок, стиль фьюжн, фаст-фуд, фитнес-клуб, шорт-трек*. С одной стороны, такой активный процесс может способствовать упрощению усвоения языка иностранными студентами, однако с другой – может вызывать затруднения, поскольку является нетипичным для русского языка. Кроме того, некоторые (в первую очередь заимствованные) слова могут выполнять функции разных частей речи. Например, слово *онлайн* используется в качестве субстантива, наречия и имени прилагательного: *Он первый увидел, что будущее за онлайнom.* «Коммерсант», 2017; *«Вот почему я не покупаю вещи онлайн», – подытожил один из комментаторов.* Lenta.ru, 2018; *При этом директор Института когнитивных исследований, нейробиолог Татьяна Черниговская считает, что переход в режим онлайн – уже большая нагрузка для мозга.* Lenta.ru, 2020 [7].

В числе активных процессов на грамматическом уровне языковой системы также можно назвать использование плеоназма в выражении суперлатива: *самый лучший, самый худший*. Такие формы всё чаще воспринимаются говорящими как нормативный вариант, о чём свидетельствует и довольно большое число примеров в НКРЯ, в частности: *«Брать за основу самый лучший прогноз неправильно – он должен формироваться как среднее между лучшим и худшим», – сказал «Парламентской газете» Делягин.* «Парламентская газета», 2021; *«А что касается короткого пути – через заповедник, это самый худший вариант, который можно представить.»* «Коммерсант», 2020 [7].

Стремление к речевой экономии обнаруживается сегодня в распространении употребления причастий будущего времени (например: *сделающий, напишущий, сумеющий, пожелавший, закроющийся*). Использование таких форм относится к заполнению лакун языковой системы. Иностранные студенты, изучающие русский язык, как и школьники в процессе усвоения родного языка, часто сталкиваются с явлением лакунарности и образуют неcodифицированные формы слов. Причастия будущего времени, которые с точки зрения структуры языка можно образовать от ряда глаголов, становятся довольно популярными по причине того, что состоят из одного слова (против нормативно возможного варианта, включающего слово *который* и глагол в форме будущего времени). Например, поисковая система Интернета «Яндекс» находит 33200 результатов по запросу «сделающий», 2290 – по запросу «напишущий», 2900 – «сумеющий», 4940 – «пожелающий». Отметим, что ещё в 2007 году М. Эпштейн отмечал, что поисковая система «Гугл» находила «1200 случаев употребления причастия *сумеющий*, 1100 – *сделающий*, 728 – *пожелающий*» [8], таким образом, очевидна тенденция к увеличению количества подобных форм. В частности, такие формы слов можно встретить на сайтах, не подвергающихся редакционной обработке (форумы, социальные сети и др.). Д.П. Кирьянов и К.А. Шагал на основе эксперимента с участием 20 носителей языка делают вывод о том, что причастия будущего времени хотя и запрещены грамматикой, но, «будучи разрешенными структурно, периодически встречаются в текстах (в особенности при невозможности замены, т.е. прежде всего в неначальной позиции в причастном обороте), демонстрируют заметные сходства в поведении с «полноправными» причастными формами и не воспринимаются как абсолютно маргинальные носителями языка» [9, с. 97]. Отметим, что в настоящее время употребление подобных причастий остаётся не-

нормативным и следует использовать причастия настоящего времени, соответственно, нужно обращать внимание студентов-инофонов на данное явление.

М.Я. Гловинская отмечает среди трудностей усвоения русского языка иностранцами смешение родительного и предложного падежей: «В публичной и бытовой речи у людей, хорошо владеющих литературной нормой, часто встречаются оговорки типа *закон о выборах*, с одной стороны, и на *Сахалине без осадках* – с другой (2-е скл.) и в *случае круглой календарной дате, от литературе к историческим личностям и о новой Настасье Филипповны* (1-е скл.)» [10, с. 37–38]. Автор считает, что подобные ошибки являются массовыми и исторически обусловленными. Отметим, что это всё-таки ошибки, которых нужно избегать, а не устойчивые изменения в русском языке, что и нужно объяснять студентам-иностранцам.

Наиболее интенсивные изменения происходят в лексике: появляются заимствованные слова и неологизмы. С.В. Волошина в пособии «Активные процессы в современном русском языке» выделяет следующие лексические черты, проявляющиеся в интернет-коммуникации как основной среде общения последних десятилетий: 1) жаргонизмы: *нормалёк, инет*; 2) иноязычная лексика, написанная кириллицей: *плиз, лайк*; 3) звукоподражательные слова: *ууу, ахах, мда, бла-бла-бла*; 4) кальки: *окна*; 5) аббревиатурные образования: *ЖЖ, ИМХО, лол*; 6) разговорные, просторечные слова: *жрать, лох* и т.д. [1, с. 46]. С такими явлениями иностранные учащиеся могут столкнуться, в частности, в сообщениях и комментариях при общении в социальных сетях. Нельзя не согласиться с мнением Л.Г. Петровой и В.В. Балыкова, к которому они приходят в результате изучения особенностей интернет-коммуникации молодежи: «Здесь и возникает коммуникативный барьер, ведь на уроках русского языка как иностранного мы обучаем литературному языку. Но сам язык – это не цель, а средство успешного общения, адаптации и получения образования. Положение усугубляет то, что даже современные переводческие системы не способны перевести сокращения и аббревиатуры, используемые молодёжью в сети Интернет» [11]. Далее остановимся на некоторых изменениях в лексической системе языке более подробно.

Отдельные трудности у студентов, не владеющих английским языком, могут возникнуть с использованием и пониманием заимствованных слов, а также новообразований. Помочь преподавателю в работе с такими словами могут специальные словари и справочники (см., например: [12, 13, 14]). В частности, такие слова, как *кейс, дайджест, дедлайн, лайк, ньюсмейкер, оверсайз, сейл, хедлайнер, шопинг* и др., без базовых знаний английского языка могут представляться непонятными, следовательно, их использование может вызвать сложности для восприятия всего текста. Подчеркнём, что понимание подобной лексики важно для задачи обучения языку как средству общения в разных ситуациях, включая общение в неформальной обстановке (разговорный и публицистический стили литературного языка, а также сленг).

Зачастую требует отдельного внимания и лексика, не относящаяся к новой, но ставшая в текущий период весьма популярной по причине особой актуальности (чаще всего актуальности самого понятия, которое обозначается словом). Такие слова в работах лингвистов получают разные наименования: «ключевые слова текущего момента», «ключевые слова эпохи», «ключевые слова современности», «модные слова» и т.д. К числу слов, получивших особую популярность, можно отнести те, которые в силу ряда причин оказались адекватными приоритетам и ценностям общества относительно продолжительного периода, например: *проект, продукт, услуга, онлайн, тренд* – их семантика значительно расширилась, а в некоторых случаях и оказалась размытой, диффузной. На наш взгляд, иностранные студенты могут нуждаться в пояснении таких слов, поскольку довольно часто встречаются их в письменных и устных текстах, но не всегда понимают их значение.

Подвид данной категории лексики – слова, появившиеся или актуализированные вследствие какой-то ситуации или события. Так, во время пандемии коронавирусной инфекции получили особую значимость слова *коронавирус, ковид, пандемия, карантин, самоизоляция, локдаун, дистанционка, удаленка* и др., а также дериваты *инфодемия, ковидиот, коронапаника* и др. Они стали на определенное время очень частотными, не сразу нашли отражение в специальной литературе, однако имели весьма большое значение для коммуникации.

Кроме пополнения языка заимствованной лексикой и актуализации определённых слов активно происходят деривационные процессы, появляются словообразовательные неологизмы от русских и иноязычных основ. По справедливому замечанию Е.А. Земской, возможности языка в полной мере демонстрирует именно производная лексика [15, с. 27]. Такие слова зачастую не описываются в ко-

дификаторах, что представляет некоторую сложность при изучении русского языка как иностранного. Следовательно, на занятиях важно также обращаться к новой лексике разных категорий (в первую очередь словообразовательным неологизмам). Изучение продуктивных словообразовательных моделей будет способствовать пополнению словарного запаса студентов-иностранцев и углублению их знаний о новых словах. Как отмечает Д.Д. Дмитриева, «словообразовательный языковой материал включает в себе большие возможности для развития необходимых навыков и умений, позволяет за короткий промежуток времени значительно расширить лексический запас» [16, с. 47]. При этом работа со словообразовательными моделями неологизмов должна осуществляться не на начальных, а на более поздних этапах изучения РКИ, когда у учащихся уже сформирован определённый запас словообразовательных формантов.

Сегодня, в частности, наблюдается рост числа слов с элементом *-инг* (*брифинг, дайвинг, кастинг, кемпинг, копирайтинг, лифтинг, рейтинг, скрапбукинг, шугаринг* и др.). Некоторые из таких слов используются редко, и целесообразность их изучения на курсе РКИ необходимо оценивать исходя из потребности. В связи с этим видится уместным привести цитату из книги В.Г. Кронгауза «Русский язык на грани нервного срыва»: «В какой-то статье об экстремальных видах спорта я наталкиваюсь на кайтинг, банджи-джампинг, зорбинг, фрисби, вейкбординг и только на дайвинге облегченно вздыхаю, потому что уже слышал про него» [17, с. 56]. Кроме заимствованных слов, имеющих данный элемент в своем составе, появляются русские слова с такой морфемой, хотя пока в большинстве случаев они все же являются окказиональными (например, *намеринг, мыслинг* и др.).

К числу процессов, активно протекающих в области словообразования, относится также сокращение длинных слов, в особенности в разговорной речи (*магазин, клавиша, преподаватель, общага, университет, человек, дистант*, а также упомянутые ранее *лан, спс, пжлста* и др.). Компрессивная деривация, с одной стороны, обусловлена действием закона экономии речевых усилий, а с другой – соответствует демократическим тенденциям в языке, которые приводят «...к укреплению позиций разговорной речи, к усилению разговорной составляющей вербальной коммуникации» [18, с. 31]. Усеченные единицы активно используются в компьютерном жаргоне (*ава, админ, ноут, док, инфа, инет, комп* и др.), в принужденном интернет-общении, СМИ (*Инет – это очень удобно и мобильно, можно читать новости где угодно*. «Коммерсант», 2020; *Более реальным вариантом видится релиз биржевых индексов по внутреннему рынку на основании обработки массива инфы о заключаемых сделках – сейчас все угольные компании должны регистрировать свои сделки (не биржевые) на СПБМТСБ, – заявил коммерческий директор СУЭК Игорь Грибановский* «Известия», 2016 [7]), названиях фильмов, сериалов («Зачётный преподаватель»; «Универ», «Универ. Новая общага» и др.). Е.С. Конопкина и Т.П. Лунина, исследуя усечение как один из способов компрессивного словопроизводства, указывают на то, что «краткие наименования часто воспринимаются как более модные и современные, чем их полные прототипы»; «...» «активизация данного способа словопроизводства отражает тенденцию к экспрессивности речи» [19, с. 109–110].

Названные тенденции (стремление к речевой экономии, включая экономию речевых усилий, письменных средств, затрат времени на общение, а также расширение сферы использования неофициального стиля, возрастание экспрессивности коммуникации) проявляются и в повышении активности такого способа компрессивной деривации, как универбация: *зачётка* – зачётная книжка, *кредитка* – кредитная карта, *мобильник* – мобильный телефон, *дистанционка* – дистанционный режим/формат, *удалёнка* – удаленная работа, *оперативка* – оперативная память (омоним: оперативное совещание) и др. Приведём примеры употребления: *И это тот случай, когда зачётка работает на студента*. «Коммерсант», 2020; *Может ли удалёнка в школах вытеснить очное образование, как ограничения из-за пандемии влияют на качество обучения, какие новые цифровые тренды входят в школьные программы, и чего не нужно бояться родителям?* Vesti, 2020; *Все остальные технические характеристики – камера, оперативка, экран – остались теми же, что и у предшественника*. Vesti, 2012 [7].

Понимание описанных, а также оставшихся за пределами нашего рассмотрения в данной статье активных процессов в современном русском языке важно для преодоления коммуникативного барьера, который может возникать у студентов-иностранцев в речевой практике, особенно учитывая тот факт, что на занятиях по русскому языку и культуре речи в вузе в их родных странах (в частности, если мы говорим о студентах из Таджикистана и Туркменистана) они изучают литературный русский язык. Решению данной задачи, а также – шире – задачи обучения иностранных студентов русскому языку как средству общения будут способствовать разработка и включение в обучение соответствующих упражнений.

Библиографический список

1. Волошина С.В. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. 184 с.
2. Лингвокультурологическая и когнитивно-дискурсивная интерпретация активных процессов на базе иноязычных элементов в русском языке Интернета / Т.Б. Радбиль, Е.В. Маринова, Л.В. Рацибурская и др. // Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Нестор-История, 2019. С. 10–92.
3. Трофимова Г.Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете. Концептуально-сущностные доминанты: монография. М.: Изд-во РУДН, 2004. 380 с.
4. Солганик Г.Я. О современной культурно-речевой ситуации // Актуальные проблемы стилистики. 2016. № 2. С. 23–30.
5. Колокольцева Т.Н. Интернет-коммуникация как зеркало основных тенденций развития и функционирования русского языка // Грани познания. 2011. № 4 (14). С. 13–17.
6. Кузьмина С.М. Реформа или новая редакция? (О новой редакции свода правил русской орфографии) // Отечественные записки. 2002. № 1. С. 171–176.
7. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru>
8. Эпштейн М. Есть ли будущее у причастий будущего времени? // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия: материалы международной научной конференции (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Москва, 24–28 мая 2007 г.); ред. Н.А. Фатеева. М.: Институт русского языка РАН, 2007. С. 259–266.
9. Кирьянов Д.П., Шагал К.А. Действительное причастие будущего времени совершенного вида в русском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2011. Т. 7. № 3. С. 93–98.
10. Гловинская М.Я. Должны ли активные процессы в грамматике современного русского языка учитываться в преподавании РКИ // Русский язык за рубежом. XII конгресс МАПРЯЛ. 2011. № 4. С. 37–38.
11. Петрова Л.Г., Балыков В.В. Обучение иностранных студентов интернет-коммуникации на русском языке как новый фрагмент урока онлайн // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 71-2. С. 282–286.
12. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2008. 1040 с.
13. Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2012. 410 с.
14. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-Пресс школа, 2018. 571 с.
15. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: КомКнига, 2005. 224 с.
16. Дмитриева Д.Д. Изучение словообразования на занятиях по русскому языку как иностранному // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 47–49.
17. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак, 2008. 232 с.
18. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, 2015. 136 с.
19. Конопкина Е.С., Лунина Т.П. Усечение как способ компрессионного словообразования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2021. № 2 (31). С. 107–111.

References

1. Voloshina S.V. Active processes in the modern Russian language. Tomsk: Publishing House of Tomsk State University, 2016. 184 p.
2. Russian Russian in Internet communication: linguistic and cognitive-discursive interpretation of active processes based on foreign language elements in the Russian language of the Internet / T.B. Radbil, E.V. Marinova, L.V. Ratsiburskaya et al. // Russian language in Internet communication: linguocognitive and pragmatic aspects / edited by L.V. Ratsiburskaya. M.: Nestor-Istoriya, 2019. Pp. 10–92.
3. Trofimova G.N. The linguistic taste of the Internet age in Russia. Functioning of the Russian language on the Internet. Conceptual-essential dominants. Moscow: RUDN Publishing House, 2004. 380 p.
4. Solganik G.YA. About the modern cultural and speech situation // Actual problems of stylistics. 2016. No. 2. Pp. 23–30.
5. Kolokoltseva T.N. Internet communication as a mirror of the main trends in the development and functioning of the Russian language // Facets of Cognition. 2011. No. 4 (14). Pp. 13–17.
6. Kuzmina S.M. Reform or new edition? (About the new edition of the code of rules of Russian spelling) // Domestic notes. 2002. No. 1. Pp. 171–176.
7. NKRYA: National Corpus of the Russian Language. URL: <http://ruscorpora.ru>

8. Epshtejn M. Est' li budushchee u prichastij budushchego vremeni? // *Lingvistika i poetika v nachale tret'ego tysyacheletiya: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* (Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradov RAN. Moskva, 24–28 maya 2007 g.), red. N.A. Fateeva. M.: Institut russkogo yazyka RAN, 2007. Pp. 259–266.

9. Kiryanov D.P., Chagall K.A. The actual participle of the perfect future tense in the Russian language // *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*. 2011. Vol. 7. No. 3. Pp. 93–98.

10. Glovinskaya M.YA. Should active processes in the grammar of the modern Russian language be taken into account in the teaching of the Russian Language // *Russian language abroad. XII Congress of MAPRYAL*. 2011. No. 4. Pp. 37–38.

11. Petrova L.G., Balykov V.V. Obuchenie inostrannyh studentov internet-kommunikacii na russkom yazyke kak novyj fragment uroka onlajn // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2021. No 71-2. Pp. 282–286.

12. Zakharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V. *New dictionary of foreign words*. Moscow: Azbukovnik, 2008. 1040 p.

13. Krysin L.P. *Modern dictionary of foreign words*. Moscow: AST-Press, 2012. 410 p.

14. Shagalova E.N. *Dictionary of the newest foreign words*. Moscow: AST-Press school, 2018. 571 p.

15. Zemskaya E.A. *Word formation as an activity*. Moscow: KomKniga, 2005. 224 p.

16. Dmitrieva D.D. Studying word formation in the classroom of Russian as a foreign language // *Baltic Humanitarian Journal*. 2020. Vol. 9. No. 1 (30). Pp. 47–49.

17. Krongauz M.A. *Russian language on the verge of a nervous breakdown*. Moscow: Znak, 2008. 232 p.

18. Ratsiburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V. *The specifics of modern media word-making*. Moscow: FLINT, 2015. 136 p.

19. Konopkina E.S., Lunina T.P. Truncation as a method of compressive word formation // *Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies*. 2021. No. 2 (31). Pp. 107–111.

УДК 811.112.2`36

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.45.19.004

Новосибирский государственный педагогический университет
Кандидат филологических наук,
профессор кафедры романо-германских языков
Архипова И.В.
Россия, г. Новосибирск, тел. +79139017605
E-mail: irarch@yandex.ru

Novosibirsk State Pedagogical University
The chair of Roman and German languages
PhD, full professor
Arkhipova I.V.
Russia, Novosibirsk,
tel. +79139017605
E-mail: irarch@yandex.ru

И.В. Архипова

АКТУАЛИЗАЦИЯ ТАКСИСА В СОВРЕМЕННОМ НИДЕРЛАНДСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящая статья посвящена рассмотрению вопроса актуализации категориальной семантики независимого и зависимого таксиса в современном нидерландском языке. Особое внимание в данной статье уделяется описанию актуализации категориальных значений зависимого таксиса в высказываниях с предложными девербативами. Категориальная семантика зависимого таксиса в нидерландском языке актуализируется в высказываниях с предложными девербативами, содержащих различные таксисные предлоги темпоральной и обстоятельственной семантики. Предлоги выступают в роли таксисных маркеров. Они могут выступать в качестве маркеров примарного таксиса одновременности / разновременности и маркеров секундарного таксиса одновременности. Таксисные предлоги темпоральной семантики *na, vanaf, sinds, sedert, gedurende, hangende, voor, voorafgaand aan, tot, bij* маркируют примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования. Таксисные предлоги обстоятельственной семантики *in, met, bij, vanwege, wegens, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, voor* эксплицируют различные секундарно-таксисные категориальные значения одновременности обстоятельственного характера. Предложные девербативы выступают в качестве различных таксисных актуализаторов одновременности и разновременности. В ходе исследования установлено, что категориальная семантика примарного таксиса одновременности и разновременности актуализируется в высказываниях с предложными девербативами с таксисными предлогами темпоральной семантики *na, vanaf, sinds, sedert, gedurende, hangende, voor, voorafgaand aan, tot, bij*. Категориальная семантика секундарного таксиса одновременности актуализируется в высказываниях с предложными девербативами с таксисными предлогами модальной, кондициональной, каузальной, concessивной, консекутивной и финальной семантики *in, met, bij, vanwege, wegens, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, voor*.

Ключевые слова: таксисная семантика, примарный таксис, секундарный таксис, таксисный актуализатор, таксисный маркер.

I.V. Arkhipova

ACTUALIZATION OF TAXIS IN THE MODERN DUTCH LANGUAGE

This article is devoted to the issue of actualization of the categorial semantics of independent and dependent taxis in the modern Dutch language. Particular attention in this article is paid to the description of the actualization of the categorial meanings of the dependent taxis in statements with prepositional deverbatives. Prepositions act as taxis markers. They can act as markers of primary taxis of of simultaneity / non-simultaneity and as markers of secondary taxis of simultaneity. The taxis prepositions of temporal semantics *na, vanaf, sinds, sedert, gedurende, hangende, voor, voorafgaand aan, tot, bij* mark the primary-taxis categorial meanings of simultaneity, precedence and following. The taxis prepositions of circumstantial semantics *in, met, bij, vanwege, wegens, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, voor* mark various secondary-taxis categorial meanings of simultaneity of circumstantial character. Prepositional deverbatives act as various taxis actualizers of simultaneity and non-simultaneity. In the course of the study, it was found that the categorial semantics of the primary taxis of simultaneity and non-simultaneity is actualized in statements with prepositional deverbatives with taxis prepositions of temporal semantics *na, vanaf, sinds, sedert, gedurende, hangende, voor, voorafgaand aan, tot, bij*. The categorial semantics of the secondary taxis of simultaneity is actualized in statements with prepositional deverbatives with taxis prepositions of modal, conditional, causal, con-

cessive, consecutive and final semantics *in, met, bij, vanwege, wegens, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, voor*.

Key words: taxis semantics, primary taxis, secondary taxis, taxis actualizer, taxis marker.

В современных функционально-грамматических исследованиях неоднократно освещались вопросы, связанные с описанием и актуализацией таксисных категориальных значений одновременно и разновременности в различных языках. Данная проблематика представлена в работах И.В. Архиповой [1], А. Барентсена [2, с. 269–366], А.В. Бондарко [3, с. 31–33], В.С. Храковского [4, с. 32–54].

В фокусе исследовательского внимания находится проблема актуализации таксисной категориальной семантики одновременно и разновременности в высказываниях с предложными девербативами в современном нидерландском языке.

Вопросу актуализации категориальной семантики независимого таксиса в нидерландских высказываниях с таксисными союзами посвящено исследование А. Барентсена [2, с. 269–366], в то время как проблема языковой репрезентации категориальных значений одновременно, предшествования и следования в нидерландских высказываниях с таксисными предложениями остается практически не изученной. В связи с этим актуальность изучения вопроса актуализации категориальной семантики таксиса в высказываниях с предложными девербативами в нидерландском языке не вызывает сомнения.

Материалом для данного исследования послужили нидерландские высказывания с предложными девербативами, полученные методом направленной выборки из электронной базы Лейпцигского национального корпуса (LC).

В работе были использованы такие методы, как: индуктивный, гипотетико-дедуктивный, метод сплошной выборки, описательный, метод классификации, метод обобщения и интерпретации языковых фактов, а также приемы корпусного и контекстуального анализа.

В рамках функционально-семантической концепции таксис трактуется как бицентрическое функционально-семантическое поле с двумя субполями – зависимого и независимого таксиса. Субполе независимого таксиса одновременно и разновременности в нидерландском языке конституируют сложноподчиненные предложения с темпоральными придаточными. К конститутивным компонентам субполя зависимого таксиса относятся высказывания с причастными, инфинитивными и предложно-девербативными конструкциями.

Категориальная семантика независимого таксиса одновременно, предшествования и следования актуализируется в сложноподчиненных предложениях с таксисными союзами. К относятся такие союзы, как: *zodra, toen, nu, als, wanneer, voor, voordat, eer, eerdad, aleer, tot, totdat, nadat, na, zolang, zo gauw, zo gauw als, sinds, sedert* и др. [2, с. 300–326], например:

(1) Er klinkt applaus *wanneer* de staten Ohio en vervolgens Iowa naar Obama gaan. (LC). – ‘Звучат аплодисменты, *когда* штаты Огайо, а затем Айова переходят к Обаме’.

(2) In de winter ligt er soms een mooie gladde ijsvloer, *totdat* er sneeuw overheen valt. (LC). – ‘Зимой иногда бывает хороший гладкий ледяной пол, *пока* на него не выпадет снег’.

(3) Wel vallen de ingelegde bedragen vier jaar *nadat* ze zijn ingelegd vrij (LC). – ‘Однако депонированные суммы разблокируются через четыре года *после* их депонирования’.

(4) Bijna dertig Venezolanen worden vermist, *sinds* ze met een boot een poging hadden gedaan Curaçao te bereiken. (LC). – ‘Почти тридцать венесуэльцев пропали без вести *с тех пор*, как попытались добраться до Кюрасао на лодке’.

(5) Gilbert was nochtans goed in vorm *voordat* hij ging sukkelen ... (LC). – ‘Гилберт был в хорошей форме до того, как начал бороться ...’.

В приведенных высказываниях, являющихся репрезентантами субполя независимого таксиса в современном нидерландском языке, актуализованы примарно-таксисные категориальные значения одновременно, предшествования и следования. В качестве таксисных маркеров выступают таксисные союзы темпоральной семантики *wanneer, totdat, nadat, sinds, voordat*. Примарно-таксисные категориальные значения одновременно и разновременности следования характерны для высказываний, содержащих эксплицитные показатели хронологических значений одновременно, предшествования и следования. Таковыми являются нидерландские таксисные союзы темпоральной семантики (см. высказывания 1–5).

Среди исследованных нидерландских высказываний с предложными девербативами следует выделять высказывания примарного типа и высказывания секундарного типа. В состав высказываний примарного типа входят таксисные предлоги темпоральной семантики, выступающие в качестве мар-

кером примарно-таксисных категориальных значений одновременности, предшествования и следования. В состав высказываний секундарного типа «включены» таксисные предлоги обстоятельственной семантики, эксплицирующие обстоятельственно-таксисные категориальные значения одновременности (каузально-таксисные, concessiefно-таксисные, consecutiefно-таксисные и др.). В высказываниях примарного типа актуализируются примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования, а в высказываниях секундарного типа – секундарно-таксисные категориальные значения одновременности, совмещенные с различными обстоятельственными значениями (условия, причины, уступки, следствия и др.). Секундарно-таксисные категориальные значения гетерогенны и синкретичны. Секундарно-таксисные категориальные значения одновременности детерминированы наличием полисемичных таксисных предлогов и явлением синкретизма в системе таксисных значений.

В высказываниях с таксисными предлогами темпоральной семантики репрезентируются примарно-таксисные категориальные значения. К ним относятся предлоги *gedurende, hangende, voor, voorafgaand aan, tot, na, vanaf, sinds, sedert, bij*. Например:

(6) *Ok tijdens deze bijeenkomst is er tijd ingeruimd voor informeel netwerken en bijpraten (LC).* – ‘На этой встрече также было выделено время для неформального общения.’

(7) *Bij aankomst van de brandweer stonden twee auto’s in lichterlaaie, een wit bestelbusje en een personenauto (LC).* – ‘На момент прибытия пожарной команды горели два автомобиля: белый микроавтобус и легковой автомобиль’.

(8) *Na jouw vertrek zal mijn hart eeuwig versteend zijn (LC).* – ‘После того, как ты уйдешь, мое сердце навсегда окаменеет’.

(9) *We adviseren reizigers voor vertrek de reisplanner te checken op voor de meest actuele reisinformatie (LC).* – ‘Мы советуем путешественникам сверяться с планировщиком поездок *перед отъездом*, чтобы получить самую свежую информацию о путешествии’.

В приведенных выше примерах актуализованы примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, следования и предшествования. В качестве таксисных маркеров выступают таксисные предлоги темпоральной семантики *bij, tijdens, voor, na*, эксплицирующие примарный таксис одновременности и разновременности. В роли таксисных актуализаторов выступают предложные девербативы *tijdens deze bijeenkomst, bij aankomst van de brandweer, na jouw vertrek, voor vertrek*.

В высказываниях, содержащие различные темпоральные квантификаторы типа *vorig jaar, een dag, enkele dagen, een paar dagen, een week, een half uur, een uur, kort, vlak* и др., репрезентируются квантитативно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности и разновременности. В качестве таксисных маркеров предшествования и следования выступают таксисные предлоги темпоральной семантики *na* и *voor*. В роли таксисных актуализаторов выступают предложные девербативы *na mijn aankomst* и *na vertrek*. В приведенных ниже примерах актуализованы квантитативно-примарно-таксисные значения следования, детерминированные наличием темпоральных квантификаторов *kort, een uur*:

(10) *Kort na mijn aankomst komt de eerste Gazelle al binnen wapperen (LC).* – ‘Вскоре после моего приезда влетает первая «Газель»’.

(11) *Een uur na vertrek landde het vliegtuig veilig op een luchtmachtbasis nabij Mexico (LC).* – ‘Через час после вылета самолет благополучно приземлился на базе ВВС недалеко от Мексики’.

Актуализация повторяемых примарно-таксисных категориальных ситуаций одновременности и разновременности возможна в силу семантического взаимодействия индикаторов итеративности – итеративных девербативов (*bijeenkomsten*), итеративных атрибутов или адвербиалов (*meerdere, enkele, elke, enige, immer, vaak* и др.).

В приведенных ниже высказываниях актуализованы сопряженные итеративно-примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности:

(12) *Tijdens die bijeenkomsten komen vaak gastdocenten en experts uit andere vakgebieden aan het woord (LC).* – ‘Во время этих встреч часто выступают приглашенные лекторы и эксперты из других областей’.

(13) *Per Masterclass duikt u tijdens meerdere bijeenkomsten diep en grondig in de lesstof (LC).* – ‘На каждом мастер-классе вы глубоко и тщательно погружаетесь в учебный материал в течение нескольких встреч’.

В высказываниях (12–13) в роли таксисного маркера одновременности выступает предлог темпоральной семантики *tijdens*. Предложные девербативы *tijdens die bijeenkomsten* и *tijdens meerdere bijeenkomsten* являются актуализаторами сопряженных итеративно-примарно-таксисных категориальных значений одновременности. Итеративное прочтение примарно-таксисной категориальной ситуации специфицировано словообразовательно-итеративным девербативом *bijeenkomsten*, а также итеративным атрибутом *meerdere* и итеративным адвербиалом *vaak*.

В высказываниях с таксисными предложениями обстоятельственной семантики актуализируются секундарно-таксисные категориальные ситуации одновременности. К таким предложениям относятся *vanwege*, *wegens*, *ondanks*, *ongeacht*, *trots*, *ingevolge*, *krachtens*, *in*, *bij*, *met*, *voor*. Для подобных высказываний характерен синкретизм хронологического значения одновременности и обстоятельственного значения уступки, условия, причины и др. Секундарно-таксисные категориальные значения одновременности являются обстоятельственно-таксисными значениями. В высказываниях нидерландского языка могут быть актуализованы модально-таксисные, каузально-таксисные, concessивно-таксисные, консекутивно-таксисные и кондиционально-таксисные категориальные значения одновременности.

При актуализации модально-таксисных ситуаций одновременности в следующих высказываниях в качестве таксисных актуализаторов выступают предложные девербативы *met stomme verbazing* и *in verwondering*:

(14) *Met stomme verbazing* staarde ik naar de teller die steeds sneller opliep (LC). – ‘Я в изумлении уставился на счетчик, который увеличивался все быстрее и быстрее’.

(15) *Dan zal het in verwondering* omzien naar het achterliggende decennium (LC). – ‘Затем он с удивлением оглянется на прошедшее десятилетие’.

В приведенных ниже высказываниях актуализируются каузально-таксисные категориальные ситуации одновременности, специфицированные предложными девербативами *vanwege de beschieting van een woning in Almere* и *vanwege verhuizing*:

(16) *Twee minderjarige meisjes zijn opgepakt vanwege de beschieting van een woning in Almere* (LC). – ‘Две несовершеннолетние девочки арестованы за обстрел дома в Алмере’.

(17) *Had een week geen internet vanwege verhuizing ...* (LC). – ‘Неделю не было интернета из-за переезда ...’.

Concessивно-таксисные категориальные ситуации одновременности репрезентированы в высказываниях (18) – (19). В качестве таксисных актуализаторов и детерминаторов выступают предложные девербативы *ondanks het aantrekken van de economie toe* и *ondanks het vertrek van een aantal basisspelers*, ср.:

(18) *Het aantal bijstandsuitkeringen neemt ondanks het aantrekken van de economie toe* (LC). – ‘Несмотря на восстановление экономики, количество пособий по социальной помощи увеличивается’.

(19) *Ondanks het vertrek van een aantal basisspelers* slaagde de vertrekkend coach erin toch weer een sterke ploeg op de been te brengen. – ‘Несмотря на уход ряда основных игроков, уходящему тренеру удалось вновь собрать сильную команду’.

В высказывании (20) актуализована консекутивно-таксисная категориальная ситуация одновременности посредством предложного девербатива *krachtens besluit van de algemene vergadering*:

(20) *Ontzetting uit het lidmaatschap* geschiedt op voordracht van het bestuur *krachtens besluit van de algemene vergadering* (LC). – ‘Исключение из членов происходит по рекомендации правления на основании решения общего собрания’.

В силу наличия предложного девербатива с атрибутом *nader* в функции кондиционального актуализатора (см. предложный девербатив *bij nadere statistische beschouwing*) в следующем высказывании репрезентирована кондиционально-таксисная категориальная ситуация одновременности:

(21) *Bij nadere statistische beschouwing* bleek dat toch geen verklarende factor te zijn (LC). – ‘Более тщательный статистический анализ показал, что это не является объясняющим фактором’.

В высказывании (22) актуализована финально-таксисная категориальная ситуация одновременности, обусловленная наличием предложного девербатива *voor deze bijeenkomst*:

(22) *Voor deze bijeenkomst* is accreditatie aangevraagd (LC). – ‘Для этого собрания была запрошена аккредитация’.

Таким образом, в современном нидерландском языке таксисные категориальные значения одновременности и разновременности актуализируются в высказываниях с таксисными союзами и в

высказываниях, содержащих предложные девербативы с таксисными предложениями темпоральной и обстоятельственной семантики. В высказываниях с таксисными союзами актуализируются категориальные значения независимого таксиса, а в высказываниях с таксисными предложениями – категориальные значения зависимого таксиса (примарного, секундарного). Предлоги являются таксисными маркерами, а предложные девербативы выступают в качестве таксисных актуализаторов одновременности и разновременности (предшествования, следования).

Среди обследованных высказываний с предложными девербативами следует выделять высказывания примарного типа и высказывания секундарного типа. В состав высказываний примарного типа входят таксисные предлоги темпоральной семантики, выступающие в качестве маркеров значений примарного таксиса одновременности, предшествования и следования. В состав высказываний секундарного типа «включены» таксисные предлоги обстоятельственной семантики, эксплицирующие секундарно-таксисные категориальные значения одновременности. В высказываниях примарного типа актуализируются примарно-таксисные категориальные значения одновременности, предшествования и следования, а в высказываниях секундарного типа – секундарно-таксисные категориальные значения одновременности, совмещенные с различными обстоятельственными значениями (условия, причины, уступки, следствия и др.). Секундарно-таксисные категориальные значения гетерогенны и синкретичны. Секундарно-таксисные категориальные значения одновременности детерминированы наличием полисемичных таксисных предлогов и явлением синкретизма в системе таксисных значений. Семантика полисемичного предлога специфицирует разновидность той или иной секундарно-таксисной категориальной ситуации. В высказываниях с таксисными предложениями темпоральной семантики *na, vanaf, sinds, bij, gedurende, tijdens, voor, voorafgaand aan, tot* актуализируются примарно-таксисные категориальные ситуации одновременности, предшествования и следования. В высказываниях с таксисными предложениями обстоятельственной семантики *in, met, in, bij, ondanks, ongeacht, trots, ingevolge, krachtens, vanwege, wegens, voor* возможна актуализация модально-таксисных, кондиционально-таксисных, concessивно-таксисных, консекутивно-таксисных, каузально-таксисных и финально-таксисных категориальных значений одновременности.

Библиографический список

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках. Монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
2. Барентсен А. Таксис в нидерландском языке // Типология таксисных конструкций. Отв. ред. В.С. Храковский. Москва, 2009. С. 269–366.
3. Бондарко, А. В. Глагольные категории в системе функциональной грамматики. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2017. 336 с.
4. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // Вопросы языкознания. 2003. № 2. С. 32–54.
5. LC–Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 10.08. 2022).

References

1. Arkhipova I.V. Taxis category in different-structured languages: a monograph. Novosibirsk, 2020. 173 p.
2. Barentsen A. Taxis in Dutch // Typology of taxis constuctions. Moskow, 2009. P. 269–366.
3. Bondarko A.V. Verbal categories in the system of functional grammar. 2nd ed. Moskow, 2017. 336 p.
4. Khrakovskiy V.S. Taxis category (general characteristics) // Questions of linguistics. 2003. № 2. P. 32–54.
5. LC – Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (date of application: 10.08. 2022).

УДК 378:811.111.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.32.31.005

*Воронежский государственный университет,
доцент кафедры английского языка естествен-
но-научных факультетов факультета романо-
германской филологии кандидат филологических
наук
Шишкина Н.М.
Россия, г. Воронеж, тел.: 8(473) 2-208-395
e-mail: shishknat@mail.ru*

*Voronezh State University
Associate Professor of English Chair for Science
Departments
PhD in Phylology,
Shishkina N.M.,
Russia, Voronezh, tel.: 8(473) 2-208-395
e-mail: shishknat@mail.ru*

Н.М. Шишкина

ПРОЕКТ, ПРЕЗЕНТАЦИЯ И КОНСПЕКТ КАК СПОСОБЫ ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ В ИНОЯЗЫЧНОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье рассматриваются примеры практической реализации компетентностного подхода в процессе организации иноязычной подготовки студентов неязыковых специальностей. Актуальность выполнения предлагаемой работы обусловлена необходимостью поиска образовательных технологий, способствующих формированию универсальных компетенций, которые должны присутствовать у выпускников вузов, обучающихся на любых направлениях и профилях подготовки. Обсуждается вопрос использования технологий активного обучения, таких как подготовка и представление проекта в виде презентации в Power Point, а также продуктивных, индивидуально ориентированных технологий, таких как составление конспекта во время прослушивания презентаций и написание рассказа-сообщения по обсуждаемой теме на основе сделанных записей. Даются выполненные студентами первого курса факультета прикладной математики, информатики и механики Воронежского государственного университета примеры слайдов презентаций и рассказа-сообщения о знаменитых математиках. Подчеркивается роль выбранных форм работы в процессе иноязычной учебной деятельности как для установления междисциплинарных связей, так и для интеграции аудиторной и внеаудиторной работы студентов. Выделяются преимущества и недостатки использования предлагаемых образовательных технологий.

Ключевые слова: обучение иностранному языку, универсальная компетенция, образовательные технологии, проект, презентация, известные математики.

N.M. Shishkina

PROJECT, PRESENTATION AND SYNOPSIS AS WAYS OF FORMING UNIVERSAL COMPETENSIES IN THE PROCESS OF TEACHING A FOREIGN LANGUAGE

The article deals with discussing the examples of practical implementation of the competence approach in the process of teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties. The proposed work has considerable relevance because of the necessity to search for educational technologies that make a positive contribution to the formation of universal competencies university graduates must achieve when studying at any areas and training any profiles. There has been considered the question of using active learning techniques, such as preparing and presenting a project in the form of Power Point presentation as well as productive individually oriented activities, such as taking notes while listening to the presentations and writing a story-message on the topic under discussion. The examples of slides of the presentations and synopses about famous mathematicians made by first-year students of the Faculty of Applied Mathematics, Informatics and Mechanics of Voronezh State University are given. The discussed forms of work serve an essential role in the process of teaching a foreign language to establish interdisciplinary connections and integrate students' work in the classroom with their self-study. The advantages and disadvantages of using the proposed educational technologies are highlighted.

Key words: teaching a foreign language, universal competence, educational technologies, project, presentation, famous mathematicians.

Компетентностная основа подготовки обучающихся в высших учебных заведениях Российской Федерации предполагает формирование у выпускников вузов комплекса профессиональных и универсальных компетенций (ПК и УК). Универсальные компетенции, принятые во ФГОС ВО 3++, являются важным элементом для обеспечения преемственности уровней высшего образования и приведения к единой форме образовательных результатов. Универсальные компетенции отвечают запросам современного общества в сфере социально-личностной позиции выпускника образовательной программы высшей школы соответствующего уровня и его готовности к саморазвитию и самореализации.

Педагоги и ученые отмечают, что «при выборе образовательных технологий, которые могут быть использованы для формирования универсальных компетенций в рамках реализации основной профессиональной образовательной программы высшего образования, целесообразно ориентироваться на характеристики, определяющие потенциал конкретной образовательной технологии как для формирования универсальных компетенций выпускников в целом, так и их отдельной категории (группы)» [1, с. 245].

Известно, что использование соответствующих и разнообразных форм организации учебного процесса является залогом эффективности образовательной программы. В данной статье предлагается описание некоторых способов организации иноязычного образовательного процесса, способствующих формированию УК-4: «способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)», на первой ступени обучения основной образовательной программы (в бакалавриате). Выделенная УК-4 реализуется через формирование следующих индикаторов: выбирает на иностранном языке коммуникативно приемлемые стратегии делового общения и владеет интегративными коммуникативными умениями в устной и письменной иноязычной речи [1, с. 137-138].

Так, например, студентам первого курса бакалавриата факультета прикладной математики, информатики и механики, обучающимся по основной профессиональной образовательной программе по направлению 02.03.03 – «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем» (МОиАИС) на занятии по английскому языку в конце второго семестра было предложено подготовить и представить проект об одном из известных математиков.

Среди разных форм и практик образовательных технологий проект занимает одно из ведущих мест. Применение проектной деятельности и проектных методик в организации образовательного процесса достаточно рассмотрено и широко представлено в научно-педагогической литературе [1-7 и др.]. Как, например, отмечают А.М. Новиков и Д.А. Новиков, на смену существовавшему ранее в технике и строительстве традиционному пониманию проекта как совокупности документов (расчетов, чертежей и др.) «пришло современное понимание проекта как заверщенного цикла продуктивной деятельности отдельного человека, коллектива, организации, предприятия или совместной деятельности многих организаций и предприятий» [2, с.13-14]. Что касается использования проектов в образовательной сфере, согласимся с И.Ю. Тархановой и И.Г. Харисовой в том, что «разработка и реализация проектов предполагают включение обучающихся в деятельность по получению конкретного продукта, обладающего субъективной или объективной новизной; основаны на алгоритме, включающем этапы целеполагания, планирования, контроля, оценивания и анализа; содержат в своей основе поиск и разработку вариантов решения проблемных ситуаций различного характера» [5].

Выполнение рассматриваемой нами проектной работы о знаменитых математиках было разделено на несколько этапов. На подготовительном этапе студенты составили список известных им математиков и математиков, чьи труды и открытия они изучают на практических занятиях по специальности. В этот список вошли имена математиков самых разных стран и эпох, представителей разных школ и направлений, такие как: Фибоначчи, Пьер де Ферма, Исаак Ньютон, Брук Тейлор, Габриэль Крамер, Пьер-Симон де Лаплас, Огюстен Луи Коши, Карл Теодор Вильгельм Вейерштрасс, Генрих Эдуард Гейне, Иван Иванович Жегалкин и Марк Григорьевич Крейн. Затем распределили и обсудили, кто и о ком будет рассказывать, а также установили сроки сдачи проектных работ.

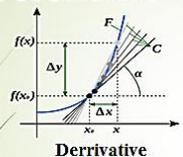
По результатам анализа поставленной задачи совместно со студентами был определен оптимальный срок для ее выполнения – три недели. На промежуточном этапе, через одну неделю, студенты должны были показать преподавателю свой план проекта, источники получения информации и материал, который они собираются представить. Проекты выполнялись в виде презентации в Power Point, так как приложение Power Point предлагает возможность использования

более эффективного визуального предоставления и восприятия учебного материала, что, вне всякого сомнения, способствует лучшему пониманию и запоминанию информации [7, с. 88].

Представить проектную работу предполагалось в течение 5 минут, дополнительное время было отведено на то, чтобы ответить на вопросы. Отметим, что три минуты студент должен был выступать на английском языке, и две минуты можно было говорить на русском, поскольку тематика достаточно серьезная и сложная с точки зрения ее подачи на иностранном языке. Заметим, что уровень владения английским языком студентами группы был средний или чуть выше среднего.

В качестве примера приведем слайды двух презентаций, выполненных студентами первого курса, 9-й группы, направления (МОиАИС), факультета прикладной математики, информатики и механики в мае 2022 года (орфография и пунктуация сохранены). Презентация Толстопятова Владислава о французском математике Огюстене Луи Коши [8, 9, 10].

<p>Voronezh State University Faculty of Applied Mathematics, Informatics and Mechanics</p> <h2>Augustin Louis Cauchy</h2> <p>Tolstopyatov V 1 course</p>	<h2>Plan</h2> <ul style="list-style-type: none"> ➤ Biography ➤ Private life ➤ Scientific achievements
<h2>Biography</h2> <p>Augustin Louis Cauchy was born in 1789 April in the family of an official, a deeply religious monarchist.</p> <p>He studied at Polytechnic school (1805) Then Augustin Louis Cauchy moved to the Paris school of Bridges and Roads (1807).</p> <p>(1789 – 1857)</p>	<h2>Biography</h2> <p>In 1811 – 1812 Cauchy presented several works to the Paris Academy. In 1813 he returned to Paris, continued his mathematical researches.</p> <p>In 1821, the work "Algebraic Analysis" was published on the grounds of analysis.</p> <p>(1789 – 1857)</p>
<h2>Private life</h2> <p>In 1818 Augustin Louis Cauchy married Elize de Beur.</p> <p>They had two daughters.</p> <p>Elize de Beur</p>	<h2>Scientific achievements</h2> <p>Cauchy wrote over 800 works. The complete collection of his works contains 27 volumes.</p> <p>Cauchy gave a strict definition of the concepts of mathematical analysis.</p>

<p>Scientific achievements</p> <p>Derrivative</p> $\sum_{n=1}^{\infty} (-1)^n \cdot \frac{n}{n^2 + 1}$ <p>Convergence of serias</p>	<p>Scientific achievements</p> <p>Cauchy 's theorem</p> <p>Определение. Число A называется пределом последовательности $\{x_n\}$, если для любого $\epsilon > 0$ найдётся такое $M = M(\epsilon) \in \mathbb{N}$, что для всех $n > M$ выполняется условие $x_n - A < \epsilon$.</p> <p>Записывается предел так:</p> $\lim_{n \rightarrow \infty} x_n = A$
$\int f(x) dx$ <p>Integral</p> $\lim_{n \rightarrow \infty} C = C$ <p>Limit</p>	

Презентация Лавлинского Николая о французском математике Пьер-Симоне де Лапласе [10, 11, 12].

<p>PIERRE-SIMON DE LAPLACE</p> <p>Lavinski Nikolay VORONEZH STATE UNIVERSITY Faculty of Applied Mathematics, Informatics and Mechanics</p>	<p>PLAN:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Brief biography • Scientific achievements • Theorem • Conclusion
<ul style="list-style-type: none"> • Pierre-Simon Laplace (1749-1827) is a mechanic, physicist and astronomer; Laplace's achievements in the field of pure and applied mathematics are enormous: he improved almost all sections of these sciences. 	<ul style="list-style-type: none"> • Particularly important results relate to potential theory and special functions. The Laplace transform and the Laplace equation are named after him. <p style="text-align: center;">LAPLACE EQUATION</p> $\frac{\partial^2 T}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 T}{\partial y^2} + \frac{\partial^2 T}{\partial z^2} = 0$
<p style="text-align: center;">LAPLACE'S THEOREM:</p> <ul style="list-style-type: none"> • Let any K-th rows of the matrix A be selected. Then t determinant of the matrix A is equal to the sum of all possit products of K-th order minors located in these lines by the algebraic complemen where summation is carried out by all possible column numbe $j_1 \dots j_k$ $\det A = \sum_{j_1 < \dots < j_k} M_{j_1, \dots, j_k}^{i_1, \dots, i_k} A_{j_1, \dots, j_k}^{i_1, \dots, i_k}$	<ul style="list-style-type: none"> • Laplace expanded and systematized the mathematical foundation of probability theory, introduced generating functions. The first book of the Analytical Theory of Probability is devoted to the mathematical foundations; the theory of probability itself begins in the second book, as applied to discrete random variables. There is also a proof of the Moivre—Laplace limit theorems and applications to the mathematical processing of observations, population statistics and "moral sciences".

Отдельно отметим, что согласно учебному плану основной образовательной программы по направлению 02.03.03 – «Математическое обеспечение и администрирование информационных систем» студенты изучают теоремы Коши при прохождении учебной дисциплины «Математический анализ» в первом, втором, третьем и четвертом семестрах обучения. Теорема Пьера-Симона де

Лапласа изучается в курсе учебной дисциплины «Линейная алгебра» в первом семестре первого года обучения. Данный факт еще раз подтверждает, что выбранные образовательные технологии предоставляют уникальную возможность преподавателю организовать работу обучающихся с темами, обозначенными в программах других учебных дисциплин, и тем самым установить междисциплинарные связи. В этом случае крайне важной представляется правильная организация преподавателем образовательного процесса, где стоит обратить самое пристальное внимание на все его составляющие, например, количество материала, качество его представления, время для ответа и т.п.

Практическая реализация описываемой нами работы показала, что выполненные всеми студентами группы проекты в совокупности составили непривычно большой объем информации для единовременного восприятия. Для того чтобы исследуемый материал и работа обучающихся не остались без внимания и осмысления, на этапе защиты проекта при прослушивании презентаций студенты должны были делать записи в виде опорного конспекта для выполнения еще одного домашнего задания, а именно написания рассказа-сообщения о выбранных математиках. Рассказ-сообщение должен был быть составлен в хронологической последовательности по годам рождения ученых с возможными выводами о влиянии, связи или преемственности их математических открытий и взглядов.

В качестве примера приведем рассказ-сообщение студента первого курса, 9-й группы направление (МОиАИС), факультета прикладной математики, информатики и механики Антонова Андрея (орфография и пунктуация сохранены).

The active development of mathematics began in the 12th century. The first scientist who actively studied aspects of mathematics was Fibonacci. In 1202, he completed the book "Liber Abaci". In the book Fibonacci introduced the so-called «method of the Indians». In 1220 he wrote the book "Practice of Geometry". In 1202, he completed "The Book of Squares" on Diophantine equations where he formulated a sequence of numbers that are called Fibonacci numbers. Fibonacci numbers are called the Golden Ratio.

Then, in the 17th century, a very rapid development of mathematics began. At that time, many talented mathematicians studied mathematical science. One of the first such scientists was Fermat. Fermat is known, first of all, for the Great Theorem bearing his name. Fermat was the first to put forward the idea of coordinates and create analytical geometry. The method of finding the maximum and minimum, (1629), area calculation method (1642), the main merit of Pierre Fermat is the creation of number theory.

In the middle of the 17th century, the greatest scientist Isaac Newton was born. He formulated the law of universal gravitation, the author of the three laws of mechanics. Newton read a lot. He discovered the law of universal gravitation at the age of 23. It took the scientist a long time to make this discovery. Isaac Newton is credited with the discovery of the generalized binomial theorem (1665). Isaac Newton's book Optics, written in the early 18th century, became the basis for the entire field of physics for the next hundred years. He was never married. For his contribution to the development of science, the Queen of England knighted Newton.

Then mathematical analysis began to develop actively. In 1714, Taylor presented to the Society the manuscript of his book "The Method of direct and inverse increments". In this work, Taylor deduced the formula and considered a number that still bears his name. The Taylor series is the decomposition of a function into an infinite sum of power functions. Note, that time, a conflict broke out between Taylor and Bernoulli, Bernoulli accused Taylor of plagiarism. The conflict between the followers of the two great mathematicians was not settled until 1990.

In the 17th century, linear algebra began to develop. Kramer is one of the creators of linear algebra. At the age of 18 he defended his dissertation on the theory of sound and received his doctorate. During his life, he wrote many articles on mathematics, philosophy, air mechanics and other areas. One of his most famous works is "Introduction to the Analysis of Algebraic Curves", published in French in 1750. At the same time, Laplace was actively working. He is known for his work in the field of celestial mechanics, differential equations/ He is one of the creators of probability theory. He advanced linear algebra for; in particular, Laplace gave a decomposition of the determinants in minors (LAPLACE'S THEOREM). Laplace also developed the theory of errors and approximations.

In the 18-19th centuries, the active development of mathematical analysis continued. The most famous scientists of that time were the Cauchy, Weierstrass and Heine. In 1821, Cauchy published the work "Algebraic Analysis" based on the analysis. Cauchy wrote over 800 works. Cauchy gave a strict definition of the concepts of mathematical analysis. Weierstrass completed the construction of the foundation of mathematical analysis, built a number of anomalous functions. He formulated a logical rationale for the analysis based on

the theory of real numbers. He constructed and strictly defined the concept of continuity. Weierstrass used the concepts of the upper and lower facets and the limit point of numerical sets. Weierstrass is often called the "father of mathematical analysis". Heine gave a definition of the limit of a function at a point. In 1872 he published a paper "Lectures on the theory of Functions". Heine proved the theorem on the upper and lower sides of the values of the function.

In the 20th century, mathematical science actively developed in the Soviet Union. The famous mathematicians of that time were Crane and Zhegalkin. Crane wrote 7 scientific papers, taught practical classes, took an active part in the famous P.L. Suslov seminars on mechanics. In 1930-1933. M. G. Crane taught at Odessa University and in 1933 he became a professor at the restored University and created the Department of Theory of Functions. The scientist managed to gather around himself a large group of like-minded people, who with great enthusiasm and success developed various concepts of functional analysis and its application and created the world famous Odessa school of functional analysis. Zhegalkin became a professor of Moscow University in 1902. In 1923 he became a professor of mathematics. In 1930 he was appointed the head of the Department of Mechanics and Mathematics Faculty. He wrote a textbook on mathematical analysis designed for the worst student. In discrete mathematics, he introduced the concept of addition modulo 2 [8, 9, 11].

Практика показала, что предлагаемая проектная методика, составление конспекта во время прослушивания презентаций и написание рассказа-сообщения, вне всякого сомнения, входят в группу продуктивных, индивидуально ориентированных технологий, предусматривающих организацию активной самостоятельной познавательной деятельности обучающихся. Кроме того, такие виды учебной деятельности способствуют интеграции аудиторной и внеаудиторной работы студентов. Недостатком в нашем случае стал очень большой объем информации. К счастью, проявленные студентами такие качества характера, как ответственность, трудолюбие, целеустремленность, желание узнавать новое и уметь пользоваться иностранным языком как средством извлечения информации и как средством общения, помогли нам успешно справиться с заданием.

В заключение следует отметить, что описанные выше формы работы, использованные во время иноязычного образовательного процесса, на наш взгляд, являются именно теми образовательными технологиями, в которых есть все ресурсы для формирования универсальных и профессиональных компетенций, в частности УК-4. Потенциал рассмотренных нами образовательных технологий достаточно высок. Их применение обеспечивает успешное усвоение учебного материала, способствует развитию иноязычной коммуникативной компетенции и развитию таких черт личности, как самостоятельность, способность к самообразованию, умение ориентироваться в информационном пространстве и отбирать необходимый материал для решения поставленных образовательных задач, умение добиваться поставленных целей.

Библиографический список

1. Измерение и оценка сформированности универсальных компетенций обучающихся при освоении образовательных программ бакалавриата, магистратуры, специалитета: коллективная монография / под науч. ред. д.п.н. И. Ю. Тархановой. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2018. 383 с.
2. Новиков А.М., Новиков Д.А. Образовательный проект (методология образовательной деятельности). М: «Эгвес», 2004. 120 с.
3. Тарасова Е. О. Проектная деятельность как технология развития ключевых компетенций будущих специалистов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2009. № 1. С. 99-106.
4. Бреднева Н.А. Формирование проектной компетентности студентов в образовательном процессе вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота. 2017 №5(71): в 3-х ч. Ч. 2 С. 166-169.
5. Тарханова И.Ю., Харисова И.Г. Образовательные технологии формирования универсальных компетенций студентов вуза // Ярославский педагогический вестник. 2018. N 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-tehnologii-formirovaniya-universalnyh-kompetentsiy-studentov-vuza> (дата обращения: 01.11.2022).
6. Вылегжанина С. Ю. Опыт реализации проектной деятельности в вузе: проблемы и пути решения // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13. № 2. С. 153-160.
7. Shishkina N.M. Digital technologies to promote English language teaching to ESP students // The World of Academia: Culture, Education. 2022. N 5. P. 85-92.
8. Wikipedia [Электронный ресурс]. URL: en.wikipedia.org (дата обращения: 01.11.2022)

9. Википедия [Электронный ресурс]. URL: ru.wikipedia.org (дата обращения: 01.11.2022)
10. Wikibooks [Электронный ресурс]. URL: en.wikibooks.org (дата обращения: 01.11.2022)
11. Britannica [Электронный ресурс]. URL: www.britannica.com (дата обращения: 01.11.2022)
12. Laplace [Электронный ресурс]. URL: www.laplace.co.uk (дата обращения: 01.11.2022)

References

1. Measurement and evaluation of the formation of universal competencies of students while doing educational courses in Bachelor's, Master's, Specialist's programs: collective monograph / scientific editor Ph.D. I. Yu. Tarkhanova. Yaroslavl: RIO YASPU, 2018. 383 p.
2. Novikov A.M., Novikov D.A. Educational project (methodology of educational activity). Moscow: "Egves", 2004. 120 p.
3. Tarasova E.O. Project activity as a technology for the development of key competencies of future specialists // Bulletin of the Samara State Technical University. Series: Psychological and pedagogical sciences. 2009. No. 1. P. 99-106.
4. Bredneva N.A. The formation of students' project competence in the educational process of higher education establishment // Philological sciences. Questions of theory and practice Tambov: Gramota. 2017 No.5 (71): in 3 V. V. 2. P. 166-169.
5. Tarkhanova I.Yu., Kharisova I.G./Educational technologies in forming university students' universal competences 2018, N 5. [Electronic source]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-tehnologii-formirovaniya-universalnyh-kompetentsiy-studentov-vuza> (access time: 01.11.2022).
6. Vylegzhanina S. Yu. Experience of project activity implementation at a university: problems and solutions. Vestnik of the Mari State University. 2019, vol. 13, no. 2, P. 153-160.
7. Shishkina N.M. Digital technologies to promote English language teaching to ESP students // The World of Academia: Culture, Education. 2022. N 5. P. 85-92.
8. Wikipedia [Electronic source]. URL: en.wikipedia.org (access time: 01.11.2022).
9. Wikipedia [Electronic source]. URL: ru.wikipedia.org (access time: 01.11.2022).
10. Wikibooks [Electronic source]. URL: en.wikibooks.org (access time: 01.11.2022).
11. Britannica [Electronic source]. URL: www.britannica.com (access time: 01.11.2022).
12. Laplace [Electronic source]. URL: www.laplace.co.uk (access time: 01.11.2022).

УДК 81'27

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.91.83.006

*Воронежский государственный
технический университет
соискатель кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Ким Г.В.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: galinakim1@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
candidate of the Department of Russian
Language and Intercultural Communi-
cation
Kim G.V.
Russia, Voronezh,
e-mail: galinakim1@gmail.com*

Г.В. Ким

СОЦИОЛЕКТ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТ-ОБЩЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ ПО ГЕНДЕРНОМУ ПРИЗНАКУ

В статье представлен обзор исследования современной русской электронной непрофессиональной письменной речи в аспекте проблем идентификации автора текста по гендеру. Обосновывается возможность установления принадлежности текста к определенному гендерному социолекту с помощью формальных средств связности (коннекторов), используемых их авторами. В этой связи проанализированы существующие в современной науке подходы к определению понятия когезии и коннекторов как средств реализации когезии. Выделены типологические особенности разрядов коннекторов, используемых в текстах современной русской блогосферы авторами различной гендерной принадлежности. Типология осуществлена по четырем основаниям: в зависимости от лексико-грамматической (морфологическая и синтаксическая) природы представляющих коннекторы языковых единиц, от функции в структурной организации текста с учетом связываемых компонентов текста, от формально-структурной оформленности, логико-семантические и семантико-грамматические характеристики). Выявлены и проанализированы гендерно обусловленные различия в использовании коннекторов всех выделенных типов как формальных средств связности в текстах русскоязычных блогов. Формальность средств связности означает, что их использование осуществляется носителями языка бессознательно и спонтанно. Расхождения в использовании формальных средств связности, зависящие от гендера автора текста, свидетельствуют о взаимосвязи между гендерной принадлежностью автора русского письменного текста и типами используемых им коннекторов, а также о реальной возможности идентификации гендерной принадлежности автора текста в русскоязычном блоге по признаку использования им тех или иных типов коннекторов. Полученные в результате исследования количественные показатели можно считать основой для дальнейшей разработки экспериментальной методики идентификации автора электронного письменного текста по гендерной принадлежности.

Ключевые слова: текст, социолект, гендерный социолект, когезия, коннектор, идентификация.

G.V. Kim

SOCIOLECT IN MODERN RUSSIAN INTERNET COMMUNICATION: PROBLEMS OF IDENTIFICATION BY GENDER

The article presents an overview of the study of modern Russian electronic non-professional written speech in the aspect of the problems of identifying the author of the text by gender. The possibility of establishing the text's belonging to a certain gender sociolect with the help of formal means of connectivity (connectors) used by their authors is substantiated. In this regard, the existing approaches in modern science to the definition of the concept of cohesion and connectors as means of implementing cohesion are analyzed. Typological features of connector categories used in the texts of the modern Russian blogosphere by authors of different gender identity are highlighted. The typology is carried out on four grounds: depending on the lexical-grammatical (morphological and syntactic) nature of the language units representing connectors, on the function in the structural organization of the text taking into account the connected components of the text, on the formal-structural formality, logical-semantic and semantic-grammatical characteristics).

Gender-related differences in the use of connectors of all the selected types as formal means of connectivity in the texts of Russian-language blogs are identified and analyzed. The formality of connectivity means that their use is carried out by native speakers unconsciously and spontaneously. Discrepancies in the use of formal means of connectivity, depending on the gender of the author of the text, indicate the relationship between the gender identity of the author of the Russian written text and the types of connectors used by him, as well as the real possibility of identifying the gender identity of the author of the text in the Russian-language blog on the basis of his use of certain types of connectors. The quantitative indicators obtained as a result of the study can be considered the basis for further development of an experimental methodology for identifying the author of an electronic written text by gender.

Keywords: text, sociolect, gender sociolect, cohesion, connector, identification.

На современном этапе русский язык развивается в динамично меняющихся условиях. Технологический прогресс, глобализация и трансформация социокультурной среды обуславливают особенные коммуникативные потребности носителей языка. Электронная коммуникация становится одной из основных форм взаимодействия современных людей. При этом общение происходит преимущественно в неофициальной сфере, порождая новые речевые жанры, такие, как форумы, блоги, чаты и др.

В научной литературе отмечается, что, помимо расширения набора используемых языковых средств, в современной электронной письменной речи происходит становление собственных языковых и текстовых норм, в том числе правил организации текста [1].

По мнению современных исследователей, продукты электронной письменной речи обладают специфической синтаксической структурой, которая может различаться в зависимости от гендерной принадлежности автора текста [2].

Гендерный социолект в рассматриваемом исследовании понимается как одна из социальных разновидностей национального языка, объединяющая его носителей по гендеру и отличающаяся сложившимися в той или иной национальной культуре гендерными стереотипами речевого поведения и языковыми выборами, определяемыми биопсихологическими особенностями мужчин и женщин; как совокупность языковых особенностей, присущих тому или иному гендеру [3].

Гендерный социолект представляет собой гендерную форму реализации национальной лингвокультуры. Применительно к русскому языку гендерный социолект может рассматриваться как социально-демографический (биосоциальный).

Социальные и психологические характеристики личности находят отражение в продуцируемом тексте. Гендерный фактор является важным условием, обуславливающим выбор автором текста тех или иных языковых средств.

Для целей идентификации и диагностирования автора письменного текста используются различные параметры. Как доказывают современные исследования в области когнитивных наук, психолингвистики, корпусной и компьютерной лингвистики, а корпусной идиолектологии (см., напр., работы Т. А. Литвиновой), наиболее информативными в данном аспекте являются формальные, а не содержательные параметры. Кроме того, надежным основанием для идентификации личности по тексту могут служить лишь те признаки, которые нельзя симитировать. В этой связи предпочтительными для исследования являются тексты блогов, то есть образцы непрофессиональной электронной письменной речи, неподготовленные и спонтанные продукты речевой деятельности, с целью анализа особенностей использования в них различных типов коннекторов — формальных средств связности, применяемых носителями языка бессознательно.

Понимание когезии как структурной и формально выраженной лексико-грамматической связи элементов текста является в настоящее время наиболее принятым (ср. также, напр.: [4]), но не единственно возможным. По мнению некоторых лингвистов, соответствующее понятие может рассматриваться и в более широком объеме и включать в себя не только формально-структурную, но и смысловую связность.

Термин “коннектор” в современной отечественной лингвистике трактуется по-разному. Наиболее распространенным является подход, в рамках которого коннектор рассматривается как средство реализации внутритекстовых связей [5, 6, 7, 8, 9].

До настоящего времени открытым остается вопрос типологизации коннекторов в русском языке. Опираясь на существующие в современной лингвистике исследования по рассматриваемой проблеме, представляется возможным утверждать, что коннекторы как средства формальной связи русского письменного текста могут классифицироваться по различным основаниям. К числу наиболее значимых оснований типологической классификации коннекторов русского письменного текста, по нашему мнению, относятся следующие:

- лексико-грамматическая (морфологическая и синтаксическая) природа представляющих коннекторы языковых единиц (на данном основании коннекторы могут разграничиваться на традиционно выделяемые лексические и грамматические средства связи, включая союзы, частицы, местоимения определенных разрядов, существительные, прилагательные, наречия, глаголы в функции лексических замен и лексических повторов, вводные слова, неполные предложения и т.п.);

- функция в структурной организации текста с учетом связываемых компонентов текста (на указанном основании коннекторы могут разграничиваться на выступающие в качестве средств межфразовой связи между отдельными предложениями/высказываниями и связывающие сложные синтаксические целые [ССЦ]/сверхфразовые единства [СФЕ]);

- формально-структурная оформленность (с учетом данного основания коннекторы могут дифференцироваться на однокомпонентные, т.е. представленные одной лексемой, и многокомпонентные, представленные несколькими лексемами);

- логико-семантические и семантико-грамматические характеристики (на данном основании коннекторы разграничиваются на целый ряд групп, в том числе: выражающие собственно соединительные отношения; выражающие соединительно-противительные отношения; выражающие соединительные отношения, осложненные оценкой и др.) [10].

Проведенное исследование показало, что в текстах русскоязычных блогов используются все названные типы коннекторов.

1. Коннекторы, различающиеся **лексико-грамматическими характеристиками:**

1) собственно лексико-грамматические средства (коннекторы различной частеречной принадлежности);

2) синтаксические средства (синтаксические единицы).

Ниже представлены примеры собственно лексическо-грамматических средств (авторская орфография и пунктуация сохранены), выраженных **именами существительными**. Как показал анализ материала, имена существительные, используемые в качестве средств связности, могут быть разных разрядов: абстрактные, конкретные, одушевленные, неодушевленные, нарицательные, собственные, различных тематических групп.

“После того, как на первом этаже дома появилась пекарня, в квартире раз в три-четыре месяца стабильно появляется МЫШЬ. Никто не знает, что несчастные животные забыли на четвёртом этаже <...>”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи имени существительного “животные” в функции синонимической замены слова “мышь”.

“Вполне допускаю, что они за этим сюда и приходят, этакие мышьи-самоубийцы. Но если раньше ловились грызуны на новомодные клеящие ловушки<...>”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи имени существительного “грызуны” в функции синонимической замены слова “мышьи-самоубийцы”.

“И у меня есть лучший друг, который никогда не опаздывает, всё успевает <...>. И вот однажды я решил стать лучше Вани, хотя бы на один день”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи имени существительного “Ваня” в функции синонимической замены слова “друг”.

“Нас было 20 человек и мы разделились на 3 бригады. Придя на огород наша бригада начала действовать”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи имени существительного “бригада”, которое используется в функции лексического повтора.

“Я выпрыгнул из окна прямо в сугроб. Последнее что я увидел валяясь в сугробе, это друзей которые следом за мной вылетели из окна<...>”. Существительное “сугробе” в функции лексического повтора связывает два предложения.

“Мы с сёстрами пошли к водоёму, там был крутой склон и стекала какая-то чёрная жижа. Обе сестры старше меня, одна из них тронула эту слизь ногой<...>”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи имени существительного “слизь” в функции синонимической замены слова “жижа”.

“В какой-то момент у меня закрылись глаза и я проснулась от того, что наблюдатели меня разбудили. Эти женщины сказали мне что осталось мало времени и пора переписывать сочинение <...>”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи имени существительного “женщины” в функции синонимической замены слова “наблюдатели”.

Наряду с именами существительными функции коннекторов в непрофессиональной электронной письменной речи выполняют личные, указательные и притяжательные *местоимения*. Например: *“Хорошо, что недалеко были рыбаки, они увидели всё происходящее и ринулись на помощь, протянули мне удочку и вытащили. Мы поблагодарили их и я усвоила урок, что старших всегда надо слушать!”*. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи личного местоимения “их”, выполняющего функцию синонимической замены слова “рыбаки”.

“Прошло 6 лет, и мы с друзьями часто вспоминаем эту историю”. Два сложных синтаксических целых (основная и заключительная части текста) связываются с помощью указательного местоимения “эту”.

“И совершенно случайно встретила давнюю подругу, с которой когда-то вместе работали. Она вышла замуж за китайца<...>”. Предложения связаны при помощи личного местоимения “она” в функции синонимической замены слова “подруга”.

“Я вздрогнула и потянулась к кошке, окончательно проснувшись. Та зашипела и сбежала”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи указательного местоимения “та”, выполняющего функцию синонимической замены.

“Наступил вечер и мое спокойное времяпровождение прервал звонок друга. По телефону он рассказал что можно поехать к девочкам<...>”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи личного местоимения “он” в функции синонимической замены слова “друг”.

“Я открыла глаза и увидела у окна тень. Она была очень высокая, худая и протягивала ко мне руки”. Личное местоимение “она” выступает в качестве коннектора и выполняет функцию синонимической замены слова “тень”.

“Вдруг в комнату вбежали мои родители. Они были очень напуганы”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи личного местоимения “они” в функции синонимической замены слова “родители”.

“Он сорвался с работы и быстро ко мне приехал. В его машине очень громко играли мои любимые песни”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи притяжательного местоимения “его”.

Коннекторы в электронной письменной речи могут быть представлены и *наречиями*. Рассмотрим, как носители языка используют это средство связности в блогах.

“И сначала решили покинуть их в строящийся дом. Потом мы зашли туда и осмотрелись”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи местоименного наречия “туда”.

“Позавтракав, мы каждый год едем в другой город и ходим по магазинам. Там мы можем купить то, что хочется”.

“<...>я в шестнадцать лет переехала с родителями в другой город. Там я, конечно, нашла новых друзей<...>”

“Когда на улице было очень жарко, это означало, что мы едем на речку. Там мы купались и играли в пляжный волейбол”. В приведенных выше примерах связность реализуется посредством местоименного наречия “там”.

“Ноги сами собой понесли меня мимо парка в старый частный сектор <...>. Здесь у реки, пусть и городской, давно превращённой в водохранилище, было хорошо”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи знаменательного обстоятельственного наречия “здесь”.

“Я стала идти по своим следам. Потом поняла, что запуталась и начала плакать”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи знаменательного обстоятельственного наречия “потом”.

“Люди не вечны, но они могут продолжить свою жизнь в детях и внуках. Поэтому старшие всегда рассказывают младшим о своих бабушках и дедушках, о значимых событиях, происходивших с их предками, о семейных традициях”. Коннектор выражен местоименным наречием “поэтому”.

Анализ языкового материала показал, что в качестве коннекторов используются и *глаголы*.

“И тут мозг подал сигнал. Бежать! Сквозь заросли и кусты мы выбежали на тропинку и со скоростью гепарда отправились в беседку”. Глагол “выбежали” в функции лексического повтора, однокоренное со словом “бежать” из предыдущего предложения.

“Была высокая загрузка и работы было невпроворот. Я настолько заработался, что не заметил как уже потемнело на улице”. Глагол “заработался” в функции лексического повтора, однокоренное со словом “работы”.

“Жизнь каждого человека наполнена смешными моментами. Кто-то может посмеяться над собой, а кто-то нет, некоторые любят посмеяться над другими”.

“Не помню, мечтал ли я когда-нибудь, чтобы люди на улице меня узнавали - но если да, то моя мечта сбылась. По крайней мере на детской площадке молодые мамочки узнают”. Глагол “узнают” в функции лексического повтора, форма глагола “узнавали” из предыдущего предложения.

Среди коннекторов, различающихся лексико-грамматическими характеристиками, представлены и **союзы**.

“И как я металась вечером и шила нижнее платье из пододдеяльника (как обычно и бывает со мной), единственной белой ткани дома.

А на следующий день мы кружились, танцевали, нижнее платье все время спадало, но было так хорошо”. Противительный союз “а” связывает два сложных синтаксических целых.

“Но моя лучшая подруга осталась жить в своём городе.

И вот прошёл год”. Соединительный союз “и” связывает два сложных синтаксических целых.

“<...>моя мама постоянно мне говорит брать пример с него. И вот однажды я решил стать лучше Вани”, “<...>я не мог найти себе места. И вдруг она сказала<...>”. В приведенных примерах соединительный союз “и” является средством связи между предложениями.

Далее приведены примеры синтаксических средств связности. Среди них особенно распространены неполные предложения и вводные слова и конструкции. Фрагменты текстов с неполными предложениями:

“<...> я воспользовался ещё и старой-доброй олдскульной мышеловкой. Пару раз чуть не прищепил себе пальцы”.

“Мы пошли в посадку на строящийся объект. И сначала решили покидать их в строящийся дом”.

“Я стала идти по своим следам. Потом поняла, что запуталась и начала плакать”.

Ниже представлены фрагменты текстов с вводными словами и конструкциями в качестве коннекторов.

“Как бы странно такая ситуация не выглядела, для меня это очень теплое и важное воспоминание. В первую очередь, о дедушке, которого уже давно нет рядом”.

“Комплимент очевидно пришёлся по вкусу, раз до сих пор помнит. Впрочем, у этой славы есть и обратная сторона”.

“Не помню, мечтал ли я когда-нибудь, чтобы люди на улице меня узнавали - но если да, то моя мечта сбылась. По крайней мере на детской площадке молодые мамочки узнают”.

“Еще я помню прилавок и высокие столы, до которых не доставала. Короче говоря, это была рюмочная”.

Выступать в качестве коннекторов могут и фразеологизмы. Например: “Подвести итог можно так, поездка была довольно веселая <...>”. Глагольный фразеологизм “подвести итог” связывает сложные синтаксические целые.

2. Коннекторы, различающиеся по функции в структурной организации текста с учетом связываемых компонентов текста, подразделяются на:

- 1) связывающие отдельные предложения / высказывания;
- 2) связывающие сложные синтаксические целые (ССЦ) / сверхфразовые единства (СФЕ)

Как показало исследование, коннекторы, связывающие отдельные предложения и (или) высказывания, могут быть выражены различными лексическими и грамматическими единицами. “И у меня есть лучший друг, который никогда не опаздывает, всё успевает <...>. И вот однажды я решил стать лучше Вани, хотя бы на один день”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи имени существительного “Ваня” в функции синонимической замены слова “друг”. “Я вздрогнула и потянулась к кошке, окончательно проснувшись. Та зашипела и сбежала”. Последующее предложение связано с предыдущим при помощи указательного местоимения “та”, выполняющего функцию синонимической замены. “Когда на улице было очень жарко, это означало, что мы едем на речку. Там мы купались и играли в пляжный волейбол”. В приведенном примере связность реализуется посредством местоименного наречия “там”.

Коннекторы, связывающие ССЦ и (или) СФЕ, в материалах исследования представлены только союзами. Например: “Но моя лучшая подруга осталась жить в своём городе. И вот прошёл год”. Соединительный союз “и” связывает два сложных синтаксических целых.

3. Коннекторы, различающиеся структурной оформленностью:

- 1) однокомпонентные — состоят из одной лексемы;

2) многокомпонентные — представлены несколькими лексемами.

Однокомпонентные коннекторы представлены всеми частями речи. В структурной организации текста однокомпонентные коннекторы могут связывать как предложения, так и ССЦ. Многокомпонентные коннекторы, как показало исследование, в основном представлены составными союзами, фразеологизмами. Например: *“Хотела бросить (это я к этому рассказываю). То есть забрать документы<...>”*. В качестве средства связности выступает составной союз “то есть”. Или: *“Подвести итог можно так, поездка была довольно веселая <...>”*. Глагольный фразеологизм “подвести итог” связывает сложные синтаксические целые.

4. Коннекторы, различающиеся логико-семантическими и семантико-грамматическими характеристиками, выражают:

1) соединительные отношения. Например: *“Защитила. И получила свой красненький диплом”*;

2) противительные отношения. Например: *“У него был свой рабочий стол, красивая настольная лампа и подставка для канцелярских штук<...>. Но самым главным сокровищем был отрывной ежедневник-календарь”*;

3) соединительные отношения, осложненные оценкой. Например: *“Детство — тот период нашей жизни, который теплом отзывается в наших сердцах. К сожалению, это также и тот период, который уже невозможно вернуть”*;

4) причинно-следственные отношения. Например: *“<...>он решил уточнить: “Это же я, человек-наук!”. Тогда я вспомнил: ещё в январе организовывал вместе с ним и с дочерью скачки по сугробам”*.

Проведенное исследование показало, что среди коннекторов, различающихся лексико-грамматическими характеристиками, авторы мужского пола использовали собственно лексико-грамматических средств связности 97%, а синтаксических средств соответственно — 3%, авторы женского пола использовали собственно лексико-грамматических средств 90%, а синтаксических средств — 10%.

Таблица 1

Распределение коннекторов по частеречной принадлежности

Авторы мужского пола	Авторы женского пола
местоимения — 33%	местоимения — 31%
наречия — 25%	союзы — 31%
союзы — 13%	наречия — 16%
частицы — 8%	существительные — 5%

Таблица 2

Распределение коннекторов по функции в структурной организации текста с учетом связываемых компонентов текста

Авторы мужского пола	Авторы женского пола
коннекторы, связывающие предложения — 92%	коннекторы, связывающие предложения — 80%
коннекторы, связывающие ССЦ — 8%	коннекторы, связывающие ССЦ — 20%

Таблица 3

Коннекторы, различающиеся структурной оформленностью

Авторы мужского пола	Авторы женского пола
однокомпонентные коннекторы — 67%	однокомпонентные коннекторы — 85%
многокомпонентные коннекторы — 33%	многокомпонентные коннекторы — 15%

Представленные данные позволяют говорить о том, что наиболее очевидные гендерные расхождения в исследуемых текстах русскоязычных блогов наблюдаются в отношении коннекторов, раз-

личающихся функциями в структурной организации текста (в текстах мужчин лишь 8% коннекторов связывают ССЦ, а 92% коннекторов используются для связи отдельных предложений; в текстах женщин для связи ССЦ используется 20% коннекторов), а также структурной оформленностью (в текстах мужчин однокомпонентные коннекторы составляют 67%, многокомпонентные – 33%; в текстах женщин существенно преобладают однокомпонентные коннекторы, которые составляют 85% всех названных формальных средств связи). Гендерные различия коннекторов по частеречной отнесенности и лексико-грамматическим характеристикам оказываются менее существенными.

Полученные количественные показатели гендерных различий коннекторов, используемых в текстах русскоязычных блогов, условно признаются эталонными и являются основой для предлагаемой в работе экспериментальной методики определения гендерной принадлежности автора текста, представленного в современной русской неофициальной электронной речи.

Описанная в исследовании методика предполагает последовательное выполнение следующих операций:

- анализ текста с целью выявления коннекторов как средств формальной текстовой связи;
- определение характеристик выявленных коннекторов с точки зрения их а) функциональной нагруженности и б) структуры, а также в) лексико-грамматической принадлежности и частеречных характеристик;
- определение количественных показателей частотности использования всех полученных разрядов коннекторов и сравнение данных показателей с эталонными по каждой из анализируемых групп;
- анализ полученных результатов и их обобщение с учетом ведущей роли «функциональных» и «структурных» групп коннекторов и вспомогательной роли «лексико-грамматических» и «частеречных» групп.

Гендерный социолект относится к группе социально-демографических (биосоциальных) форм реализации национального русского языка. О принадлежности автора текста к тому или иному гендерному социолекту можно судить по языковым особенностям речевых произведений, продуцируемых мужчинами и женщинами в современной русскоязычной блогосфере.

Одним из показателей различий гендерных социолектов русского языка являются наблюдаемые в текстах современных русскоязычных блогов расхождения в использовании формальных средств связности (коннекторов), зависящие от гендера автора текста. Это свидетельствует о взаимосвязи между гендерной принадлежностью автора русского письменного текста и типами используемых им коннекторов, а также о реальной возможности идентификации гендерной принадлежности автора текста в русскоязычном блоге по признаку использования им тех или иных типов коннекторов.

Наиболее существенные гендерные различия наблюдаются в использовании авторами текстов современных русскоязычных блогов функциональных разрядов названных средств связи (авторы мужского пола практически не используют коннекторы для связи ССЦ) и разрядов, различающихся структурно-грамматической оформленностью (авторы женского пола используют преимущественно однокомпонентные коннекторы).

Идентификация гендерной принадлежности автора русского непрофессионального электронного текста в современной блогосфере по признаку использования коннекторов возможна на основе специальной методики, учитывающей выявленные различия в представленности в анализируемых текстах тех или иных типов названных средств формальной текстовой связи.

Библиографический список

1. Загоровская О. В. Языковая норма в современной русской визуально-письменной речи, функционирующей в интернет-коммуникации: к постановке проблемы // Известия Воронежского государственного педагогического университета, 2017. №4 (277). С. 168-172.
2. Литвинова Т. А. Идентификация и диагностирование личности автора письменного текста: монография. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2015. 332 с.
3. Загоровская О. В., Ким Г. В. О многообразии социальных диалектов и их типологических различиях в русском языке новейшего периода // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. No 3. С. 142–148. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_142

4. Загоровская О. В., Ким Г. В. Когезия и средства ее выражения в современной русской электронной непрофессиональной письменной речи // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2019. №4 (285). С. 218-221.
5. Голубева Н. А., Зуева Е.В. К понятию коннектора в лингвистике // Язык и культура. Томск, Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017, №. 40. С. 20-32.
6. Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках: сопоставительное исследование. М.: Информэлектро, 2001. 434 с.
7. Структура коннекторов и методы ее описания / Под научной редакцией О.Ю. Иньковой. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2019. 316 с.
8. Белявцева И. В. Место коннекторов в системе средств выражения причинно-следственных отношений (на материале русского и немецкого языков) // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж, ВГУ, 2008. С. 30-138.
9. Урысон Е.В. Синтаксис союзов и коннекторов и теория валентностей // Вопросы языкознания. М.: Наука, 2013. №. 3. С. 3-24.
10. Ким Г. В. Проблема определения и классификации коннекторов как средств когезии в русском языке // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. №1 (294). С. 179–184.

References

1. Zagorovskaya O. V. The linguistic norm in modern Russian visual-written speech functioning in Internet communication: towards the formulation of the problem // Izvestiya Voronezh State Pedagogical University, 2017. No. 4 (277). pp. 168-172.
2. Litvinova T. A. Identification and diagnosis of the personality of the author of the written text: monograph. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University, 2015. 332 p.
3. Zagorovskaya O. V., Kim G. V. On the diversity of social dialects and their typological differences in the Russian language of the recent period // Izvestiya Voronezh State Pedagogical University. 2022. No. 3. pp. 142-148. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_142
4. Zagorovskaya O. V., Kim G. V. Cohesion and means of its expression in modern Russian electronic non-professional written speech // Izvestiya Voronezh State Pedagogical University. 2019. No. 4 (285). pp. 218-221.
5. Golubeva N. A., Zueva E.V. On the concept of a connector in linguistics // Language and culture. Tomsk, National Research Tomsk State University, 2017, No. 40. pp. 20-32.
6. Inkova-Manzotti O. Y. Connectors of opposition in French and Russian: a comparative study. Moscow: Informelectro, 2001. 434 p.
7. Connector structure and methods of its description / Under the scientific editorship of O.Y. Inkova. M.: TORUS PRESS, 2019. 316 p.
8. Belyavtseva I. V. The place of connectors in the system of means of expressing cause-and-effect relations (based on the material of Russian and German) // Language, communication and social environment. Voronezh, VSU, 2008. pp. 30-138.
9. Uryson E.V. Syntax of unions and connectors and valence theory // Questions of Linguistics. Moscow: Nauka, 2013. No. 3. pp. 3-24.
10. Kim G. V. The problem of defining and classifying connectors as means of cohesion in the Russian language // Izvestiya Voronezh State Pedagogical University. 2022. No. 1 (294). pp. 179-184.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.22.38.007

Воронежский государственный технический университет

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации*

Бугакова Н.Б.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University

*The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor*

Bugakova N.B.

Russia, Voronezh, tel. +7-920-406-6287

e-mail: ya_witch@mail.ru

*доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации*

Скуридина С.А.

Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-404-0448

e-mail: saskuridina@yandex.ru

Doctor of Philology,

*Head of the Department of Russian Language
language and cross-cultural communication
Skuridina S.A.*

Russia, Voronezh, tel. +7-920-404-0448

e-mail: saskuridina@yandex.ru

Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина

ДУХ И ДУША В ОНОМАСТИЧЕСКИХ ИСКАНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И А.П. ПЛАТОНОВА

Предлагаемое исследование призвано проанализировать имена собственные, семантически маркированные лексемами *дух* и *душа*, в ономастическом пространстве произведений Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова. Отмечается, что лексемы «душа» и «дух» способны выступать в качестве производящих основ для имен собственных в художественных текстах Ф.М. Достоевского и А. Платонова. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что до настоящего времени вопрос о существовании параллелей в восприятии души и духа Ф.М. Достоевским и А.П. Платоновым не поднимался. Известно некоторое количество работ, посвященных рассмотрению феноменов духа и души и представленных в монографических работах современных ученых гуманитарной сферы, которые рассматривают данные понятия в разных аспектах. Авторы аннотируемой статьи сообщают, что использование в творческих лабораториях Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова ономастических единиц, образованных от указанных лексем, способствует раскрытию идейного содержания произведений, так как оним в составе художественного текста семантически обогащается и обретает способность вызывать обширный комплекс ассоциаций. В этой связи можно говорить об именах собственных как доминантах, способствующих созданию смысловой многомерности текста, в результате чего они разные разрядов становятся полифункциональными. Авторы не стремятся к сопоставлению, а отмечают знаковость данных лексем для творческой лаборатории обоих писателей. В результате анализа имен собственных, семантически маркированных лексемами *дух* и *душа* в ономастическом пространстве произведений Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова, авторы приходят к мнению о том, что можно отметить знаковость апеллятивной лексики (в данном случае лексем *дух* и *душа*) для творческой лаборатории рассматриваемых авторов.

Ключевые слова: литературная ономастика, душа, дух, Духаново, Духово, Душин, Ф.М. Достоевский, А.П. Платонов.

N.B. Bugakova, S.A. Skuridina

SPIRIT AND SOUL IN THE ONOMASTIC QUEST OF F.M. DOSTOEVSKY AND A.P. PLATONOV

The proposed study is intended to analyze proper names, semantically marked with lexemes spirit and soul, in the onomastic space of F.M. Dostoevsky and A.P. Platonov. It is noted that the lexemes "soul" and "spirit" can act as generating bases for proper names in the literary texts of F.M. Dostoevsky and A. Platonov. The relevance of this article is due to the fact that until now the question of the existence of parallels in the perception of the soul and spirit of F.M. Dostoevsky and A. Platonov did not rise. There are a number of works devoted to the consideration of the phenomena of the spirit and soul and presented in monographic works by modern scientists in the humanities who consider these concepts in different aspects. The authors of the annotated article report that the use of F.M. Dostoevsky and A.P. Platonov's onomastic units formed from these lexemes contributes to the disclosure of the ideological content of works, since the onym in the composition of a literary text is semantically enriched and acquires the ability to evoke a wide range of associations. In this regard, we can talk about proper names as dominants that contribute to the creation of a semantic multidimensionality of the text, as a result of which onyms of different categories become polyfunctional. The authors do not strive for comparison, but note the significance of these lexemes for the creative laboratory of both writers. As a result of the analysis of proper names, semantically marked with lexemes spirit and soul in the onomastic space of F.M. Dostoevsky and A.P. Platonov, the authors come to the conclusion that it is possible to note the significance of the appellative vocabulary (in this case, the lexemes spirit and soul) for the creative laboratory of the authors in question.

Key words: literary onomastics, soul, spirit, Dukhanovo, Dukhovo, Dushin, F.M. Dostoevsky, A.P. Platonov.

Для носителей русской культуры «дух» и «душа» являются знаковыми культурами, что объясняет существование в русском языке таких фразеологизмов, как русский дух и русская душа. В.В. Колесов отмечает, что «для русского сознания всегда важны «глубина души и высота духа», «мера духа измерена в любви, мера души – в совести» [1; с. 34]. Размышляя над соотносённостью понятий *русская душа* и *русский дух*, исследователь отмечает, что «собирательно структура русской души многогранна и объемна» [1; с. 38], а «дух есть некая «качественность человека», главное и творческое в нем начало, проявляемое в степенях красоты; духовные силы, духовное – это реальность при действительности душевного» [1; с. 34].

Изучение феноменов духа и души представлено в монографических работах современных ученых гуманитарной сферы, рассматривающих данные понятия в разных аспектах (см.: А.И. Матвеева [2], П.Г. Воронцов [3] и др.). Дух и душа – понятия, определяющие вектор движения высоко развитой личности, к числу которых можно отнести писателей и поэтов, в связи с чем предсказуемо, что во многих филологических работах обращаются к исследованию феноменов русского духа и русской души как на современном языковом материале [4, 5, 6], так и на материале художественных текстов разных периодов [7].

В настоящей работе рассматриваются лексемы «душа» и «дух» как производящие основы имен собственных в художественных текстах Ф.М. Достоевского и А. Платонова. Полагаем, что введение ономастических единиц, образованных от указанных лексем, способствует раскрытию идейного содержания произведений, так как они, «входя в художественный текст семантически недостаточным», «выходит из него семантически обогащенным и выступает в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс определенных ассоциативных значений» [8], в связи с чем можно говорить об именах собственных как доминантах, способствующих созданию смысловой многомерности текста, а результате чего они разных разрядов становятся полифункциональными.

Как известно, за Ф.М. Достоевским закрепилась слава гения исследования человеческой души. Все его произведения – это размышления о духе и душе отдельного человека и общества в целом. В «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевский замечает, что «внутренний дух..., внутренняя вековая правда... – пошатнулись вместе с зашатавшимися людьми» [9; т. 21, с. 100].

Для художественных произведений Ф.М. Достоевского характерно употребление знаковых топонимов, которые в совокупности с другими доминантными лексическими элементами, образуют апеллятивно-онимное единство, основной характеристикой которого является взаимообусловленность: введение в текст семантически маркированного топонима или антропонима предопределяет выбор апеллятивной лексики, в свою очередь детерминирующей выбор имен собственных. Таким образом, топонимы в художественных текстах писателя не просто обозначают место действия, выполняя номинативную функцию, но и играют тексто- и сюжетобразующую роль, нередко являясь определяющими для формирования антропонимической системы литературного произведения. Понятие духа является для мировоззрения Ф.М. Достоевского

одним из ключевых, поэтому неслучайно введение в текст его двух произведений топонимов, в основе которых лексема *дух*.

Топоним, компонентом которого является корень *дух*, впервые возникает в повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон»: князь К. является владельцем имения Духаново, реальным прототипом которого выступила деревня Борщовка, расположенная недалеко от Кривоозерской обители (в повести Духаново находится недалеко от Светозерской пустыни) [10; с. 257]. Духаново – место затворничества князя К., пребывание в котором охраняется Степанидой Матвеевной, изображаемой Ф.М. Достоевским со связкой ключей (с «ключами в руках» [9; т. 2, с. 302]). Со Степанидой Матвеевной князь К. из куклы-марионетки перевоплощается в живого человека, как известно, признаком жизни является дыхание (лексема *дух-душа-дыхание* этимологически являются однокоренными). Настоящая жизнь князя К. протекает в границах Духанова, которое, как отмечает повествователь, он никогда не покидает. Пока князь К. затворен ключницей, находящейся постоянно возле него, в деревне Духаново все идет своим чередом. Отъезд Степаниды Матвеевны становится знаковым моментом повести, приводящим впоследствии к гибели князя: хранильница затворенного на множество замков имения уезжает в Москву, то есть происходит разрыв пространства, а князь К., оказавшись за пределами Духанова, выпускает дух. Степанида Матвеевна способна реанимировать всех одним своим присутствием, поэтому она, вдохнув жизнь в князя, устремляется в Москву, где «кто-то при последнем издыхании: отец или дочь» [9; т. 2, с. 306]. В отсутствие Степаниды Матвеевны князю К. становится «невмочь» [9; т. 2, с. 306] и, решив укрепить духом в святых местах, он отправляется в Светозерскую пустынь, однако попадает в Мордасов – пространство сна-смерти (об этом см. подробно: [11]).

Необходимо заметить, что производящей основой топонима *Духаново* является не лексема *дух*, а лексема *духан*, имеющая несколько значений. Во-первых, *духан* – это сильный неприятный запах, спёртый воздух, а, как известно, Ф.М. Достоевский был восприимчив к запахам, о чем свидетельствуют тексты его произведений, где нередко упоминается запах нечистот. Однако укажем, что лексема *духан* с семантикой неприятного запаха не встречается в текстах Ф.М. Достоевского, а также в произведениях других писателей, включенных в Национальный корпус русского языка. В словаре В.И. Даля к лексеме *дух* указывается значение «запах, вонь, ухание» [12; т. 1, с. 503]. В романе «Братья Карамазовы» в главе «Тлетворный дух» используется глагол «провонять», то есть в сознании Ф.М. Достоевского *дух* – это, в том числе, и сильный неприятный запах. Во-вторых, лексема *духан* используется на Кавказе и Ближнем Востоке для обозначения трактира, харчевни и мелочной лавки. В словаре В.И. Даля *духан* с пометой *кавк.* – мелочная лавка и шинок [12; т. 1, с. 503]. В данном случае *духан* – слово, заимствованное из турецкого *dükan dukkan* < ар. 1. лавка, магазин; 2. ремесленная мастерская [13; с. 159]. Полагаем, лексема *духан* была известна Ф.М. Достоевскому из произведений А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова (напр., «Мы нашли его в духане (так называются грузинские харчевни, которые гораздо беднее и нечище русских)» (А.С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года; Подъехав к подошве Койшаурской горы, мы остановились возле духана (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени). При условии использования Ф.М. Достоевским данной лексемы как производящей основы топонима *Духаново* кардинально меняется восприятие образа князя К.: привыкший к жизни кутилы князь тщетно пытается укрепить духом в месте с названием Духаново. В-третьих, укажем, что одно из значений лексемы *духан* связано с иудаизмом и обозначает возвышение, с которого кохены благословляют народ, что, безусловно, связано с понятием духа, но использование лексемы из тезауруса другого религиозного культа увеличивает семантический потенциал топонима *Духаново*, намекая на двусмысленность пребывания князя К. в месте с подобным названием. Отметим, что для ономастической лаборатории Ф.М. Достоевского характерна экспликация нескольких значений вымышленных топонимов с целью расширения художественного хронотопа (см.: Скотопригоньевск, Скворешники, Мордасов).

В романе «Бесы» упоминается топоним *Духово*: после дуэли со Ставригиным Гаганов «без всякой помехи» уезжает в собственную усадьбу Духово [9; т. 10, с. 232]. Нужно отметить, что деревня с вариантами названия *Духново-Духновая-Духово-Духлово* была во времена Ф.М. Достоевского в Стрелецкой волости Трубчевского уезда, а также в Псковской губернии существовала усадьба Рубаново Духово, о которой Ф.М. Достоевский мог слышать во время пребывания в Старой Руссе.

Другим писателем, обратившимся к апеллятиву «душа» в качестве производящей основы онимов в своем творчестве, стал А. Платонов. Необходимо вспомнить «Технический роман» – одно из произведений писателя, помогающее читателю сформировать представление о возникающем единстве трех романов: «Чевенгур», «Счастливая Москва», «Технический роман». Важно отметить, что история романа драматична, поскольку он не был издан при жизни писателя, несмотря на то, что создан был в 1930-е гг. Роман впервые был опубликован в 1991 г. в журнале «Огонек». Более того, «Технический роман» не вошел в 8-томное соб-

рание сочинений, наиболее полное на данный момент. В 3 том 8-томного собрания сочинений «Технический роман» включен как повесть «Хлеб и чтение» наряду с текстами 1920-х – начала 1930-х годов: «Эфирный тракт», «Епифанские шлюзы», «Город Градов», «Сокровенный человек», «Ямская слобода», «Ювенильное море», «Впрок».

Главный герой «Технического романа», «бывший паровозный машинист Семен Душин» [14; с. 14], стремится «завладеть всею бесконечной природой, чтобы она превратилась навеки в огороженный, устроенный двор» [14; с. 14]. Для именованья главного героя писатель использует двучастную композицию имя+фамилия. В качестве имени героя функционирует антропоним *Семен* (из греч. *Συμεν*: др.-евр. *שמעון* (бог) слышащий; лат. *Symeon*) [15]. Фамилия героя *Душин* представляет собой русскую по происхождению фамилию на *-ин*. По мнению Б.О. Унбегауна, такие фамилии являются краткими прилагательными, которые образуются от существительных женского и мужского рода с окончанием на *-а/-я* [16]. На основе этого утверждения можем предположить, что фамилия *Душин* образуется от лексемы *душа* – т.е. «внутренний, психический мир человека, его сознание» [17]; в национальной картине мира русского народа душа – это нечто эфемерное, неосозаемое, чрезвычайно важное для каждого человека. Эта точка зрения фиксируется в русском фольклоре, например, в пословицах «У кого нет души, у того и жизнь плохая», «Бездушных людей народ не любит», «Хоть шуба овечья, да душа человечья» [18]. Основываясь на этих положениях, при беглом прочтении произведения можно предположить, что А. Платонов именует героя *Семен Душин* с целью обратить внимание читателя на положительные качества героя, стремящегося помочь окружающим, поскольку «Душин предстаёт одним из уже знакомых платоновских героев-спасителей человечества» [19].

Однако анализ сюжета романа говорит об обратном: Душин овеществляет душу, деградирует нравственно и ожесточается, «учась быть хладнокровным среди событий» [14, с. 14]. Занимаемая героем позиция отражена в тексте произведения: несмотря на то, что Семен Душин видит страдания жены, он предпочитает «больше не разбазаривать своих сил на размышление» [14; с. 16], «беспрерывно утешать ее настроение» [14; с. 18], поскольку считает важным «беречь умственные способности для завтрашнего труда и не тратить их на пустяки должного удовольствия» [14; с. 18]. Таким образом, важнейшим делом своей жизни Семен Душин предполагает строительство технических сооружений и всячески сопротивляется возникающим «душевному порывам»: «у Душина вначале жалобно завопило сердце; он прислушался к нему и отверг его: судьба людей решается не сердцем, а электричеством» [14; с. 21]. Таким образом, рассматривая возможность образования имени *Душин* от лексемы *душа*, считаем важным отметить, что подобная гипотеза вполне жизнеспособна. Однако А. Платонов наделяет главного героя фамилией Душин не с целью подчеркнуть его душевность по отношению к людям, как могло бы казаться на первый взгляд, а наоборот, дает понять, что с большим пониманием герой относится к электричеству и технике.

Завершая рассмотрение имен собственных, семантически маркированных лексемами *дух* и *душа* в ономастическом пространстве произведений Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова, можно отметить знаковую апеллятивную лексику (в данном случае лексем *дух* и *душа*) для творческой лаборатории рассматриваемых авторов.

Библиографический список

1. Колесов В.В. Русская душа // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2008. С. 31-47.
2. Матвеева А.И. Проблема духа, души и духовности в контексте природы человека: монография. Казань: Изд-во «Бук», 2016. 180 с.
3. Воронцов П.Г. Философия духа-души-тела в традиционных физкультурно-оздоровительных практиках России: монография. Барнаул, 2013. 160 с.
4. Красюкова Ю.А. Концепты «душа, дух, сердце» в русской национальной картине мира // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории. Сборник научных статей участников XVI Международной научно-практической конференции. СПб., 2017. С. 38-41.
5. Линь Ч., Чебанова С.В. Формирование концептов «тело», «душа», «дух» в современной русской языковой картине мира // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 4. №1. С. 43-71.
6. Маркелова Т.В., Петрушина М.В. Фразеологизмы с компонентами *дух* и *душа* как семиотический знак оценочного слова // Русское слово как феномен духовности в славянской лингвокультуре пограничья. Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума. Брянск, 2021. С. 375-380.
7. Минералова И.Г. Образное воплощение духа и души в поэтическом наследии Николая Заболоцкого // Вестник литературного института им. А.М. Горького. 2003. №1-2. С. 109-119.
8. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М., 1988. С. 106.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972–1988.

10. Бочков В.Н. «Князь К. и его родня» // Бочков В.Н. «Скажи: которая Татьяна?»: образы и прототипы в русской литературе. М.: Современник, 1990. С. 249 – 261.
11. Скуридина С.А. Из Мордасова в Духаново и обратно: топонимическое пространство повести Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 3. С. 171-179.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. М.: Терра, 1995.
13. Магазаник Д.А. Турецко-русский словарь: 40.000 слов и выражений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1945. 704 с.
14. Платонов А. Технический роман // Библиотека «Огонек», 1991, №28.
15. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: ООО «Фирма “Издательство АСТ”», 1998. 522 с.
16. Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., «Прогресс», 1989, с. 26.
17. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 311.
18. <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-o-dushe/> (дата обращения 19.11.22).
19. Казаркин А. П. «Технический роман» А. Платонова: смена хронотопов // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 3 (7). С. 107 – 122.

Referens

1. Kolesov V.V. Russian soul // Society. Wednesday. Development (Terra Humana). 2008. S. 31-47.
2. Matveeva A.I. The problem of spirit, soul and spirituality in the context of human nature: monograph. Kazan: Buk Publishing House, 2016. 180 p.
3. Vorontsov P.G. Philosophy of spirit-soul-body in traditional sports and health practices of Russia: monograph. Barnaul, 2013. 160 p.
4. Krasnyukova Yu.A. The concepts of "soul, spirit, heart" in the Russian national picture of the world" // Language, culture, mentality: problems of studying in a foreign audience. Collection of scientific articles of the participants of the XVI International Scientific and Practical Conference. SPb., 2017. S. 38 – 41.
5. Lin Ch., Chebanova S.V. Formation of the concepts "body", "soul", "spirit" in the modern Russian language picture of the world // Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian research. 2018. V. 4. No. 1. pp. 43 – 71.
6. Markelova T.V., Petrushina M.V. Phraseologisms with spirit and soul components as a semiotic sign of an evaluative word // Russian Word as a Phenomenon of Spirituality in the Slavic Linguistic Culture of the Borderlands. Scientific reports of the participants of the International Scientific and Educational Forum. Bryansk, 2021, pp. 375 – 380.
7. Mineralova I.G. The figurative embodiment of the spirit and soul in the poetic heritage of Nikolai Zabolotsky // Bulletin of the Literary Institute. A.M. Gorky. 2003. No. 1-2. pp. 109 – 119.
8. Kukhareno V.A. Text interpretation. M., 1988. S. 106.
9. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 vols. L.: Nauka, 1972–1988.
10. Bochkov V.N. "Prince K. and his relatives" // Bochkov V.N. "Tell me: who is Tatyana?": Images and prototypes in Russian literature. M.: Sovremennik, 1990. S. 249 – 261.
11. Skuridina S.A. From Mordasovo to Dukhanovo and back: the toponymic space of F.M. Dostoevsky "Uncle's Dream" // Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. 2019. No. 3. S. 171 – 179.
12. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 vols. M.: Terra, 1995.
13. Magazanic D.A. Turkish-Russian dictionary: 40.000 words and expressions. 2nd ed., revised. and additional M.: State. foreign publishing house and national dictionaries, 1945. 704 p.
14. Platonov A. Technical novel // Ogonyok Library, 1991, No. 28.
15. Superanskaya A.V. Dictionary of Russian personal names. M.: LLC “Firm “Publishing House AST””, 1998. 522 p.
16. Unbegaun B.O. Russian surnames. M., Progress, 1989, p. 26.
17. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language / Russian Academy of Sciences. Institute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov. 4th ed., add. M.: Azbukovnik, 1997. S. 311.
18. <https://sbornik-mudrosti.ru/posloviy-i-pogovorki-o-dushe/> (accessed 11/19/22).
19. Kazarkin A.P. “Technical novel” by A. Platonov: change of chronotopes // Text. Book. Book publishing. 2014. No. 3 (7). pp. 107 – 122.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.67.13.008

*Московский финансово-промышленный университет «Синергия», г. Москва
ст. преподаватель кафедры отечественной и зарубежной литературы
Сычева Е.О.
Россия, г. Москва, тел. +7(961)4941322
e-mail: Lenasycheva@yandex.ru*

*Moscow Financial and Industrial University
“Synergy”, Moscow, Senior lecturer of the
Department of Domestic and Foreign Literature
Sycheva E. O.
Russia, Moscow, tel. +7(961)4941322
e-mail: Lenasycheva@yandex.ru*

Е.О. Сычева

РЕЦЕПЦИЯ ОБРАЗА ЗОЛОТОГО ВЕКА В ПОЭТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Статья посвящена исследованию рецепции образа золотого века в творчестве Ф.М. Достоевского. Проведенный анализ дает основание полагать, что данный образ имеет важное смысловое значение в поэтике великого русского писателя, который вслед за Ф. Шиллером прославляет Элладу как обитель золотого века. Здесь представлена гармония первобытного человечества, живущего в ладу с природой и миром. В художественных текстах Ф.М. Достоевского данный образ вербализован во сне Ставрогина и Смешного человека и представляет собой воплощение гармонии человека с миром и другими. Отличие образа золотого века представлено в восприятии его двумя персонажами, если для Ставрогина сон является невероятной мечтой и заблуждением, то в рассказе «Сон смешного человека» герою является божественная истина – золотой век возможен на земле, но связан он с нравственным возрождением личности. Вслед за немецким писателем Ф.М. Достоевский называет три состояния человечества: патриархальность, цивилизацию и христианство, как последнюю степень человека. Возвращение золотого века соотносится в поэтике Ф.М. Достоевского со всеобщим единением. Ф.М. Достоевский опирается на эстетические положения Ф. Шиллера, трансформируя их. В творчестве русского писателя эстетическое тесно связано с этическим и религиозным. Русский писатель не только восхваляет золотой век вслед за немецким писателем, но и верит в его наступление благодаря христианству. А главная задача для человека, по мнению Ф.М. Достоевского, раскрыть в себе Бога и осознать совершенство мира.

Ключевые слова: золотой век, гармония, Ф. Шиллер, эстетика, поэтика

E.O. Sycheva

RECEPTION OF THE IMAGE OF THE GOLDEN AGE IN F.M. DOSTOYEVSKY'S POETICS

The article is devoted to the study of the reception of the image of the golden Age in the works of F.M. Dostoevsky. The analysis gives reason to believe that this image has an important semantic meaning in the poetics of the great Russian writer, who, following F. Schiller glorifies Hellas as the abode of the golden age. Here is the harmony of primitive humanity, living in harmony with nature and the world. In the artistic texts of F.M. Dostoevsky, this image is verbalized in the dream of Stavrogin and the Funny Man and represents the embodiment of human harmony with the world and others. The difference between the image of the golden age is represented in the perception of it by two characters, if for Stavrogin a dream is an incredible dream and a delusion, then in the story "The Dream of a funny man" the hero is the divine truth – the golden age is possible on earth, but it is connected with the moral revival of the individual. Following the German writer F.M. Dostoevsky names three states of humanity: patriarchy, civilization and Christianity as the last degree of man. The return of the Golden Age correlates in Dostoevsky's poetics with universal unity. Dostoevsky relies on the aesthetic propositions of F. Schiller, transforming them. In the work of the Russian writer, the aesthetic is closely connected with the ethical and religious. The Russian writer not only praises the golden age after the German writer, but also believes in its coming thanks to Christianity. And the main task for a person, according to F.M. Dostoevsky, is to reveal God in himself and realize the perfection of the world.

Keywords: golden age, harmony, F. Schiller, aesthetics, poetics

Образ «золотого века» появляется в прозе и публицистике Ф.М. Достоевского начиная с 60-х годов. Советские литературоведы не раз отмечали пристальное внимание писателя к особенностям пореформенной исторической действительности. Г.М. Фридлиндер в монографическом исследовании

«Достоевский и реализм» [1] акцентировал внимание на том, что эпоха капитализма в представлении Ф.М. Достоевского соотносилась с разрушением, упадком нравственных норм. Именно в этих исторических реалиях требовалась идея о духовном воскрешении человека. Советский ученый отметил, что в этот период сложились главные черты поэтики «зрелого» Ф.М. Достоевского. В своей публицистике и прозе Ф.М. Достоевский активно обращается к образу золотого века, он представляет для писателя этико-эстетический идеал.

Само понятие «золотой век» является общим представлением многих народов о состоянии гармонии первобытного человечества, живущего в ладу с природой и миром. Размышления Ф.М. Достоевского о золотом веке встречаются в Дневнике писателя за 1876 год. В главе «Золотой век в кармане» автор приводит в пример прецедентные имена: Вольтер, Руссо, Лукреций и отмечает, что люди, присутствующие на балу, возможно, умнее и прекраснее вышеперечисленных, но они не раскроют свой потенциал пока скрываются под маской самолюбия и зависти. Если бы только герои узнали, что в них сокрыто, то могли бы мгновенно преобразить весь мир. Личностный лирический импульс авторской проповеднической дидактики, по мнению Г.К. Щенникова, состоит в нетерпеливом вопросе сомнения: «И неужели, неужели золотой век существует лишь на одних фарфоровых чашках?» [2; с. 13]. Т.А. Касаткина акцентирует внимание на данной главе Дневника писателя, называя ее максимально важной для понимания всего творчества Ф.М. Достоевского, так как именно в ней звучит идея об амбивалентности образа и о возможности каждого преобразить весь мир [3]. В дальнейшем эта идея будет отчетливо звучать в прозе русского писателя.

В художественных текстах образ золотого века вербализован во сне героев и является сферой грез и мечтаний. О.В. Золотко в своем исследовании [4] отмечает, что сон о «золотом веке» отражает комплекс противоречивых переживаний и имеет амбивалентную структуру: показывает глубокий духовный кризис персонажа и мечту героя о всемирном счастье. Подтверждает данную мысль синтагматическая связь лексем *мечта* и «золотой век в романе «Подросток»: «Золотой век – мечта самая невероятная». [5; с. 375]. Во сне Версилова представлена первобытная культура, возникшая в сознании главного героя в связи с картиной «Асис и Галатеея», сам же персонаж называет ее золотой век. Здесь вербализован образ земного рая: «Тут жили прекрасные люди! Они вставали и засыпали счастливые и невинные; рощи наполнялись их веселыми песнями, великий избыток непечатых сил уходил в любовь и в простодушную радость» [Там же].

Сон является архитипическим представлением о когда-то счастливом состоянии человечества, в каком оно отразилось в античном мифе и запечатлено в европейской культуре. Данное сновидение представляет собой рефлекссию над картиной Клода Лоррена. Сам же герой отмечает, что приснилась ему не картина, а будто бы какая-то быль. Данный сон представляет заблуждение героя, недостижимую мечту. Тоска по всеобщей гармонии роднит эстетические принципы Ф.М. Достоевского с идеями Ф. Шиллера. Немецкий писатель считает, что у всех народов, которые имеют историю, есть свой «золотой век». В стихотворении немецкого поэта «Боги Греции» мы встречаем лирического героя, который жалеет о безвозвратно ушедшем «золотом веке».

Да, ушли, и все, что вдохновенно,
Что прекрасно, унесли с собой,-
Все цветы, всю полноту вселенной,-
Нам оставив только звук пустой.
Высей Пинда, их блаженных сеней,
Не зальет времен водоворот:
Что бессмертно в мире песнопений,
В смертном мире не живет. [6; с. 159]

Ф.М. Достоевский вслед за Ф. Шиллером прославляет Элладу, как обитель «золотого века». Русский писатель, по мнению О.А. Багдановой, мечтает о восстановлении цельности человеческой природы, «о единстве добра, истины и телесно-чувственной красоты» [7; с. 102]. Стоит отметить, что Ф. Шиллер в своем тексте восхваляет языческое жизнелюбие, противопоставляя его религии:

Не печаль учила вас молиться,
Хмурый подвиг был не нужен вам;
Все сердца могли блаженно биться,
И блаженный был сродни богам. [6; с. 158]

Русский же писатель верит в возвращение «золотого века» именно благодаря христианству. В фантастическом рассказе «Сон смешного человека» Ф.М. Достоевский трансформирует шиллеровское понимание красоты, обращая свое внимание на религиозно-философский аспект. В статье «Художественное своеобразие эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского» было отмечено, что эстетический идеал в творчестве Ф.М. Достоевского «показывает отождествление двух эстетических категорий – «прекрасное» и «духовное»» [8; с. 538]. В фантастическом рассказе мы также встречаемся с прекрасным и гармоничным наземным обществом, однако смешной человек понимает, что он узрел Истину, которая заключена в любви к ближнему: «Они не знают Истины, а я знаю Истину. Ох, как тяжело одному знать Истину» [9; с. 118]. Т.А. Касаткина [3] также отмечает отличие Версилова от Смешного человека. Именно мысль о возможном устройстве гармонии на земле роднит героя с самим писателем. В романе «Подросток» показан миф о золотом веке как начале истории, в фантастическом рассказе «Сон смешного человека» представлена возможность воплощения идеального будущего.

Красота – добро лежит в основе представления об идеальном общественном устройстве. Шиллеровское представление о прекрасном собирает воедино все положительные идеи писателя, его мысли о возможном переустройстве общества, мечты о «золотом веке» на земле. Утопические представления Ф. Шиллера об «эстетическом государстве» вошли и в идеал общественного устройства, который сложился у Достоевского в «Сне смешного человека». В данном художественном тексте присутствует аллюзия на шиллеровское восприятие идеального общества, состоящее в единстве родовой и индивидуальной сущности человека: «Их дети были детьми всех, потому что все составляли одну семью» [Там же; с. 114]. Стоит отметить, что в фантастическом рассказе нет прямой отсылки на миф и аллгорию о золотом веке, здесь уже появляются религиозные детерминанты. Если в самом начале произведения мы встречаемся с античными и языческими мотивами, то в самом конце, когда главный герой развращает жителей прекрасной земли, смешной человек обращается к высшей силе: «Кто бы ты ни был, но если ты есть и если существует что-нибудь разумнее того, что теперь совершается, то дозвожь ему быть и здесь» [Там же; с. 110]. В проповеди смешного человека еще не звучит имя Бога, но присутствуют религиозные элементы – например, любовь к ближнему, просьба распять смешного человека на кресте. А.Б. Криницын отметил, что религиозное переживание гармонии для Ф.М. Достоевского было первичней, чем религии, которые появились на этой основе [10].

В трактате Ф. Шиллера «О наивной и сентиментальной поэзии» звучит мысль о триединстве пути человечества: рай, утрата и возможность обретения его в будущем. Ф.М. Достоевский опирается на идеи немецкого прозаика, обогащая их религиозной составляющей. Мысль о возвращении золотого века представлена в Дневнике писателя (глава «Социализм и христианство», 1873). Ф.М. Достоевский вслед за Ф. Шиллером называет три состояния человечества: патриархальность, цивилизацию и христианство как последнюю степень человека. Возвращение золотого века соотносится в поэтике Ф.М. Достоевского со всеобщим единением. В размышлениях о различии социализма и христианстве русский писатель дает преимущество второму, характеризуя это тем, что именно в христианстве присутствует идея самопожертвования. Это и отличает размышления немецкого и русского писателя. У Ф. Шиллера мысли о возвращении золотого века проникнуты общегуманистическим смыслом: «Итак, характер времени сначала должен подняться из своего глубокого унижения, избавиться, с одной стороны, от слепого насилия природы, с другой – возвратиться к ее простоте, правде и полноте; задача – более чем на одно столетие» [11; с. 272]. Ф.М. Достоевский же придает теории немецкого писателя христианский смысл.

Как верно отметил В.В. Вильмонт, Ф.М. Достоевский понимал, что осуществление золотого века на земле потребует серьезного нравственного подвига: «Всю жизнь свою он страстно разрешал двойной вопрос: о высшем идеале общества и о пути к его достижению» [12; с.184]. Высшим идеалом для Ф.М. Достоевского является образ Христа. И.И. Евлампиев отмечает главный для Ф.М. Достоевского принцип христианства – тождество человека и Бога. Исследователь акцентирует внимание на том, что задача человека, по мнению русского писателя, состоит в том, чтобы «раскрыть в себе Бога и осознать совершенство мира» [13; с. 285]. А.А. Алексеев в словаре под редакцией Г.К. Щенникова акцентирует внимание на том, что у русского писателя эстетическое соотносится с этическим, «имеющим, кроме того, еще и религиозно-философский аспект» [14; с. 285]. Специфика этико-эстетического идеала русского писателя состоит в единстве красоты, истины и добра.

Вера в наступлениерая на земле подтверждается воплощением в художественных текстах Ф.М. Достоевского образа положительно-прекрасного героя (Мышкин, Соня Мармеладова и др.), а также в

«Дневнике писателя» в главе «Похороны «общечеловека»» представлен герой – воплощение самоотверженности и душевной красоты. Уже в ранних произведениях писателя формируется мысль о душевной красоте, которая спасет мир.

Таким образом, Ф.М. Достоевский в своем творчестве опирается на философско-эстетические воззрения Ф. Шиллера. Как и немецкий романтик, русский писатель акцентирует внимание на золотом веке, прославляя гармоничную жизнь первобытных людей. Как и Ф. Шиллер, Ф.М. Достоевский верит в наступлении рая на земле, однако, в отличие от немецкого философа, русский писатель связывает наступление вечной гармонии с третьим этапом развития человечества – христианством.

Библиографический список

1. Фридлиндер Г.М. Реализм Достоевского. М.-Л.: Наука, 1964. 404 с.
2. Щенников Г.К. Достоевский и русский реализм. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1987. 350 с.
3. Касаткина Т.А. Достоевский как философ и богослов: Художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.
4. Золотко О.В. Образ золотого века в творчестве Ф.М. Достоевского: дис. ... канд. фил.наук. М., 2017.226 с.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: НАУКА, 1973.Т.13. 445 с.
6. Шиллер Ф. Философские письма. Собр. соч.: в 7 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т.1. 784 с.
7. Богданова О.А. «Образ чистой красоты» в романе Ф.М. Достоевского «Идиот»// Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения. 2007. №2. С.101-104.
8. Сычева Е.О., Серебряков А.А. Реализация эстетического идеала в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевского // Нефилология. 2020. Т. 6. №23. С. 530-540.
9. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: НАУКА, 1973.Т. 25. 465 с.
10. Криницын А.Б. Золотой век и всемирная гармония // Образовательный портал «Слово». Филология. Литература XIX века. 2012. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45276.php> (дата обращения – 02.03.2023).
11. Шиллер.Ф. Философские письма. Собр. соч.: в 7 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т.7.788с.
12. Вильмонт Н.Н. Достоевский и Шиллер: заметки русского германиста. М.: Советский писатель, 1984.279 с.
13. Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2012. 585 с.
14. Алексеев А.А. Идеал этико-эстетический // Достоевский: эстетика и поэтика: Словарь-справочник /Сост. Г.К. Щенников, А.А. Алексеев; науч. ред. Г.К. Щенников; ЧелГУ. Челябинск: Металл, 1997. С.17-18.

References

1. Friedlander G. M. Dostoevsky's realism. M.-L.: Nauka, 1964. 404 p.
2. Schennikov G.K. Dostoevsky and Russian realism. Sverdlovsk, 1987. 350 p.
3. Kasatkina T.A. Dostoevsky as a philosopher and theologian: An artistic way of saying. M.: Aquarius, 2019. 336 p.
4. Zolotko O.V. The image of the Golden Age in the works of F.M. Dostoevsky: dis. ... Candidate of Philology sciences. M., 2017. 226 p.
5. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 volumes. T.13. L.: NAUKA, 1973. 445 p.
6. Schiller.F. Philosophical letters. Collected works in 7 vols. T. 1. M.: Goslitizdat, 1955. p. 780.
7. Bogdanova O.A. "The image of pure beauty" in F.M. Dostoevsky's novel "The Idiot"// Problems of Philology, culturology and art criticism. 2007. No. 2. pp.101-104.
8. Sycheva E.O. Serebryakov A.A. Realization of the aesthetic ideal in the "Diary of a writer" F.M.Dostoevsky// Neophilology . 2020. Volume 6, No. 23. pp. 530-540.
9. Dostoevsky F.M. Complete works in 30 volumes. T.25. L.: NAUKA, 1973. 465 p.
- 10.Krinityn A.B. The Golden Age and world harmony // Educational portal "Slovo". Philology. Literature of the XIX century. 2012. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/45276.php> (accessed 02.03.2023).
- 11.Schiller.F. Philosophical letters. Collected works in 7 vols., T. 1. 6. M.: Goslitizdat, 1957. p. 441.
- 12.Wilmont N.N. Dostoevsky and Schiller: notes of a Russian Germanist.M.: Soviet Writer, 1984.279 p.
- 13.Evlampiev I. I. Philosophy of man in the works of F. Dostoevsky (from early works to the Brothers Karamazov). St. Petersburg: Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2012. 585 p.
- 14.Alekseev A.A. Ethico-aesthetic ideal // Dostoevsky: aesthetics and poetics: Dictionary-reference / Comp. G.K. Schennikov, A.A. Alekseev; scientific ed. G.K. Schennikov; ChelGU. Chelyabinsk: Metal, 1997. pp.17-18.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.40.36.009

*Воронежский государственный педагогический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы*

*Арзамова О. В.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-960-139-44-77
e-mail: arzyamovyuu@yandex.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
The chair of the Russian Language, Modern Russian and Foreign Literature Russian language PhD, associate professor Doctor of Philology
Arzyamova O. V.
Russia, Voronezh, tel. +7-960-139-44-77
e-mail: arzyamovyuu@yandex.ru*

О.В. Арзамова

**ПАРАНТЕТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВО АКТУАЛИЗАЦИИ
КОММУНИКАТИВНЫХ РЕГИСТРОВ ТЕКСТА
(на материале романа Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд»)**

Статья посвящена актуальной проблеме изучения парантетических конструкций на материале романа Г.Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд», которые выполняют различные функции и обладают широкой прагматической направленностью в коммуникативных регистрах текста. Парантетические конструкции соединяют объективированные и субъективированные планы повествования и создают различные типы взаимодействующих контекстов. Парантезы информативного регистра актуализируют событийную информацию уточняющего, поясняющего и обстоятельного характера, а также посредством интроспекции передают субъектно-речевой характер изложения. Парантезы в репродуктивном регистре направлены на репрезентацию различных описаний и характеристик и выполняют атрибутивно-характеризующие функции. Парантезы, относящиеся к реактивному регистру речи, выполняют эмоционально-оценочные функции.

Ключевые слова: художественный текст, структуры речи, парантетические конструкции, коммуникативные регистры речи, информативный регистр, репродуктивный регистр, реактивный регистр.

O.V. Arzyamova

**PARANTHETIC CONSTRUCTIONS AS A MEANS OF UPDATING
THE COMMUNICATIVE REGISTERS OF THE TEXT
(based on the novel by G. Sh. Yakhina "Echelon to Samarkand")**

The article is devoted to the actual problem of studying paranthetic constructions based on the material of G. Sh. Yakhina's novel "Echelon to Samarkand", which perform various functions and have a broad pragmatic orientation in the communicative registers of the text. Paranthetical constructions connect objectified and subjectified narrative plans, create various types of interacting contexts. The parentheses of the informative register update the event information of a clarifying, explanatory and detailed nature, and also convey the subject-speech nature of the presentation through introspection. Parentheses in the reproductive register are aimed at representing various descriptions and characteristics and perform attributive and characterizing functions. Parentheses related to the reactive register of speech perform emotional and evaluative functions.

Keywords: literary text, speech structures, parantetic constructions, communicative speech registers, informative register, reproductive register, reactive register.

Парантезы, или вставные конструкции, используемые в художественном дискурсе, постоянно привлекают внимание исследователей-лингвистов [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9] и др.

С точки зрения исторического развития русского литературного языка парантезы ведут своё начало с конца XVIII века, затем активно используются на протяжении XIX-XX веков и становятся особенно востребованными в «актуализирующей прозе» нового (20-ые - 30-ые годы XX века) и новейшего периода (конец XX и начало XXI века) [3].

Мысль Г. А. Золотовой о том, что в композиционно-синтаксической организации текста важную роль играет так называемая «регистровая техника» стала важной отправной точкой в синтаксисе художественной речи [10]. Как отмечает М. Ю. Сидорова, «...для каждого типа текстов ожидается определенная регистровая композиция, а для блоков каждого регистра имеются свои структурно-семантические ожидания <...> и композиционные функции <...> в том или ином жанре текста» [11, с. 487].

Теория, связанная с коммуникативными регистрами речи, активно применяется к текстам разных стилей и жанров [12; 13; 14; 15], в том числе, и к такому дискурсивному явлению, как парантеза, или вставная конструкция [16].

Произведения Г. Ш. Яхиной наглядно отражают основные динамические процессы, свойственные отечественной прозе новейшего периода [17]. В романах «Зулейха открывает глаза» и «Дети мои» Г. Ш. Яхина использует расчлененность текста и приемы «рубленого» синтаксиса [18]. Роман Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самиарканд» [19] также демонстрирует черты актуализирующего синтаксиса, в частности, активное использование парантез, оформленных при помощи двойных тире или парных скобок, и которые становятся характерной чертой идиостиля.

В романе Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд» парантезы выполняют особую функцию организации художественного пространства. С одной стороны, расчленяют структуру абзаца, с другой – выступают как синтаксический прием, соединяющий разные субъектно-речевые планы в тексте. Задача данной статьи состоит в том, чтобы определить связь между коммуникативными регистрами текста и функциональными особенностями парантетических конструкций, реализуемыми в композиционно-речевой организации произведения. Актуальность и новизна исследования определяются отсутствием научных работ, посвященных изучению парантетических (вставных) конструкций на материале романа Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд». В работе использовался регистровый анализ текста, который, согласно концепции Г. А. Золотовой, определяется тем, что в тексте взаимодействуют различные коммуникативные регистры речи. Информативный, репрезентативный, генеритивный, как правило, проявляются в монологических структурах текста; волюнтивный и реактивный – в диалогических [10].

Методом сплошной выборки в тексте романа было выявлено 423 парантетические (вставные) конструкции. Большинство конструкций выделяется тире – 299 (72,4 %); скобки встречаются реже – 114 (27,6%). Исследование показало, что в романе «Эшелон на Самарканд» встречаются парантезы, относящиеся к информативному регистру (передают события, вносят основную и дополнительную событийную информацию) – 177 (42%), репродуктивному (описывают и характеризуют) – 167 (39%) и реактивному (передают эмоциональное состояние, выражают чувства и реакции) – 79 (19%).

Парантезы информативного типа могут актуализировать событийную информацию и выполнять уточняюще-поясняющие функции – уточнения, детализации, введения попутных замечаний. Например: уточнения: Но Белая — не дожидаясь женщины, а словно даже вопреки ее торопливости — распахнула центральные двери и решительно вошла внутрь [19, с.14]; детализации; введения дополнительных, попутных замечаний: Пролистнув затрепанную книжонку, Деев не нашел в ней ничего дельного — сплошные лобзания и вздохи, — но и контрреволюции не обнаружил [19, с.105]; Когда все годовалые и двухлетки были уже в эшелоне — их решили везти в штабном вагоне, в самых мягких купе и поближе к ванной, — настала очередь лежачих [19, с.51]; пояснения: В дождь надевал поверх деревянные копыта — куски дерева на завязках — шагать по лужам [19, с. 27]; причины: Лампа стояла на полу — для лучшего освещения фронта работ, — и фигура женщины была подсвечена снизу каким-то фантастическим театральным светом [19, с. 32]. Кроме того, парантеза позволяет передать расширение предмета речи: Все, кто на вокзале жил, — а были их многие тысячи — выстроились в очередь: без гвалта и драки, встали друг другу в затылок, детей к себе прижали и стоят, послушные [19, с. 347-348], а также может использоваться с целью образного сравнения: Деев закрывает их в этих вагонах — на семь замков запрет, как самый ценный груз, — раскочегарит печки докрасна, чтобы лето в эшелоне наступило, — и помчит, пулей помчит в Самарканд [19, с. 28]; цели: Перед началом карточной игры — во избежание мухлеза — сцепить правые руки и трижды произнести хором: «Шахер-махер, вышел на хер!» [19, с. 207].

Информативные парантезы, оформленные посредством скобок, также выполняют функции уточняющего и пояснительного характера: А были механики — не было металла для починки (также горнов, наковален и прочего инструмента) [19, с. 25]; Теперь только перебраться бы через пути к за-

дам отстойника, где ожидал эшелон (пешим самостоятельно, а больным и малым на руках у взрослых), затем распихать всех быстренько по вагонам, и — спасибо за помощь, товарищи кавалеристы, счастливо оставаться!.. [19, с. 45]; Вытащили на свет и порубили все: насесты из бывших курятников, корзины из-под кур, накопившиеся ящики и коробки от провизии, подаренные казаками напольные часы, курительные трубки, книги до единой (библиотекарша плакала, но отдала), раму от картины в девчачьем вагоне (Деев хотел было и саму картину в огонь кинуть, но тут уж библиотекарша вцепилась в холст, будто был он из золота, и Деев сдался, не тронул мазню). Все, что могло гореть и давать тепло, — гудело в топке [19, с. 328], а также выполняют функции цели: Надеялись, что разгружают провизию (и можно поживиться укатившимся яблоком или оброненной галетой); или что загружают уголь (и можно отгрести себе хоть горстку); кто просился в попутчики (хоть на тормозной платформе до Сергача дотрюхать); кто норовил пристроить ребенка в эшелон [19, с. 55] и причины: Где-то в коридоре сквозь грохот колес и лязганье металла слышно младенческое тьяканье (сразу после отбытия Деев отдал кукушонка Фатиме, чтобы укачала и успокоила) [19, с. 68].

Кроме того, парантетические конструкции посредством интроспекции актуализируют субъектно-речевые планы: например, мысли и умозаключения главного героя: — И правда, — поддакнул Деев (уж очень хотелось помочь бедной заведующей). — Кровати-то где? [19, с. 16]; Когда-то там располагалась дорожная библиотека и даже был установлен рояль, а теперь красовалась шербатая чугунная ванна (видно, перетащили из банно-прачечного отсека, да так и позабыли здесь) [19, с. 7]; Стены — испещрены выбоинами так обильно, что казались возведенными из необычайно рыхлого и пористого камня (Деев узнал эти щербины сразу: мелкие — от пуль, покрупнее — от снарядов) [19, с. 11]; Конвойные мои всполошились, подбегают. Двоих отсылаю обратно на посты, в разные концы эшелона (вдруг вся эта катавасия — приманка, чтобы нас отвлечь?), а двоим велю остаться. Сам лезу в пролом. В каждой руке — по нагану. В каждом нагане — по семь патронов, полный барабан [19, с. 335-336]; воспроизводят цитатную речь: Рассказывал больше фельдшер: вспоминал сложные случаи из практики или как воевали с турками («по безусой молодости»), или с японцами («это уже с седыми усами»), или во время недавней Гражданской. [19, с. 322]; выполняют функцию ремарки: Другая вспышка. «Правда ли, что буржуи хлебом паровозы топят?» (Это уже Пчелка спрашивает, когда Деев проходит мимо.) «Сам не видел, — признается он, — может, и правда». — «Убьешь их, когда встретишь?» — «Убью, обещаю». В подтверждение достает из кармана револьвер и, раскрыв барабан, крутит перед девчачьими глазами: полюбуйся-ка — полный, на семь пуль. Замечает, что оружие в руке дрожит [19, с. 328]; И еще вспышка. «Деев, ты виноград едал?» — «Не приходилось». (Это уже с Юсей Трахомой беседуют.) — «Говорят, чудо-ягода. Одной виноградиной на весь день сыт бываешь». — «Раз говорят, значит, правда. Значит, первым делом его в Самарканде и найдем. Ведь едем-то мы с тобой в Самарканд. Он есть...» [19, с. 328].

Таким образом, парантезы в информативном регистре в основном выполняют повествовательную функцию. Они передают различную информацию — детализируют, поясняют и дополняют происходящие события. Кроме того, особую значимость приобретают так называемые «интроспективные парантезы» [2, с. 185], в которых представлено «параллельное сообщение о том, что говорит персонаж и что думает, что делает и как это воспринимается другими, его внешние характеристики и внутренние переживания и т. п.» [20, с. 14]. Интроспективные парантезы информативного типа, актуализируя субъективированный модус, способствуют взаимодействию композиционно-речевых структур текста.

Парантезы в репродуктивном регистре в основном направлены на репрезентацию различных описаний и характеристик. Например, передают детали внешности: Несколько пар глаз с вялым любопытством следили за действиями женщины, и лишь один пацаненок — мелкий, с коричневым от загара лицом, похожим на грязную картошину, — уселся поудобнее, чтобы не пропустить представление [19, с. 11]; называют или характеризуют части тела: Некоторые части их — руки, плечи, ребра, ключицы, шеи — необыкновенно худые, с остро торчащими косточками. А некоторые — ступни, голени, бедра и животы — невозможно толстые, похожие на пуховые подушки [19, с. 21]; Фока Щекотун (много позже, во время купания, Деев разглядел щекотунчик этого Фоки — малехонькую загогулину, бледную, как гусеница на капусте) [19, с. 200]; посредством зрительных образов передают или характеризуют движения: Мальчишка встал — медленно, едва шевеля конечностями, будто двигаясь по речному дну, а не по суше, — и подошел ко входным дверям [19, с. 12]; слуховые ощущения: Но спуститься они не успели — раздался знакомый надсадный вой, где-то совсем рядом — можно было принять его за звериный, если бы не короткие всхлипы и бормотания в промежутках [19, с. 23]; описание пространства, местности: Приказанский лес — прозрачный по осени, едва разбавленный жел-

тизной берез и зеленью сосен, — тянулся и тянулся бесконечно [19, с. 78]; описание деталей интерьера: Бывшая купеческая гостиная выглядела так, будто ее основательно потряс какой-то великан: на селявшие ранее комнату многочисленные предметы — картины, зеркала, жардиньерки — в беспорядке валялись по углам, опрокинутые или поставленные на попа [19, с. 91]; обонятельные ощущения: Вдыхаю его запах крепкий — пот, уголь, железо — и мыслю: как же верно ты назвал меня — брат, брат! [19, с. 240].

Репродуктивные парантезы, оформленные посредством скобок, также активно репрезентируют различные описания: Женщина в очках запыхалась от короткой пробежки (вблизи Деев увидел, что уложенные в пук жидкие волосы ее совершенно седые, а худоба организма уже не молодая, а старческая) [19, с. 15]; Абдулов стянул малахай (под ним обнаружилась шишковатая лысина), прижал к груди и мотнул головой, не то благодаря, не то легонько кланяясь женщинам. [19, с. 137]; На коньке каждого амбара корячилось по пугалу, но птиц было не испугать: садились чучелам на распростертые руки и злобно долбили по бóшкам — битым горшкам (Деев заметил, что одно чучело было одето в поповскую рясу, еще одно — в драный донельзя фрак) [19, с. 146]; Корова лизала истово, иногда касаясь рук и шеи Деева краем языка (по ним будто теркой шкрябало), — чистила детенышу морду, и бока, и пах, и снова морду; и скоро Деев обнаружил рядом со своей щекой частое дыхание теленка — тот раздышался. Рот поначалу держал открытым (со свесившегося языка капала на Деева теплая телячья слюна), а затем прикрыл и засопел сквозь ноздри [19, с. 166]; Деев идет за машинистом к паровозу. (А глаза у машиниста и впрямь шальные, чуть из орбит не лезут.) [19, с. 370].

Парантезы в репродуктивном регистре, как правило, выполняют атрибутивно-характеризующие функции. Они объективируют описательный модус, создают эффект реальности происходящего, делают его наглядным и образным.

Парантезы в реактивном регистре выполняют различные экспрессивно-оценочные и эмотивные функции. Например: С такой станется: не человек — гангрена в юбке. А он-то — дурак! — на ресницы ее пялился да на колени красивые. И угораздило же его попасть с ней в один эшелон! [19, с. 20]. Часовой у ворот — дубина со штыком! — заупрямился: нет пропуска — нет допуска [19, с. 27]. Хотелось — аж в груди жгло! — ворваться в начальственный кабинет и посмотреть Чайнову в глаза, по-мужски посмотреть, как ровне [19, с. 31]. Пялился нахально в распахнутый створ исподней рубахи — вот тебе! — не моргая, а нарочно даже выкатив глаза и чувствуя, как теплеют от стыда щеки [19, с. 32]; Прозвища возникали сами. Не спавшая толком вот уже две ночи и оттого мутная слегка деевская голова — будь она неладна! — выстреливала эти нелепые клички, как только он брал на руки очередного ребенка... [19, с. 53]; А тот — осёл на коне! — вместо того, чтобы цапнуть настырную бабу за загривок и позволить Дееву уйти, выхватил шашку [19, с. 62].

Реактивные парантезы могут быть оформлены посредством восклицательных конструкций — фраз и предложений: Но Деев к тому времени так замучил вокзальное начальство требованиями (да всё «немедля!», «тот же час!» и «непременно!»), что в уборщиках ему отказали [19, с. 8]; Деев, конечно, видывал опухших (да и кто же на Волге их не видывал!), но чтобы столько разом, и одни только дети... [19, с. 22]; Старик шлепнул ладонью по чугунному боку печки (здесь будет стоять!) и только улыбнулся в ответ, обнажая желтые зубы — крепкие, без единой щербины или темного пятна [19, с. 35]; Смеялся не тому, что дети одеты будут (хотя и это было ох как хорошо!), а тому, что есть на земле братство — истинное братство незнакомых, но близких людей [19, с. 58].

Реактивные парантезы, оформленные с помощью вопросительных конструкций, также могут служить средством передачи эмоционального состояния субъекта речи: Пугало все: как дети открывали глаза (не случилось ли чего?) и как закрывали (откроют ли вновь?), если дышали громко (им худо?) и если тихо (дышат ли вообще?), когда лежали неподвижно и когда шевелились... [19, с. 52]; И комиссар стояла рядом и смотрела — от этого было и неловко, и душу трогало: Деев и стыдился (за себя? за бесстыжую бабу?), и хотел бы продлить эту минуту, словно превращала она его с Белой в соучастников чего-то важного и сокровенного [19, с. 111]; Можно было о чем-то спросить (о чем?) или что-то рассказать (что?), но голова никак не хотела сочинять [19, с. 266].

Эмоционально-психологическое состояние субъекта речи может передаваться и при помощи сложного предложения, оформленного в виде парантезы: Эшелон к вечеру придет, отвечаю (спокойно очень отвечаю, и голос не дрожит, хотя внутри колотит всего, как от лютого мороза). Поторопите этих, которые на самом верху [19, с. 347].

Парантетические конструкции в коммуникативных регистрах текста

Коммуникативные регистры речи						
Тип и разновидность регистра	Информативный регистр (177)		Репродуктивный регистр (167)		Реактивный регистр (79)	
	тире	скобки	тире	скобки	тире	скобки
Пунктуационные средства, обозначающие вставку						
Количество парантез (вставных конструкций)	112	65	141	26	46	23

В романе Г.Ш. Яхиной наиболее частотным знаком для оформления парантетических конструкций является тире. В количественном отношении наиболее представлены парантезы репродуктивного регистра, оформленные при помощи тире, которые коррелируют с микротемой «описание» и репрезентируют различные образы – зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные.

Таким образом, соединяя объективированные и субъективированные планы повествования, парантетические конструкции создают различные типы взаимодействующих контекстов: повествовательно-описательный (информативный регистр), описательно-повествовательный (репродуктивный регистр) и эмотивно-экспрессивный (реактивный регистр).

Библиографический список

1. Антонова В. В. Парантетические конструкции современного русского языка: автореф. на соиск. учёной степ. канд. филол. наук. Москва. 2015. 18 с.
2. Арязмова О. В. Функционально-смысловая роль парантезы в романе Г. Ш. Яхиной «Дети мои» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2020. № 3(288). С. 183–186. –
3. Вяткина С. В. Динамика развития вставных конструкций в русском литературном языке // Тенденции развития русского языка: сб. ст. к 70-летию проф. Г. Н. Акимовой / Отв. ред. В. И. Трубинский. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 45–58.
4. Князева Н. В., Королькова Е. Е. Парантеза как способ актуализации информации в художественном тексте // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 61-8. С. 44–48.
5. Коршунов П. Г. Вставные конструкции как средство стилизации разговорной речи в художественном тексте // Современные научные исследования и разработки. 2018. №5 (22). С. 360–363.
6. Кулаковский М. Н. Организация пространства с помощью вставных конструкций в современном художественном тексте // Культура. Литература. Язык: Материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль. 2020. С. 9–13.
7. Патроева Н. В., Мухина Е. А. Функционирование вставных конструкций в поэзии И. А. Крылова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. №1 (40). С.45–53.
8. Сафонова С. С., Чупрякова О. А. Функционально-семантический статус парантез в художественном дискурсе В. В. Набокова // Филология и культура. 2017. №1 (47). С. 91–96.
9. Харлова Н. М. Вставные конструкции как средство стилизации художественного текста // Sciences of Europe. 2021. № 77. С. 45–49.
10. Золотова Г. А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: Сборник научных трудов к 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРЯ, 1996. С. 284–296.
11. Сидорова М. Ю. Регистровая техника и ее возможности / М. Ю. Сидорова // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: Регистровая техника и ее возможности: Сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 487–497.
12. Гольшшкина Л. А. О методологическом вкладе лингвистики текста в практику дискурсивного анализа (на материале Нобелевской лекции И. Бродского) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 2 (9). С. 66–76.
13. Коржикова Н.В. Приемы композиционно-синтаксического анализа дискурса травелога (на материале анализа травелогов о путешествии по Якутии) // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2020. № 4 (78). С. 59–71.
14. Роговнева Ю. В. Коммуникативная грамматика и анализ текста [Текст] // Русский язык за рубежом. 2017. № 6. С. 92–95.
15. Чэнь Лэй Полирегистровость текста путеводителя (на примере путеводителей по Китаю для русских туристов) // Мир русского слова. 2018. № 4. С.22–29.

16. Казаков В. П. Функции вставных конструкций в зеркале коммуникативных регистров речи (в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор») // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2020. Т. 17. Вып.4. С. 633–649.
17. Арзымова О. В. Динамические тенденции в синтаксисе русской художественной прозы начала XXI века // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (267). С.156–159.
18. Мазикова Н. Ю. Прагматика синтаксических средств членности в современном художественном тексте // Известия Волгоградского педагогического университета. 2021. № 2 (155). С. 127–134.
19. Яхина Г. Ш. Эшелон на Самарканд. М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2021. 507 с.
20. Андрамонова Н. А. Системно-функциональные преобразования придаточности // Русский язык: история и современность. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. С. 14–19.

References

1. Antonova V. V. Parantetic constructions of the modern Russian language: abstract. on the job. scientific step. Candidate of Philological Sciences. Moscow. 2015. 18 p
2. Arzyamova O. V. The functional and semantic role of paranthesis in G. Sh. Yakhina's novel "My Children" // Izvestiya Voronezh State Pedagogical University. Russian Russian Language. 2020. No. 3(288). pp. 183-186.
3. Vyatkina S. V. Dynamics of the development of plug-in constructions in the Russian literary language // Trends in the development of the Russian language: collection of articles to the 70th anniversary of prof. G. N. Akimova / Ed. V. I. Trubinsky. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2001. Pp. 45-58.
4. Knyazeva N. V., Korolkova E. E. Paranteza as a way of updating information in a literary text // Trends in the development of science and education. 2020. No. 61-8. pp. 44-48.
5. Korshunov P. G. Plug-in constructions as a means of stylization of colloquial speech in a literary text // Modern scientific research and development. 2018. No.5 (22). pp. 360-363.
6. Kulakovskiy M. N. Organization of space with the help of inset constructions in a modern artistic text // Culture. Literature. Language: Materials of the conference "Readings of Ushinsky". Yaroslavl. 2020. pp. 9-13.
7. Patroneva N. V., Mukhina E. A. Functioning of plug-in constructions in the poetry of I. A. Krylov // Topical issues of modern philology and journalism. 2021. No. 1 (40). pp.45-53.
8. Safonova S. S., Chupryakova O. A. The functional and semantic status of parantez in V. V. Nabokov's artistic discourse // Philology and Culture. 2017. No. 1 (47). pp. 91-96.
9. Kharlova N. M. Insertion constructions as a means of stylization of a literary text // Sciences of Europe. 2021. No. 77. pp. 45-49.
10. Zolotova G. A. Composition and grammar // Language as creativity: Collection of scientific papers for the 70th anniversary of V. P. Grigoriev. M.: IRYA, 1996. pp. 284-296.
11. Sidorova M. Yu. Register technique and its possibilities / M. Yu. Sidorova // Communicative and semantic parameters of grammar and text: Register technique and its possibilities collection of articles dedicated to the anniversary of G. A. Zolotova. Moscow: Editorial URSS, 2002. pp. 487-497.
12. Golyshkina L. A. On the methodological contribution of text linguistics to the practice of discursive analysis (based on the material of I. Brodsky's Nobel Lecture) // Ecology of language and communicative practice. 2017. No.2 (9). pp. 66-76.
13. Korzhikova N.V. Techniques of compositional and syntactic analysis of travelogue discourse (based on the analysis of travelogues about traveling in Yakutia) // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. 2020. No. 4 (78). pp. 59-71.
14. Rogovneva Yu. V. Communicative grammar and text analysis [Text] // Russian language abroad. Russian Russian Word. 2017. No. 6. pp. 92-95.
15. Chen Lei Polyregister of the text of the guidebook (on the example of guidebooks to China for Russian tourists) // The World of the Russian Word. 2018. No. 4. pp.22-29.
16. Kazakov V. P. Functions of plug-in constructions in the mirror of communicative speech registers (in E. G. Vodolazkin's novel "Aviator") // Bulletin of St. Petersburg State University. Language and literature. 2020. Vol. 17. Issue 4. pp. 633-649.
17. Arzyamova O. V. Dynamic trends in the syntax of Russian fiction prose of the beginning of the XXI century // Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University. 2015. No.2 (267). pp.1560159.
18. Mazikova N. Y. Pragmatics of syntactic means of articulateness in a modern literary text // News Volgograd Pedagogical University. 2021. No. 2 (155). pp. 127-134.
19. Yakhina G. Sh. Echelon to Samarkand. M. : АСТ: Edited by Elena Shubina, 2021. 507p.
20. Andramonova N. A. System-functional transformations of adjunctedness // Russian language: history and modernity. Kazan: Kazan Publishing House, 2008. pp. 14-19.

УДК 821.112.2

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.77.83.010

Воронежский государственный педагогический университет

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры французского языка и иностранных языков для неязыковых профилей

Воротникова А.Э.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(910)243-08-24

e-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru

Voronezh State Pedagogical University

Doctor of Philology, Docent, Professor of the Department of French Language and Foreign

Languages for Non-linguistic Specialities

Vorotnikova A.E.

Russia, Voronezh, +7(910)243-08-24

e-mail: vorotnikovaanna2013@yandex.ru

магистрант 2 курса филологического факультета

Саратова М.В.

Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)418-39-51

e-mail: hae.haeh@yandex.ru

2nd year master's student of the faculty of philology

Saratova M.V.

Russia, Voronezh, tel. +7(920)418-39-51

e-mail: hae.haeh@yandex.ru

А.Э. Воротникова, М.В. Саратова

АКУСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В РОМАНЕ-МЕТАФОРЕ М. БАЙЕРА «ЛЕТУЧИЕ СОБАКИ»

Статья посвящена интерпретации акустических образов в романе современного немецкого писателя М. Байера «Летучие собаки», обращенном к неновой, но по-прежнему актуальной проблематике фашистского прошлого и исторической памяти, индивидуальной и коллективной вины и покаяния. В фокусе исследовательского интереса – жанровая специфика байеровского произведения как романа-метафоры, соединяющего реалистический, конкретно-исторический, и обобщенно-образный планы повествования. Анализ метафор из акустической художественной концептосферы позволяет продемонстрировать механизм мгновенного и часто неожиданного сближения романских образов и объединения их в новую реальность более высокого идейно-эстетического уровня. Отмечается многообразие функций феномена звука, выступающего в качестве двигателя сюжетного развития и идейно-художественного центра произведения, задающего композицию образов главных героев и нарративную структуру романа, выявляющего мировоззренческие особенности личности протагониста – ученого Карнау – и этапы его духовной и морально-нравственной деградации. Использование звукообразов придает повествованию поливалентный и полифонический характер. Одним из важнейших художественных приемов в «Летучих собаках» является синестезия, проявляющаяся во влиянии акустических образов на хронологическую организацию романа, а также в их корреляции с цветообразами. Пристальное внимание уделяется таким соотнесенным со звуком образам, как глухонемые, летучие собаки, эхо, пустота, технические средства. Особо рассматривается оппозиция голоса–молчания. Образ звука, будучи идейно-эстетическим первоэлементом, служит призмой, собирающей воедино многоаспектную картину жизни в нацистской Германии и высвечивающей ее скрытые идеологические основания, практикуемые в ней методы пропагандистского воздействия на индивидуальное и массовое сознание.

Ключевые слова: образ, звук, голос, молчание, восприятие, синестезия, метафора, роман, художественная концептосфера, повествование, картина мира, фашизм.

A.E. Vorotnikova, M.V. Saratova

ACOUSTIC IMAGES IN THE METAPHOR NOVEL BY M. BEYER "FLYING DOGS"

The article is devoted to the interpretation of the acoustic images in the novel by the modern German writer M. Beyer "Flying Dogs", dealing with the old, but still relevant problems of the fascist past and historical memory, individual and collective guilt and repentance. The focus of research interest is the genre specificity of the work by Beyer as a metaphor novel that combines realistic, concrete historical, and general figurative narrative plans. The analysis of

metaphors from the acoustic artistic conceptual sphere allows us to demonstrate the mechanism of instantaneous and often unexpected convergence of novel images and their unification into a new reality of a higher ideological and aesthetic level. The variety of functions of the phenomenon of sound is noted, acting as the plot device and the ideological and artistic center of the work, setting the composition of the main characters and the narrative structure of the novel, revealing the ideological features of the personality of the protagonist – the scientist Karnau – and the stages of his spiritual and moral degradation. The use of sound images gives the narrative a polyvalent and polyphonic character. One of the most important artistic techniques in “Flying Dogs” is synesthesia, which manifests itself in the influence of acoustic images on the chronotopic organization of the novel, as well as in their correlation with color images. Close attention is paid to such images correlated with sound as deaf-mutes, flying dogs, echo, emptiness, technical devices. The opposition of voice–silence is particularly considered. The image of sound, being an ideological and aesthetic primary element, serves as a prism that brings together a multidimensional picture of life in Nazi Germany and highlights its hidden ideological foundations, the methods of propagandistic influence on individual and mass consciousness practiced in it.

Keywords: image, sound, voice, silence, perception, synesthesia, metaphor, novel, artistic conceptual sphere, narrative, worldview, fascism.

Значение акустических образов в романе Марселя Байера «Летучие собаки» (1995) трудно переоценить, поскольку именно звук служит основным средством реконструкции и художественной концептуализации картины мира главных героев, от лица которых ведется повествование: немецкого исследователя Германа Карнау и восьмилетней девочки Хельги, старшей дочери Геббельса – министра пропаганды нацистской Германии. Личностные и психологические особенности, возраст, род занятий, социальное положение протагонистов-рассказчиков задают разницу двух типов аудиальной рецепции действительности.

Карнау размышляет о мире звуков с позиций учёного, воспринимающего носителей голосов исключительно как объекты исследовательского интереса и игнорирующего этические аспекты предпринятой им работы по созданию акустической карты Третьего Рейха. Карнау – коллекционер и классификатор «голосов и оттенков человеческого голоса» [1, с. 29] – признает сам себя последователем знаменитого австрийского френолога Йозефа Галля, также пытавшегося свести полноту человеческой личности к единому физиологическому основанию – форме черепа.

Хельга-ребёнок – второй главный «аудиал» в романе – в силу своих лет легко поддается воздействию фашистской пропаганды, но в то же время по-детски тонко распознает фальшивые ноты в голосе говорящего, улавливает на сенсорном уровне деструктивную энергию нацистских речей (например, в эпизоде выступления ее отца во дворце спорта). В повествовательной линии девочки преобладает наивный взгляд на окружающих ее людей – детей и взрослых, семейные отношения, быт, работу отца – главного нацистского пропагандиста. Это – видение героя-простака (аллюзия на Симплиция Симплициссимуса Гриммельсгаузена), накладывающееся на восприятие Карнау как старшего по возрасту и более опытного свидетеля и участника происходящих событий.

Несомненно, автору было важно совместить две столь разные перспективы, чтобы достичь эффекта объективного представления романной истории. Два главных голоса, принадлежащих очень разным героям – профессиональному акустику и ребенку с незамутненным сознанием – сталкиваются, подхватывают друг друга, то звучат в унисон, то диссонируют, творя в целом единую картину жизни в нацистской Германии.

Уже первая глава, начинающаяся с концептуально нагруженного слова «eine Stimme» [2, S. 6] («голос» [1, с. 7]), вводит читателя в совершенно особую реальность – многоголосую, звучащую на разные лады и наделенную таинственной властью над человеком. В непрерывной активизации аудиального канала связи с реальностью и продуцируемых им звукообразов состоит общая идейно-художественная стратегия романного повествования.

Жанровую принадлежность «Летучих собак» можно определить как роман-метафора, поскольку появляющиеся в произведении Байера звукообразы творят целостную метафорическую систему, задают «“метафорическую организацию” романного мира и романного текста» [3, с. 63]. Метафоры немецкого писателя основаны на мгновенном сближении двух образов, их зачастую неожиданном объединении в новую реальность более высокого идейно-художественного уровня. Байеровские метафоры, создающиеся в соответствии с «логикой воображения» [3, с. 64], сопрягают в себе рациональное и иррациональное начала. Не случаен в этой связи выбор звука в качестве эстетического центра образной системы произведения. Звук также принадлежит сразу двум сферам бытия: материальной, в которой возможно его научное познание, и духовной, в которой он оказывается аналогом ус-

кользающего от рационального понимания феномена – человеческой души. Метафоры, связанные с образом звука, придают многослойный характер романному повествованию, разворачивающемуся в двух измерениях – реальном, отмеченном конкретикой социально-исторического и бытового существования, и художественно отвлеченном, задающем созерцательный обобщающий модус восприятия происходящего.

Практикуемый Карнау редукционистский подход к действительности, состоящий в предельной сосредоточенности на аудиальном типе восприятия, оказывается оправданным в том смысле, что звук обладает уникальной способностью взаимодействия с иными физическими феноменами. Так, на протяжении всего повествования звукообразы вступают в корреляцию с цветообразами, чаще всего соотносимыми с временем суток – днем и ночью – и сопутствующими им светом и тьмой. Один из часто встречающихся в романе художественных приемов – синестезия, как например в следующем отрывке: «Ночная вахта, сна – ни в одном глазу, жду акустического рассвета. Из темноты, сначала очень слабо, выступает звуковая палитра, оттенки нечетки <...> И в этих потемках, в этой черноте нужно отыскать все краски и оттенки человеческого голоса...» [1, с. 168].

В первой главе эффект акустической какофонии из «тишины», «голоса», «эха», «приказов», «дождя», «слов», «крика», «оскорблений», «шёпота» позволяет ощущать – «трогать» и видеть – освещенное прожекторами пространство ночного стадиона, где проходит подготовка к параду. Возникает тесное взаимодействие аудиального, тактильного и зрительного каналов восприятия – явление, известное в психологии также под названием синестезия.

Сенсорная «визуализация» звука осуществляется посредством невидимых глазу акустических волн. Карнау удовлетворенно констатирует, что и глухонемые могут «приобщиться» к прослушиванию торжественной речи фюрера, хотя, как признаётся слуга режима, «глухонемых, разумеется, ... не поработить голосом» [1, с. 28–29]: «Но гигантская озвучивающая установка заставит их тела содрогаться: невозможно воздействовать на слух – не беда, уж мы до них доберёмся, до самых внутренностей... пусть высокие частоты ударят по мозгам, низкие – в живот. Туда, в черные глубины подчревной области...» [1, с. 12–13].

Утрированно физиологичный натуралистический образ звука в этом эпизоде принимает характер развернутой метафоры. Звук предстает карательным инструментом и средством пропагандистского воздействия, распространяющегося на всех без исключения членов общества и стирающего их индивидуальности: «Стадион трясется. Тело съезживается. Скорее даже не съезживается, а превращается в застывшую, спрессованную под давлением звука массу. Закрывать уши руками строжайше запрещено» [1, с. 13].

Акустический отчет Карнау о подготовке парада дополняет уже в пятой главе звуковая картина выступления перед народом Геббельса, увиденная или, точнее, услышанная его дочерью Хельгой. Примечательным образом рецепция героями сходных по сути пропагандистских массовых мероприятий совпадает. Только Хельга, будучи ребенком, лишена хладнокровия Карнау, его аналитической оценочной способности, реакции девочки в гораздо большей степени эмоциональны и спонтанны: «Толпа, надрывая горло, снова и снова кричит в ответ: “Да!” Пора бы этим воплям прекратиться, шум просто ужасный, еще чуть-чуть – и мои барабанные перепонки лопнут» [1, с. 173]; «Пол дрожит от топота ног, руки рассекают воздух... Папа, пожалуйста, заканчивай, скоро уже ни один человек не выдержит. Дыхание перехватило. Кровь стучит в висках» [1, с. 173] и т. п. Воинственный, агрессивный, разрушительный характер нацистской акустической модели, призванной физически и морально принизить отдельного человека, продемонстрировать его ничтожность и незначительность, отмечают и взрослый мужчина, и маленькая девочка.

В представлении процесса подготовки парада Карнау акцентирует характерную для нацистского сознания тягу к монументальности, захватывающую все бытийные сферы, в том числе и звуковую. Сильный голос, «идуший от оратора в небо», разносящийся «в темноте до самой галерки» [1, с. 8], намечает высокую – триумфально-богоподобную – позицию немецких фашистов, составляющую оппозицию низкому положению слушателей, остающихся на земле и подавленных акустической мощью пропагандистских речей: «После выступления оратор пожелает сойти к слушателям, и ничто не должно мешаться у него под ногами» [1, с. 10]. Категорична реакция акустика Карнау на девиантных молчащих субъектов, которые «не могут приветствовать фюрера ликующими криками – значит, их место сзади» [1, с. 12]. Итак, «звуковая иерархия» коррелирует с пространственной, при этом обе они встраиваются в социально-политический контекст господства-подавления.

Строки: «Оглушительный гром пробирает до костей. Потоки воздуха обрушиваются с неимоверной мощью» [1, с. 14], – переключают кадры массового ночного собрания из реалистического ре-

гистра в мифологический, как будто «мистерия» на стадионе режиссируется не людьми, а небожителями (типа древнегерманских Вотана или Донара), проявляющими свое могущество в виде первозданных природных стихий.

Описание технической аппаратуры также создает образ некой полумифической сферы, связанной с древними культами. «Акустика здесь необычная» [1, с. 8]; «Ещё один [микрофон. – А. В., М. С.] – для специальных частот» [1, с. 8]; «...Мистическое нечто, называемое душой, кроется именно в голосе» [1, с. 20–21]. Пассаж с «дополнительными микрофонами», расположенными «по кругу» для «надлежащего звучания» [1, с. 8], рождает ассоциации с ритуальным действием. Возникает мотив магической силы звука, его непостижимого господства над человеком: «А на поле замерла, точно во власти колдовства, жалкая кучка статистов» [1, с. 14].

Звук – «самое мимолётное явление», «самый разрушимый феномен» [1, с. 24], эфемерная субстанция, часто ускользающая от рационального познания, – предстает в романе мощным средством воздействия на темные глубины подсознания. Через обращение к акустической сфере в «Летучих собаках» воссоздаются механизмы нацистской пропаганды, паразитирующей на иррациональных началах человеческой природы, творящей мифологизированный образ мира.

Стратегия представления звукообразов в романе двойственна: их гиперболизация и метафоризация осуществляется параллельно попыткам строгой рационализации. Карнау, описывающий проверку шарфюрером аппаратуры для выступления, дает ей «профессиональную» оценку: «Как же он ревёт, как остервенело подражает фюреру, перегружая аппаратуру! И в первую очередь собственный голос.

Разве ему неизвестно, что после крика, после произнесенной громким голосом речи на связках образуются маленькие рубцы?» И далее: «Наши перегруженные связки помнят все наши эмоциональные вспышки, достаточно одной, чтобы до конца жизни голос остался меченым» [1, с. 13]. Комментарии Карнау о голосе как физической субстанции, оставляющей материальные следы, призваны создать видимость теоретической обоснованности и практической ценности его псевдонаучного проекта.

Трезвому рационалисту Карнау как будто не чуждо и поэтическое восприятие мира звуков. Руки глухонемых вызывают у него ассоциации с крыльями летучих собак, чей образ наделяется в романе Байера многослойным метафорическим значением. Через пару страниц после первого упоминания зверька, его образ вновь всплывает в потоке сознания главного героя, представляющего эпизод из далекого детства с преследуемой школьниками летучей мышью. Заведомо недостаточным кажется объяснение возникновения данного образа в романе лишь стремлением Карнау проникнуть в природу ультразвука, который якобы воспринимают летучие собаки. Поливалентный образ этих ночных животных включает в себе разные, иногда амбивалентные семантические составляющие, метафорически соотносимые с проблематикой насилия и сострадания, тьмы и света, звериного и гуманного начал в человеке и в истории.

Принцип метафоризации проявляет себя и в размышлениях героя над природой молчания: данная дисфункция характерна не только для глухонемых, как догадывается Карнау, но и для него самого: «Что там, у них внутри...? Их внутренний мир – доступен ли он нашему пониманию, или там на протяжении всей жизни царит пустота?» [1, с. 15]; «Я человек, о котором нечего сказать. Я ничего не слышу, сколько бы ни обращал свой слух внутрь, – только глухое эхо пустоты где-то внизу, кажется в животе...» [1, с. 15]. Если инвалиды не выбирали свою участь, то Карнау осознанно замыкается в молчании, оправдывая его своей аполитичностью, незнанием о происходящем, любовью к науке, занятию которой разрешены только при условии лояльного отношения к режиму. Молчание как акустическая пустота оборачивается в конечном счете духовно-нравственной пустотой.

Важно отметить, что, говоря о себе, Карнау называет собственное состояние не просто «пустотой», а «эхом пустоты». Эхо – репрезентация звука, а не сам звук в его первородной форме; это как бы акустическое отражение. Эхо обречено создавать «чужие» звуковые волны. Так и Карнау, приближенный Геббельса, входящий в его семью и оказавшийся в последние дни нацистского режима в бункере Гитлера, готов безвольно принять навязанную ему свыше роль молчаливого соглашателя, подавить в себе голос совести, «притупить» собственные чувства, то есть стать личностью с внутренним «эхом пустоты».

Образ «эха пустоты» применительно к Карнау проясняет его страсть к коллекционированию звуков: они помогают ему реализовать индивидуальный проект «собираения себя», то есть отчасти,

самопознания, а отчасти придания видимости смысловой наполненности своему пустому существованию. Как отмечает Г. В. Кучумова, стремление к осуществлению данного проекта характеризуется имеющейся у героя «моральной эксклюзией, то есть омертвлением чувств, неспособностью к получению “живого” знания, “живого” отклика от Другого» [4, с. 128].

Соприкосновение с «чистым» человеческим голосом, не замутненным примесью иных звуков, дарит герою чувство абсолютной власти: «Тут орган предельно обнажён, незащищён; и вибрирующая голосовая щель, и напряжённая работа языка – всё как на ладони» [1, с. 25]. Аналогия между голосом и душой, возникающая при проведении акустических экспериментов – садистских операций над заключёнными концлагерей, рождает в герое ощущение божественного всезнания и всеведения, вызывает в нем эйфорическое чувство овладения скрытым механизмом человеческого существования.

Герой восхищается пластинкой, сделанной из шеллака – «этого удивительного вещества», которое позволяет приобщиться к «тайне происхождения звука» [1, с. 23]. Звукозапись устанавливает право субъекта на жизнь, а шеллак соответственно служит «субстанцией, которая является признаком человеческой жизни, если на то пошло» [1, с. 24].

Карнау обесценивает человеческую личность, делая «голос» центром индивидуального существования, объектом для изучения, любви или ненависти: «Пластинки да голос – и образ человека складывается в воображении сам собой» [1, с. 25]; «Люди далеко не так интересны, как их многообещающие голоса» [1, с. 25]; «Исследователю нужен только источник, чистый источник звука, не человек, терзаемый муками, к которому следует поспешить на помощь» [1, с. 29]; «...от посягательств безобразных звуков оградит, пожалуй, лишь их собиранье» [1, с. 26]. Коллекционирование с применением технических приборов добавляет в портрет Карнау «многократную агрессию приобретательского отношения к миру» [4, с. 128]. Голоса и звуки, присвоенные и препарированные нацистским ученым, превращаются в подобие акустических трупов.

Однако, сводя многогранность человеческого существования к «законсервированному» на пленке голосу, главный герой и сам претерпевает личностную редукцию, выражающуюся в отказе от полноты бытия – в гипертрофированном развитии единственной способности, не содействующей приобщению к широкой реальности, а напротив – исключаящей героя из нее. Карнау становится, исходя из всего вышесказанного, неким гиперболизированным фонографом – «*homo faber*», человеком, что обладает «искусственным органом, расширяющим природный организм» [5, с. 157]. Самоотождествление Карнау с бесстрастным техническим предметом, механически фиксирующим звук, есть проявление, с одной стороны, стремления героя к абсолютной объективности, с другой – потребности снять с себя моральную ответственность за соучастие в фашистских преступлениях.

В общении с людьми Карнау также предпочитает удобную позицию «глухонемого», делая выбор в пользу коммуникативного и экзистенциального вакуума. Среди тех, кто способен наполнить этот вакуум своим присутствием, приятным для героя, – «образцовый пес» [1, с. 16] Коко. Карнау восхищается способностью собаки «в глубоком акустическом тылу... улавливать колебания воздуха за секунду до того, как слетает с уст первое слово» [1, с. 16], постоянно проявляет симпатию к своему питомцу, увлеченно рассказывает о нем детям четы Гиббелсы.

Другое дело – люди, неприязнь героя к которым запечатлена в отборе записываемых им натуралистических звуков, производимых человеческим организмом. За описанием разумного и послушного пса в первой главе следует короткое «Отрыжка», в котором для Карнау воплощена низменная животная сущность человека. Само упоминание этого физиологического звука сигнализирует о мизантропическом настрое рассказчика. В категорию «душераздирающих звуков» вписываются «сбивчивая речь» дамочки в магазине электротоваров – её «гортанный голос», который «вздрагивает, даёт петуха, срывается»; «жуткий голос», который «разъедает каждую клеточку организма»; «звуки, которые колотят по вискам и заставляют по швам трещать череп» [1, с. 21–22] и т. п. Встречающиеся акустике неприятные звуки приводят его к фашистскому по своей бесчеловечности решению – стирать голоса «этих тварей» [1, с. 21–22], что подразумевает как минимум – лишать их голоса, а как максимум – убивать. Эпизод с женщиной в салоне вызывает в герое потребность – «Стереть. Всё стереть» [1, с. 22]. Антигуманную сущность природы Карнау разоблачает его собственное признание в «нестерпимом желании придушить на месте того, кто так отвратительно пыхтит [во время курения. – А. В., М. С.]» [1, с. 27].

Как будто спохватившись и пожалев о своей невоздержанности в выражении скрытых преступных порывов, Карнау вслед за этим делает жалкие попытки оправдаться, но лишь обнаруживает в себе труса: «...Я неизменно пасую» [1, с. 28]. Психологически достоверно в романе воссоздана история постепенного перерождения одинокого и замкнутого, робкого и обходительного молодого чело-

века в участника садистских экспериментов над заключенными концлагерей, проводимых якобы в научных целях изучения человеческого голоса.

Примечательно, что в начале повествования Карнау едва ли можно отнести к немецким обывателям, бездумно принявшим нацизм. В описании ночного парада герой предстает едва ли не критиком режима. В конце первой главы акустик, еще не перешедший окончательный на конформистские позиции, с тревогой спрашивает сам себя и отвечает: «Неужели всем нам грозит рано или поздно опуститься до казарменного тона? Соблазн очень велик, и перед ним вряд ли кто в силах устоять» [1, с. 28]. Перед соблазном не устоит и сам Карнау – человек, понявший звериную сущность фашистского режима, но вступивший с ним сделку. Тем тяжелее его вина, лежащая на него как интеллектуала и ученого, призванного нести ответственность за судьбы мира.

Сам Карнау исключает себя из грубой и вульгарной «простой биомассы» [6], как если бы его природа была отлична от общечеловеческой и он не привносил в звуковой мир отвратительное, ужасное и разрушительное. Замалчивание Карнау особенностей акустического автопортрета, а также нежелание говорить о своем «ничем не примечательном» [1, с. 17] прошлом таят боязнь саморазоблачения и желание героя обезопасить себя от возможной критики и осуждения.

Роман, начинающийся со слова «голос», заканчивается парным для него словом «тишина», точнее «мертвая тишина» [1, с. 303] («absolute Stille» [2, S. 157]), причем употребленном уже отнюдь не в метафорическом смысле. Молчание, которое герой-соглашатель возвел в принцип своего существования в фашистской Германии, оборачивается молчанием смерти: между строк прочитывается предположение об убийстве детей Геббельса, совершенном Карнау.

При этом собранные акустиком голоса палачей и жертв нацизма становятся говорящими сами за себя – опять же в прямом, а не метафорическом смысле – уликами, которые выдают главного героя, претерпевшего типичную для многих немцев метаморфозу – превратившегося из молчальника, внутренне не принимающего политики германского государства, в его попутчика и, наконец, в фашистского преступника. Парадоксальным образом работающий на гитлеровский режим Карнау – его документалист и архивист – невольно становится и его главным разоблачителем.

Образ подвала, в котором следователи обнаруживают звуковой архив, может трактоваться в метафорическом ключе – как ассоциирующийся с темными глубинами коллективного бессознательного, способного скрывать страшную правду о нацистском прошлом. И когда Карнау обреченно констатирует: «Нет, ни у кого нет охоты слушать голоса прошлого» [1, с. 235], – он имеет в виду упорное стремление своих соотечественников спрятать в подвале памяти нацистские преступления против человечества и человечности. А следующее важное замечание героя о том, что «у голоса нет прошлого» [1, с. 236], метафорически заключает в себе идею вечного настоящего для неискупленной вины, которую можно вытеснить в сферу коллективного бессознательного, но нельзя окончательно стереть. Не случайно, что и повествование Карнау и Хельги ведется в настоящем времени, уничтожающем дистанцию между событиями Второй мировой войны и сегодняшним днем. О том, что преступное прошлое не изжило себя, еще более ярко свидетельствуют обнаруженные рядом с акустическим архивом студия звукозаписей и операционная, в которой, судя по оставленным в ней предметам, проводились опыты над людьми, подобные тем, что имели место в гитлеровской Германии.

Итак, метафорический, обобщенно-отвлеченный, план повествования в «Летучих собаках» тесно взаимодействует с реалистическим, конкретно-историческим и повседневно-бытовым. Все повествование строится на сложных, часто едва уловимых взаимопереходах прямых и переносных значений. Если главный герой занят поисками акустической первоосновы материальной действительности, то автор осуществляет нечто подобное в области художественного творения: он выстраивает свою концепцию через обращение к эстетическому первоэлементу – метафоре звука. Образы из акустической художественной концептосферы перерастают свое физическое существование, переключаясь в метафорический регистр. Произведение М. Байера в целом прочитывается как роман-метафора, актуализирующий в очередной раз в немецкой литературе, но при этом в новаторском ключе проблематику социально-политического и морально-нравственного выбора личности в условиях тоталитарного режима, индивидуальной и коллективной вины и покаяния, сохранения исторической памяти.

Библиографический список

1. Байер М. Летучие собаки : роман. Пер. с нем. А. Кацура. СПб. : Амфора, 2004. 303 с.
2. Beyer M. Flughunde. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995. 158 S.

3. Пестерев В. А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2021. 336 с.

4. Кучумова Г. В. Стратегия коллекционирования в романе М. Байера «Летучие собаки» / Г. В. Кучумова // Немецкоязычный роман 1980–2000 гг.: курс на демифологизацию : монография. Самара : Самар. гуманитар. акад., 2009. С. 122–133.

5. Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память. Минск: Харвест, 1999. 1408 с.

6. Kleinbans B. HumAnimal Voices in Marcel Beyer's *Flughunde* (1995) // Texas Tech University Presentation at CAUTG conference at Ryerson University (Toronto, May 28). 2017. Электронный ресурс. URL: https://www.researchgate.net/publication/322698848_HumAnimal_Voices_in_Marcel_Beyer's_Flughunde_1995 (Дата обращения: 04.02.2023).

References

1. Beyer M. *Flying Dogs: a novel*. Translated from German by A. Katsura. St. Petersburg : Amphora, 2004. 303 p.

2. Beyer M. *Flughunde*. Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995. 158 p.

3. Pesterev V.A. *Modifications of the novel form in the prose of the West of the second half of the XX century*. Volgograd: VolGU Publishing House, 2021. 336 p.

4. Kuchumova G. V. *Collecting strategy in M. Bayer's novel "Flying Dogs" / G. V. Kuchumova // The German-language novel 1980–2000: direction for demythologization : a monograph*. Samara : Samar. humanitarian. akad., 2009. pp. 122–133.

5. Bergson A. *Creative evolution. Matter and memory*. Minsk: Harvest, 1999. 1408 p.

6. Kleinbans B. *Human voices in Marcel Beyer's Flugund (1995) // Presentation of Texas Tech University at the CAUTG Conference at Ryerson University (Toronto, May 28). 2017. Electronic source*. URL: https://www.researchgate.net/publication/322698848_HumAnimal_Voices_in_Marcel_Beyer_'s_Flughunde_1995 (Accessed: 02/04/2023).

УДК 82-1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.14.12.011

Южно-Уральский государственный университет
доцент кафедры русского языка и литературы,
кандидат филологических наук
Смышляев Е. А.
Россия, Челябинск,
smyshliaeva@susu.ru

South Ural State University
PhD (Philology)
Associate Professor of the Department of Russian
Language and Literature
Smyshlyaev E. A.
Russia, Chelyabinsk
smyshliaeva@susu.ru

студент 2 курса магистратуры
Шолохов М. А.
Россия, Челябинск
mat-74@mail.ru

2nd year Master Student
Sholokhov M. A.
Russia, Chelyabinsk
mat-74@mail.ru

Е.А. Смышляев, М.А. Шолохов

МИФОЛОГИЗАЦИЯ КАК ВЕКТОР АВТОРСКОЙ СТРАТЕГИИ В ПОЭЗИИ В. О. КАЛЬПИДИ*

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-20162)

В статье исследуется мифологизация как вектор авторской стратегии уральского поэта Виталия Олеговича Кальпиди. Целью данной статьи является исследование мифологизации В. О. Кальпиди. Достижению поставленной цели в рамках данной статьи способствовал анализ поэтических текстов автора, посвященных уральским локусам (преимущественно Перми и Челябинску), выявление в них приемов мифологизации пространства. Методологически исследование опирается на комплексный подход, основанный на исследованиях теории мифа, локального мифа, а также исследованиях семиотики географического пространства. В данной статье В. О. Кальпиди рассматривается как новатор не только в уральской поэзии, но и в литературном процессе России 80-90х годов 20 века. В статье раскрываются особенности отношений между деятелями искусства и региональными территориями в советский и постсоветский период. На примере пермского и челябинского периодов творчества рассматриваются инструменты концептуализации пространства Виталием Кальпиди. На основании творчества поэта и с учетом мнений других исследователей проводится уникальное изучение инструментов мифологизации пространства (образы и символы, мифологемы, ритуально-церемониальные и мистико-экстатические мотивы), выявляются тенденции и структурные особенности, принципы новаторства в использовании мифологем и мифологических сюжетов. На поэтическом материале также изучаются аспекты работы В. О. Кальпиди со своей поэзией как с локальным текстом региональной литературы, прослеживаются тенденции отказа от моноцентризма и формирования нового отношения к территориальным перифериям. В статье также рассматривается биографический миф о Виталии Кальпиди, его образ, созданный в культурной среде современниками автора, его коллегами по цеху.

Ключевые слова: Виталий Кальпиди, мифопоэтика, мифология, миф, художественное пространство, региональная литература, локальный текст, персонификация фигуры автора.

E.A. Smyshlyaev, M.A. Sholokhov

MYTHOLOGIZATION AS A VECTOR OF AUTHOR'S STRATEGY IN POETRY BY V. O. KALPIDI*

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Chelyabinsk Region within the scientific project No. 22-28-20162

The article examines the myth-making strategy of the Ural poet Vitaly Olegovich Kalpidi. The purpose of this article is to study the mythologization of V. O. Kalpidi. The achievement of this goal within the framework of this arti-

cle was facilitated by the analysis of the author's poetic texts devoted to the Ural loci (mainly Perm and Chelyabinsk), the identification of techniques for mythologizing space in them. Methodologically, the research is based on an integrated approach based on studies of the theory of myth, local myth, as well as studies of the semiotics of geographical space. The author is considered as an innovator not only in the Ural poetry, but also in the literary process of the regions of the 80-90s of the 20th century. Vitaly Kalpidi examines the tools for conceptualizing space. On the basis of the poet's work and taking into account the opinions of other researchers, a unique study of traditional mythological tools (images and symbols, mythologemes, ritual-ceremonial and mystical-ecstatic motifs) as a form for creating a myth of space is carried out, trends and structural features, principles of innovation in the use of mythologemes are revealed. Aspects of the work of V. O. Kalpidi with his poetry as a local text of new regional literature are also considered, tendencies of rejection of monocentrism and the formation of a new attitude towards territorial peripheries are traced. However, the article also touches the myth about Vitaly Kalpidi himself, his image created in the cultural environment among other Ural poets, is considered.

Key words: Vitaly Kalpidi, mythopoetics, mythology, myth, artistic space, regional literature, local text, actualization of the author.

Мифологизация – понятие, зачастую ассоциируемое с эпохой Древнего мира, не исчезло и в наши дни. В настоящее время в современной литературе и культуре формируется новая мифология: «миф, являясь неотъемлемой частью культуры, продолжает существовать и развиваться в современном мире, принимая новые формы» – отмечает исследователь П. Н. Барышников [1, с. 182]. В прошлое ушел мифологический тип сознания, связанный со способом осмысления неизведанного окружающего мира древним человеком, однако определенные аспекты мифа трансформировались. «В самом общем виде миф определяется как сокращённое и упрощённое отображение всей суммы представлений о мире внутри данной традиции, взятых в их системном и операционном аспектах», – такое определение мифа дает В. Н. Топоров [2, с. 161]. Миф в литературе становится одним из инструментов воплощения авторского взгляда на реальность, концептуализации окружающего мира, времени и пространства [3, с. 25]. В региональной литературе миф также не перестает быть способом восприятия мира, однако здесь особую роль занимает категория места. Миф становится способом отражения в пространственных образах, в локальных текстах отношения автора к месту не просто как к локации, а как к определенной реальности, окружающей его. Некоторые поэты конструируют мифологию пространства, обращаясь к традиционным ее аспектам: ритуально-церемониальным и мистико-экстатическими мотивам.

Такого принципа придерживается Виталий Олегович Кальпиди, один из первых концептуализировавший пространство Урала. Поэт обращается к классическим мифологемам, модернизируя их, вкладывая современные смыслы. Кроме того, В. Кальпиди создает образ автора как культурного героя, творческого демиурга – таким образом, включая себя в архетипический контекст. Также активно занимается культуртрегерской и организаторской деятельностью в сфере уральской литературы. Можно утверждать, что мифотворчество Виталия Кальпиди отражает его видение мира, захватывает как поэтическую, так и культурно-просветительскую деятельность: «Миф – это сверхреальность. Стихи – сверхречь. Поэзия – выражение мифа стихами, т.е. сверхреальности сверхречью» [4, с. 11]

Поэт в своих художественных текстах постоянно трансформирует классические мифологические образы и архетипы, встраивает их в локальный текст уральских городов, становится творцом новой мифологии. Подобного рода «ремифологизация» в литературе и культуре может быть обозначена термином Е. М. Метлинского – неомифологизм [5, с. 215], под которым исследователь понимает трансформацию классических мифов в изменившемся времени и пространстве.

Исследователь современной уральской поэзии, автор монографии «Пермь как текст» Владимир Васильевич Абашев отмечает, что авторы XIX века способствовали созданию образа России, связанного с бескрайними просторами [6, с. 144]. Поэт Велимир Хлебников, размышляя о национальной эстетике, говорил, что образ русской равнины однобокий. Поэт делал акцент на малых народах, которые большая культура обошла стороной. Однако Хлебников не просто хотел привлечь внимание на жизнь малых народов, главным для него было показать многообразие локальных пространств, находящихся за пределами сформированного литературой стереотипа: «из отдельных мест ею (поэзией – прим. автор) воспет Кавказ, но не Урал и Сибирь с Амуром» [7, с. 593].

Именно тогда, в начале XX века, отмечает В. Абашев, возникает волна писателей из провинций, работающих с региональной тематикой. Однако продлилось это недолго, в советский период региональное мышление угасло, активно формировалось общесоветское восприятие пространства: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз» (В. Харитонов). Уральский регион воспринимался в промышленном ключе: «Урал – опорный край державы». Исследователь Е. В. Ми-

люкова, изучавшая самодеятельную челябинскую поэзию советского периода, отмечает, что город был представлен советскими идеологическими штампами, на первое место выходили заводы [8, с. 156]. То же самое прослеживается в поэзии пермской, об этом говорит В. В. Абашев в исследовании «Пермь как текст»: «Автоописание Перми выстраивалось в универсальных терминах милитаристски-индустриального и державного дискурса с утопической доминантой» [9, с. 104].

Изменения в общественно-политической жизни страны, слом всех идеологических устоев в 80-90-е годы диктует трансформации и в среде культуры и искусства. «Мифологема провинции возникает как реакция на очевидный моноцентризм общественной и культурной жизни в России», – утверждает Д. М. Давыдов [10, с. 44]. В. В. Абашев отмечает, что с распадом СССР внимание к региональной идентичности становится причиной того, что литературный текст превращается в источник территориального самосознания: «Локальный текст вступил в фазу своего самосознания и самоконструирования» [11, с. 90].

Идея противостояния «малой родины» моноцентризму близка Виталию Олеговичу Кальпиди: «Москва для провинциала – это формула бегства. Бегство – это эстетика страха. Не больше и не меньше. Убегая с того места, где ты родился, можно изменить только автобиографию. А вот твердая почва судьбы в этот момент исчезает из-под твоих ног <...> Создание провинциальной литературной схемы не есть конкуренция с Москвой... Но провинциальная литературная схема – это жест свободы» [12, с. 167].

В. О. Кальпиди становится новатором в своем подходе к конструированию регионального мифа в своем творчестве. М. П. Абашева и А. А. Селиванова утверждают, что Кальпиди «принимает решение сделать территорию Урала, понимаемую как культурную периферию, поэтическим ценностным центром» [13, с. 17]. Значимость мифотворческой деятельности поэта отмечает В. В. Абашев: «В своей общественно-литературной деятельности Кальпиди создает локальный литературный контекст. И создает прецедент новой модели творческого поведения в условиях неоднородного культурного пространства России. Одним словом, он творит локальный поэтический миф» [9, с. 356].

Мифологизация пространства становится неразрывно связанна с автобиографическим мифом Виталия Кальпиди. Поэт актуализирует фигуру автора, становится единым с лирическим героем, включается в мифологию текста, где выступает в качестве культурного героя, организующего хаос окружающего пространства, выступающего в роли демиурга. В ключе «героической» модели поведения автор противопоставляет себя пространственному моноцентризму, утверждает: «Центр там, где я» [14, с. 345]. Открывая новый взгляд на региональный топос, поэт обращается к традиционной мифологической эстетике: символам, героическим образам, аллюзиям на реальные мифологические произведения. Евгений Александрович Смышляев в своей статье «Мифологизация пространства Челябинска в поэзии В.О. Кальпиди» выделяет две особенности творчества В. Кальпиди: «травестирование классических форм и сюжетов мифа», а также «конструирование новой реальности из первоэлементов мифологического языка» [15, с. 239]. Поэт, формируя локальный региональный текст, конструирует образную систему, где настоящее раскрывается через символику мифического, а обыденные вещи облачаются в форму ритуального и мистического.

Как уже было отмечено выше, тенденция к пересмотру региональной идентичности сформировалась в 1980-е годы. В это время из «подполья» [15, с. 237] выходят уральские поэты, в том числе и исследуемый нами Виталий Олегович Кальпиди. Творчество поэта периода 1982-1993 годов объединяются в «пермский цикл». В книгах «Пласты» (1990), «Аутсайдеры-2» (1990), «Аллергия» (рукопись, 1992), «Стихотворения» (1993) на первый план выходит образ города Перми, формируется сознание лирического героя, а также происходит становление поэтического языка В. О. Кальпиди.

Поэт обращается к советским клише, идеологическим штампам, переименовывая их и переворачивая, обличает милитаризованную и индустриализованную внешность города: «Город с военными кличками улиц и улиц матросовых и кошевых // город-мужчина, двусмысленно названный: «наша красавица Пермь». В. Кальпиди вступает в полемику с советским идеологическим мифом о Перми, конструктором которого был Владимир Радкевич. Поэт в стихотворении «Памяти Владимира Радкевича» прямо высказывает свое отношение к социалистической мифологии: «То место, где страх проживал, не заселишь любовью». Здесь же выходят на первый план особенности мифопоэтики самого Кальпиди, возникает образ кентавра: «Кентавры не кони – их не остановят поводыря». Поэт, обрисовывая советскую действительность, скрытую за идеологией, обращается к античным героям. В. В. Абашев отмечает, что В. Кальпиди придерживается подхода аккуратного встраивания исконно

мифических образов в свою поэзию [11, с. 94]. Пространство и герои автора не становятся пространством и героями античными, Кальпиди не прибегает к сравнениям и сопоставлениям. «Отказываясь от готовых форм мифа, Кальпиди схватывает и усваивает сами формы мифологического мышления, семантические первоэлементы мифологического языка, конструируя из них свою реальность, проговаривая ее на маргинальном языке городской улицы», – отмечает В. В. Абашев [11, с. 94]. Можно говорить о том, что В. О. Кальпиди, обращаясь к традиционным мифологемам и архетипам, формирует неомифологию, со своими символами, образами, ритуально-церемониальными комплексами и мотивами. Образы уральских городов формируются через трансформацию хтонической мифологии (образы тьмы, пустоты, загробного мира и пр.). Отсюда одной из форм существования Перми становится темнота. Она часто возникает в стихах поэта, становится атрибутом города, гиперболизируется, превращается в символ, обличающий внутренне состояние Перми: «Пермь, у ореха внутри тоже кривляется ночь. // Сколько ж орехов сломать, чтобы с твоею сравниться?» Уже в этом прослеживается существование лирического героя Кальпиди в мистической реальности: даже ночь тут – материальное, одушевленное, а темнота – то, что практически можно потрогать. Пермь – это пространство странствий, в которых находится герой. «Пермь – новый и художественно оригинальный вариант реализации одного из древних вариантов пространства иного, потустороннего мира, в который вступает герой и претерпевает в нем смертельные испытания», – характеризует эту художественную реальность В. В. Абашев [11, с. 100]. Город у Кальпиди существует неразрывно с мотивами оборотничества, персонифицируется с фантазмагорическими монстрами: «семипозвоночнорастущепрямогигансткое тело», «красная змея», «античная стерва ... внутри у нее закипают кровь дракона и тролльши». Причем встреча героя с городом становится противостоянием (вспоминаем о «героической» модели поведения), в стихотворении «Взгляд» противостояние предстает как античный поединок взгляда героя со взглядом чудовища (Василиска или Медузы Горгоны), которым в произведении становится город. Одна из идей Кальпиди в пермском цикле – победа героя в поединке: «Да, это я из тебя страшную вырвал страницу». Здесь же возникает и другая идея. Город становится не просто мифическим чудовищем, а символом преодоления страхов, созданных сознанием человека.

Уже в стихах «пермского цикла» В. О. Кальпиди возникает образ Челябинска, концентрирующий ностальгические чувства. Он – символ детства, образ «потерянного рая»: «Уверен, что детство в Челябине мое не исчезло, а просто свернулось под взглядом изнанки бинокля». Итак, Виталий Кальпиди в 90-е возвращается в Челябинск, в 1999 году издает книгу стихотворений «Запахи стыда», где уже активно концептуализирует и мифологизирует челябинское пространство.

Е. А. Смышляев в исследовании «Мифологизация пространства Челябинска в поэзии В. О. Кальпиди» отмечает: «Неомифологизм становится главным инструментом упорядочивания художественного пространства книги и проявляется в творческом заимствовании древних мифологических мотивов, сюжетов и образов» [15, с. 239]. Причем Кальпиди сам вскрывает свои же заимствования: «слепой фрагмент, что за уши слегка // притянут мной из мифа Полифема». В этот период продолжается развитие и персонификация образа автора в произведениях. Он также остается мифическим демидургом, находящимся над художественным миром, но в то же время и включается в происходящее в лирическом сюжете. В тексте «Вампиры позорной Челябины» мифологические образы концентрируются наиболее плотно, становятся основным инструментом концептуализации пространства. Здесь же отражается двойственность авторского положения, выражающееся во взаимодействии с самими вампирами. С одной стороны, лирический герой видит их «сверху»: «Я знаю кое-что про них...», с другой же, автор сам вписывается в художественное пространство и сопровождает своих героев: «На краю // Челябины, в 23.15, // они стоят, и я стою». В этой двойственности выражается не какое-то разделение, а наоборот – единение автора-творца и автора-героя (который, напомним, часто появлялся в поэзии Виталия Кальпиди). Е. А. Смышляев называет это единение «творческим ритуалом», а результатом его – «транс», в котором поэт расширяет свое видение внутри стихотворения, открывает новый взгляд на реальность [15, с. 240]. В целом, в «Вампирах позорной Челябины» на первый план выходит ритуально-церемониальный комплекс, сочетающийся с мистико-экстатическими символами и метафорами. Причем, как уже было отмечено выше, В. Кальпиди не просто создает отсылки к мифам или осовременивает сюжет, он конструирует на основе базовых особенностей традиционной мифологии свою реальность. В этом ключе работает и центральный образ рассматриваемого нами стихотворения – вампиры. Поэт не заимствует классическую мифологему, связанную с негативной коннотацией (монстр, кровососущее существо), он опирается на некоторые черты традиционного образа, но деконструирует его. Герой-автор следует за вампирами, это связано с тем, что они – аллюзия на образ поэта. Вампиры становятся силой, которая упорядочивает хаос топоса «Челябы», производят космо-

гонический ритуал (мифологический сюжет формирования космоса из хаоса). Причем этот ритуал также включает в себя символизм: они «копают яму», которая превращается в «земляную глотку» Челябины. Символика земли как образа, отражающего топос не просто как локацию, а как концептуализированное пространство, в сочетании с образом горла и голоса формируют метафору поэзии. То есть вампиры стремятся дать Челябине свой собственный голос, как следствие – создать смысл, упорядочить хаос при помощи слова (это также мифологическая концепция: «В начале было слово»). В целом, челябинские сюжеты В. О. Кальпиди наполняются традиционными мифологическими элементами с негативной окраской: хтоническими, языческими, инфернальными и эсхатологическими мотивами и образами. Это связано с представлением поэта о Челябинске как о пространстве с «отрицательной энергетикой». В этом ключе город становится «кривдой подземельной», на уровне мифа ассоциируется с подземным миром. Часто сопровождают городское пространство образы насекомых, хтонический тварей («и муравей военнопленный, // и жук, серый изувер»). Возникает и архетипический образ старухи-смерти, который здесь переворачивает пространство на контрасте с окружением: «Старухи в драповых пальто // пересекают детский парк». Но особое место в стихах В. Кальпиди занимает образ ангела. Как и все мифологемы, эту поэт осмысляет по-своему наделяет ее метафизическими и фантазмагоричными формами: «Это красный, алый, золотой – // жидкий Ангел тусторонней вьюги». Эти персонажи художественного мира Кальпиди – сверхсущности, посланники, при этом помещенные автором в реальность Челябинска, вписанные в маргинальное пространство: «ангел пожилой, // с лицом вокзального бомжа». Пространство города становится также двойственным и пограничным, совмещает в себе ангельское и маргинальное. Это пограничный топос, который поэт старается систематизировать, концептуализировать – превратить «хаос» в «космос». Об этом говорит В. В. Абашев: «Потребность жить не в случайном и хаотическом, а осмысленном и символически организованном пространстве, следуя Элиаде, можно признать одним из древнейших побуждений человека. С этой точки зрения понятен, к примеру, смысл упорно живущей традиции посвящения стихов и песен – родному городу, краю или даже заводу. Подобная практика пусть в сильно трансформированном виде, но все-таки сохраняет отголоски древних ритуалов по освящению места» [9, с. 33]. В этом, в первую очередь, отражается «героическая» идея лирического героя В. О. Кальпиди. Он – демиург, стремящийся победить монстра пространства Перми, хаос пространства Челябинска. Герой, «осознавший свою призванность, принявшего вызов и разыгрывающего драму судьбы на апокалиптически подсвеченных площадках уральских городов: “косоносой Перми”, “протокольного Свердловска” и “города Ч.”» [9, с. 230].

Создавая образы Перми, Челябинская, Уральского региона, Кальпиди формирует уникальную и новаторскую эстетику – создает миф о территориях, который до этого терялся на фоне литературных центров. Причем это работает не только на образ места, но и на образ самого автора, синергия его творчества и культурно-просветительской, организаторской деятельности создает миф о самом Кальпиди. С поэтом возникают определенные ассоциации, он становится символом уральской поэзии.

В. В. Абашев, говоря о месте Кальпиди в уральском поэтическом фольклоре, отмечает: «Со стихами Кальпиди город обрел свою собственную речь, о себе и заговорил. В этом смысле Кальпиди действительно научил поэтов говорить о Перми. В мировой типологии сюжетов обучение языку – это миссия культурного героя, что и зафиксировал немедленно уральский поэтический фольклор, персонажем которого давно стал сам Виталий Кальпиди» [11, с. 121].

В челябинский период поэт организует Уральскую поэтическую школу (сейчас – Уральское поэтическое движение), которая также становится очередной мифотворческой структурой, создающий миф об уральской литературе. П. Бударье называл такие объединения «орудием, способствующим аккумуляции и концентрации символического капитала, для чего принимаются наименования, пишутся манифесты, устанавливаются ритуалы» [16, с. 451]. То есть УПД становится целенаправленно создаваемой мифологической системой, включающей ритуально-церемониальный комплекс: четыре тома антологии, организация «Галереи уральской литературы» [17, с. 121].

Виталий Кальпиди закрепился как мифологический образ в литературе других уральских авторов, причем этот образ соответствует концепции культурного героя и демиурга, поэты возводят Кальпиди на божественный уровень: «...как говорил Кальпиди в день творенья» (Дмитрий Бавильский), «Слеза Виталия Кальпиди // в России больше, чем в глазах» (Роман Тягунов) [14].

Образ Виталия Олеговича Кальпиди эффективно мифологизирован в нужном автору ключе: биографический миф автора (миф об авторе, творимый его современниками) практически полностью

соответствует его автобиографическому мифу (миф автора о себе самом). Он предстает творцом новой реальности уральского региона, но не просто творцом-поэтом, а настоящим демиургом, культурным героем, создавшим концептуальное пространство Уральского поэтического движения из «хаоса» региональной литературы советской эпохи. Важно, что, начиная с конструирования автобиографического мифа, персонификации фигуры автора в поэтических текстах в качестве мифологического культурного героя, В. О. Кальпиди переходит к идее мифологизации пространства. Виталий Кальпиди в своих произведениях «дает голос», создает мифологический образ сначала Перми, а позже и Челябинска.

Библиографический список

1. Барышников П.Н. Мифология современности // Вестник Российского университета дружбы народов. 2006. № 1. С. 182-189.
2. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. 624 с.
3. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе. М.: РГГУ, 2000. 168 с.
4. Кальпиди В.О. Мерцание: стихи с автокомментариями. 1995.
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 407 с.
6. Абашев В.В. Литература и география. Урал в геопозитике России // Вестник Пермского университета. 2012. № 2. С. 143-151.
7. Хлебников В. Творения. М. : Советский писатель, 1987. 736 с.
8. Милюкова Е.В. Около железа и огня: картина мира в текстах самодеятельной поэзии Южного Урала. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nnre.ru/kulturologija/georpanorama_russkoi_kultury_provincija_i_ee_lokalnye_teksty/p3.php#metkadoc29 (дата обращения 31.10.2022).
9. Абашев В.В. Пермь как текст. Пермь: Изд-во Пермского университета, 2000. 404 с.
10. Давыдов Д.М. Стратегии подмены и мифологизации (Парадоксы литературной регионалистики в свете дихотомии «Центр vs. Периферия») // Серая лошадь. «Владивосток – Москва»: дайджест региональной поэзии. 2001. № 4. С. 144-150.
11. Абашев В.В. Пермский миф в поэзии Виталия Кальпиди // Русская литература Урала. Проблемы геопозитики. 2012. С. 90-122.
12. Кальпиди В.О. Провинция как феномен культурного сепаратизма (лирическая реплика) // Уральская новь. 2000. № 6. С. 166-175.
13. Абашева М.П. Репутация-власть-капитал: стратегии институализации литературного сообщества (об уральской поэтической школе) // Прагматика поэтики: стратегии продвижения регионального текста. Пермь: ПГГП, 2014. С. 14-26.
14. Антология современной уральской поэзии: в 3 т / Под ред. В. О. Кальпиди. Челябинск: Фонд ГАЛЕРЕЯ, 1996. 211 с.
15. Смышляев Е.А. Мифологизация пространства Челябинска в поэзии В.О. Кальпиди // Новый филологический вестник. 2018. № 2. С. 236-246.
16. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, 2005. 576 с.
17. Смышляев Е.А. Миф о Виталии Кальпиди в современной уральской поэзии. "Вакансия поэта" в русской и зарубежной литературе рубежа XX-XXI веков // Материалы Международной научной конференции, Воронеж, 22–23 ноября 2019 года / Под редакцией А.А. Житенева. Воронеж: АО «Воронежская областная типография», 2019. С. 117-128.
18. Абашев, В.В. Русская литература Урала. Проблемы геопозитики. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2012. 140 с.
19. Князева Е.А. Метареалистический хронотоп в поэзии В. Кальпиди / Е. А. Князева. Дергачевские чтения – 98. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 14-16 октября 1998 г. Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 1998. С. 142-144.
20. Ратке И. Насекомые и ангелы Кальпиди // Prosōdia. 2017. № 6. С. 15-19.

References

1. Baryshnikov P.N. The mythology of modernity // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. 2006. No. 1. pp. 182-189. (In Russ.).

2. Toporov V. N. *Myth. The ritual. Symbol. Image: Research in the field of mythopoetic*. Moscow : Progress Publishing Group, 1995. 624 p. (In Russ.).
3. Meletinsky E.M. *From myth to literature*. M.: RSUH, 2000. 168 p. (In Russ.).
4. Kalpidi V.O. *Twinkling: poems with auto-commentaries*. 1995. (In Russ.).
5. Meletinsky E.M. *The poetics of myth*. M. : Publishing company "Oriental Literature" RAS, 2000. 407 p. (In Russ.).
6. Abashev V.V. *Literature and geography. Ural in geopoetics of Russia* // *Bulletin of Perm University*. 2012. No. 2. pp. 143-151. (In Russ.).
7. Khlebnikov V. *Creations*. M. : Soviet writer, 1987. 736 p. (In Russ.).
8. Milyukova E.V. *About iron and fire: a picture of the world in the texts of amateur poetry of the Southern Urals*. [electronic resource]. URL: http://www.nnre.ru/kulturologija/geopanorama_russkoi_kultury_provincija_i_ee_lokalnye_teksty/p3.php#metkadoc29 (accessed 31.10.2022). (In Russ.).
9. Abashev V.V. *Perm as a text*. Perm: Publishing House of Perm University, 2000. 404 p. (In Russ.).
10. Davydov D.M. *Strategies of substitution and mythologization (Paradoxes of literary regionalism in the light of the dichotomy "Center vs. Periphery")* // *Gray horse. Vladivostok – Moscow: Digest of regional poetry*. 2001. No. 4. pp. 144-150. (In Russ.).
11. Abashev V.V. *Perm myth in the poetry of Vitaly Kalpidi* // *Russian literature of the Urals. Problems of geopoetics*. 2012. pp. 90-122. (In Russ.).
12. Kalpidi V.O. *Province as a phenomenon of cultural separatism (lyrical replica)* // *Uralskaya nov*. 2000. No. 6. pp. 166-175. (In Russ.).
13. Abasheva M.P. *Reputation-power-capital: strategies for the institutionalization of the literary community (about the Ural poetic school)* // *Pragmatics of poetics: strategies for promoting a regional text*. Perm: PGGP, 2014. pp. 14-26. (In Russ.).
14. *Anthology of modern Ural poetry: in 3 volumes* / Edited by V. O. Kalpidi. Chelyabinsk: GALLERY Foundation, 1996. 211 p. (In Russ.).
15. Smyshlyaev E.A. *Mythologization of Chelyabinsk space in V.O. Kalpidi's poetry* // *Novy philologicheskij vestnik*. 2018. No. 2. pp. 236-246. (In Russ.).
16. Bourdieu P. *Social space: fields and practices*. M.: Institute of Experimental Sociology, 2005. 576 p. (In Russ.).
17. Smyshlyaev E.A. *The myth of Vitaly Kalpidi in modern Ural poetry. "Poet's vacancy" in Russian and foreign literature of the turn of the XX-XXI centuries* // *Materials of the International Scientific Conference, Voronezh, November 22-23, 2019* / Edited by A.A. Zhitenev. Voronezh: JSC "Voronezh Regional Printing House", 2019. pp. 117-128. (In Russ.).
18. Abashev, V.V. *Russian Literature of the Urals. Problems of geopoetics*. Perm : Perm State National Research University, 2012. 140 p. (In Russ.).
19. Knyazeva E.A. *Metarealistic chronotope in the poetry of V. Kalpidi* / E. A. Knyazeva. *Dergachevsky readings – 98. Russian Literature: National development and regional features: Proceedings of the International scientific conference, Yekaterinburg, October 14-16, 1998* Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 1998. pp. 142-144. (In Russ.).
20. Ratke I. *Insects and Angels of Kalpidi* // *ProsōDia*. 2017. No. 6. pp. 15-19. (In Russ.).

УДК 81'33

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.56.87.012

*Воронежский институт
МВД Российской Федерации
Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского
и иностранных языков
О.Н. Олейникова
Россия, г. Воронеж, тел. +7(915)584-61-57
e-mail: oon_2004@mail.ru*

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
The chair of Russian and foreign languages
PhD, associate professor
O.N. Oleynikova
Russia, Voronezh,
tel.: +7(915)584-61-57
e-mail: oon_2004@mail.ru*

О.Н. Олейникова

К ВОПРОСУ ОБ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЯХ В ТЕКСТАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ РЕЧИ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

Данная публикация посвящена вопросу функционирования в текстах художественного стиля речи М.И. Цветаевой иноязычных вкраплений из некоторых языков и их типологии. Иноязычные вкрапления представляют собой интереснейшее речевое явление, тем более в текстах не просто поэта, ставшего ныне классиком русской литературы, но и уникальной языковой личности. Цель статьи состоит в выявлении особенностей отбора и ввода М.И. Цветаевой иноязычных вкраплений в тексты, в определении их стилистического статуса, связанности использования вкраплений поэтом с культурной традицией, сформировавшейся в XIX веке. Иноязычные вкрапления проанализированы по соотношению с системами контактирующих языков. Выделены полные иноязычные вкрапления (не ассимилированные никаким образом и не включённые в синтаксические связи), часть которых представляет собой библионимы и эпитафьи. Обнаружены частичные вкрапления (имеющие морфологические показатели синтаксической связи с членами предложения или не имеющие таковой). Вкрапления в русской графике редки. Отсутствуют нулевые вкрапления и вкрапления, имитирующие ломаную речь иностранца. Произведен анализ иноязычных вкраплений с точки зрения национально-культурной специфики текста. Выделены вкрапления, связанные с нею и не связанные, а также вкрапления узувального характера. Использовался метод сплошной выборки исследуемого материала. Сделан вывод о связанности ввода в тексты М.И. Цветаевой иноязычных вкраплений с художественным замыслом поэта, со сложившейся культурной традицией их использования, с полученным Цветаевой классическим образованием, её полилингвизмом и фактами биографии. Отмечены индивидуальные особенности использования ею вкраплений. Сделана попытка объяснения ввода поэтом вкраплений в художественные тексты и выбора их типа и разряда.

Ключевые слова: иноязычные вкрапления, типы иноязычных вкраплений, разряды иноязычных вкраплений, полные иноязычные вкрапления, частичные иноязычные вкрапления, иноязычные вкрапления из международного фразеологического фонда, специфика использования иноязычных вкраплений.

O.N. Oleynikova

TO THE QUESTION OF FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN THE TEXTS OF ARTISTIC STYLE OF SPEECH BY M.I. TSVETAeva

This publication is devoted to the issue of the functioning of foreign language inclusions from some languages and their typology in the texts of the artistic style of speech by M.I. Tsvetaeva. Foreign language inclusions are an interesting speech phenomenon, especially in the texts of not just a poet who has now become a classic of Russian literature, but also a unique linguistic personality. The purpose of the article is to identify the features of the selection and introduction of foreign language inclusions into texts by M.I. Tsvetaeva, to determine their stylistic status, the connectedness of the poet's usage of inclusions with the cultural tradition formed in the 19th century. Foreign language inclusions are analyzed in relation to the systems of contacting languages. Complete foreign-language inclusions (not assimilated in any way and not included in syntactic connections) are highlighted, some of which are biblionyms and epigraphs. Partial inclusions were found (having morphological indicators of syntactic connection with the members of the sentence or not having one). The inclusions in Russian graphics are seldom. There are no zero inclusions and inclusions imitating the distorted speech of a foreigner. The analysis of foreign language inclusions from the point of view of the national-

cultural specificity of the text is made. The inclusions associated with it and unrelated are highlighted. The analysis of the usual foreign language inclusions is made. The method of continuous sampling of the studied material was used. The conclusion is made about the connection of the introduction of foreign language inclusions into the texts of M.I. Tsvetaeva with the poet's artistic idea, with the established cultural tradition of their usage, with the classical education the author received, her polylingualism and the facts of her biography. Individual features of the usage of inclusions are noted. An attempt is made to explain the poet's introduction of inclusions into literary texts and the choice of their type and category.

Key words: foreign-language inclusions, types of foreign-language inclusions, categories of foreign-language inclusions, full foreign-language inclusions, partial foreign-language inclusions, foreign-language inclusions from the international phraseological fund, specifics of the use of foreign-language inclusions.

Рассмотрение иноязычных вкраплений в текстах М.И. Цветаевой в отношении лирики, в которой сбылось её собственное пророчество: «Моим стихам, как драгоценным винам, / Настанет свой черёд» [1; т.1; с.45], вызвано тем, что в настоящее время не все аспекты функционирования обозначенного речевого явления в её произведениях изучены филологами. Литературоведы были более активны в исследовании текстов данного поэта, чем языковеды. В связи с тем, что произведения М.И. Цветаевой изучаются в российских школах, появилось много научных работ, содержащих литературоведческий анализ отдельных её произведений. Иноязычные вкрапления, которые вводила в свои тексты разных стилей М.И. Цветаева, языковедами исследованы лишь частично. Так, О.П. Пучининой исследовано функционирование иноязычных вкраплений в структуре несобственно прямой речи прозаических текстов М.И. Цветаевой [3]. Наряду с текстами А.А. Блока, С.А. Есенина, О.Э. Мандельштама и др., стихотворные произведения Цветаевой вошли в число отобранных авторами словаря языка русской поэзии XX века, целью составления которого являлось исследование лексики Серебряного века, что косвенно указывает на значимость вклада Цветаевой в русскую поэзию [4, 5]. В этот словарь введены и иноязычные вкрапления из её поэтических текстов как факт речи носителя русского языка начала прошлого века. Немецкие вкрапления текстов всех стилей М.И. Цветаевой описаны Е.А. Чигириным [2] Но, кроме немецких вкраплений, в текстах автора, относящихся к художественному стилю речи, присутствуют вкрапления из французского, итальянского, английского, латинского языков; единичны вкрапления из чешского и иврита, которые и являются предметом нашего исследования.

Наличие этих и других исследований иноязычных вкраплений в текстах Цветаевой свидетельствует о научном интересе современных учёных как к языку её произведений, так и к данному речевому явлению в целом. Из всех учёных, занимавшихся изучением иноязычных вкраплений, самый большой вклад в разработку этого вопроса внесла выдающийся языковед, воронежский профессор Ю.Т. Листрова-Правда. Именно ей принадлежит определение: «Иноязычные вкрапления – это слова, словосочетания, фразы, отрывки текста, тексты на иностранном языке, включённые в русскую речь без изменений или с теми или иными изменениями» [6; с. 28]. Она же является создателем двух классификаций иноязычных вкраплений (по соотношению с системами контактирующих языков и по связанности с национально-культурной спецификой текстов), которые используются исследователями этого явления, так как дают возможность рассмотреть вкрапления с разных позиций [6]. В данной работе используются обе классификации.

Статистический метод исследования позволил установить, что в текстах художественного стиля М.И. Цветаевой одно иноязычное вкрапление приходится примерно на тринадцать страниц текстов художественного стиля, а в текстах разговорно-бытового стиля (письма, воспоминания, заметки и др.) частотность иноязычных вкраплений очень высока – одно вкрапление на одну страницу. Для сравнения: в текстах А.А. Ахматовой одно вкрапление – на пять страниц текстов всех функционально-речевых стилей, у М.А. Булгакова – одно на четыре страницы, у И.А. Бунина – одно вкрапление на девять страниц текстов художественного стиля и одно на одну страницу текстов разговорно-бытового стиля, а в текстах А.П. Платонова всех стилей – одно на тридцать восемь страниц [7].

Следствием полилингвизма любого автора, как правило, является ввод иноязычных вкраплений в создаваемые тексты. Что касается Марины Цветаевой, то она изучала иностранные языки с детства. С десяти лет она проводила много времени в Швейцарии, Германии и Италии, обучаясь в частных пансионах. Европейские языки были там приоритетными предметами, как и латынь. Пока была жива мать Цветаевой, немка по происхождению, она говорила с детьми по-немецки, как и с роднёй по материнской линии. Преподавание языков занимало важное место и в московских гимназиях, где также

училась М.И. Цветаева. В результате всего этого сложилась уникальная языковая личность, до зрелого возраста несколько оторванная от русской почвы. Высокая частотность иноязычных вкраплений в её текстах разговорно-бытового стиля напрямую связана с этими обстоятельствами, как и ввод иноязычных вкраплений в тексты художественного стиля.

Частотность иноязычных вкраплений в текстах художественного стиля ниже прежде всего по причине, которую сама Цветаева обозначала словом «русское» [8, 9]. Взрослая Цветаева навёрстывала упущенное в детстве. Так, она увлеклась русским фольклором, что впоследствии сформировало фольклорное направление в её поэзии, которое предполагало ввод в тексты устаревшей лексики, диалектизмов («молви», по выражению поэта) [8, 9], но никак не слов и выражений из иностранных языков, тем более древних.

Вторым направлением в поэзии М.И. Цветаевой была «книжно-театральная романтика», к которой она быстро охладела, но благодаря которой её называли последним романтиком [9]. Именно в произведениях этого направления и обнаруживается большинство иноязычных вкраплений в её поэтических текстах.

Такой факт биографии поэта, как эмиграция, контактирование с носителями разных языков, также повлиял на ввод ею в тексты иноязычных вкраплений, равно как и на тематику некоторых произведений.

Анализ иноязычных вкраплений по соотношению с системами контактирующих языков показал следующее. В текстах М.И. Цветаевой есть полные иноязычные вкрапления, то есть никак не ассимилированные и не включённые в синтаксические связи предложения. Например, поэт использует иноязычные вкрапления в функции называния/библионимов произведений. Одно из стихотворений называется «Bohème». Это французское слово уже вошло в русский язык в период создания стихотворения. Но Цветаева предпочитает французский, что укладывается в традицию того времени – использовать вкрапления, которая поддерживается полилингвизмом поэта и содержанием самого стихотворения. Цикл стихотворений поэт называет «Ici-haut», что переводится как «в поднебесье», и посвящён памяти М.А. Волошина. Выбор французского языка объяснить можно тонкими ассоциациями, ведомыми до конца только самой Цветаевой. Но в любом случае знание поэтом этого языка сыграло роль и в использовании французского словосочетания в названии другого стихотворения – «Douce France».

Полные вкрапления из итальянского и французского языков обнаруживаются в пьесе в стихах «Феникс». Например: «Я – в судороги. – «Taci, taci, - / Mi' angelo! Не то – в огонь!» [1; т.1; с.487]; «Copro du Vacco!» [1; т. 1; с.484]; «Que suis-je? Rien.» [1; т.1; с.456]. Они являются средством косвенной характеристики персонажей: их билингвизма, высокого социального статуса, перемещений по миру и проживания в разных странах. Сложно определить, почему Цветаева ввела полное французское вкрапление в перечень действующих лиц пьесы «Феникс», но она сделала это («Que suis-je? Rien. Que fus-je? Tout.») [1; т. 1; с. 456] Это вкрапление дано после обозначения героя пьесы – Казановы – и представляет собой его краткую самохарактеристику. Полное латинское вкрапление есть в поэме «Чародей»: «Как жизнь уже давным-давно нам – / Сукно игорное: – vivat!». [1; т. 1; с. 336]

Полные вкрапления выполняют функцию эпиграфов. Например, к пьесе «Феникс» дан эпиграф – французское вкрапление, как и к стихотворению «Douce France» («Adieu, France! / Adieu, France! / Adieu, France!» за подписью Marie Stuart) [1; т. 1; с. 328]. Использование иноязычных вкраплений в роли эпиграфов соответствует сложившейся в России культурной традиции, уходящей корнями в XIX век. Цветаева давала подобные фразы без перевода. То же делали А.А. Ахматова [10], О.Э. Мандельштам [11] и многие другие поэты и писатели круга М.И. Цветаевой, то есть придерживавшиеся сложившейся в стране культурной традиции.

В тексты художественного стиля Цветаевой вводятся частичные вкрапления, «представляющие собой слово, словосочетание, предложение или более крупный отрезок иностранного текста, в той или иной мере (фонетически или морфологически) ассимилированные в языке или включённые в синтаксические отношения в составе русского предложения» [6; с. 24] разных типов. Есть частичные вкрапления, сохранившие в тексте свою семантику, морфологический облик, не имеющие морфологических показателей синтаксической связи с русскими членами предложения. Например: «Чьи ослепительные грозди / Clinquantes, éclatantes grappes – / Звеня опутывают гвозди ... » [1; с. 335]. Имеются также частичные иноязычные вкрапления, приобретшие морфологический облик, свойственный русским словам. Например: «Пытаюсь / Ввести их в тайные arras ...» [1; с. 498] – в этой строчке французское вкрапление включено в систему согласования с русским словом. Ещё один подобный пример: «Помчит – в какие Трапезунды? / Меня Folia vagabunda / Моя?» [1; с. 500]. Интересно, что это

итальянское вкрапление переводится как «скитальческое безумие», но Цветаева согласует его в женском роде. Перед нами пример частичного вкрапления, включенного в русскую падежную парадигму: «Поверх Роны и поверх Rarogn'a, ...» [1; с. 265].

В текстах Цветаевой используются и частичные вкрапления, переданные в русской графике, которые в своё время В.Г. Белинский называл «отшлёпанными» русскими буквами. Это редкость для Цветаевой, но их ввод мотивирован замыслом поэта. Например, ею введено частичное вкрапление, представляющее собой английское слово, позже вошедшее в русский язык и употреблённое в русской графике: «Наш клетчатый плэд ...» [1; с. 89]. Возможно, поэт таким образом иронизирует над русской богемой или даёт речевую характеристику двум персонажам стихотворения. Другой пример подобного характера: М.И. Цветаева сочла необходимым ввести в стихотворение вкрапление из иврита: «Аймек-гуарузим – долина роз» [1; с.91]. По традиции, вкрапление из восточного языка дано в русской графике, но его транскрипция «корява». Вероятно, Цветаева обратилась к кому-то за помощью в переводе словосочетания с русского на иврит. «Переводчик» спутал печатные буквы далет и заин, которые графически похожи, прочитал с ашкеназским или каким-либо региональным акцентом, что и записала Цветаева. Более точно в соответствии с литературной формой языка, нужно было бы написать «эмек а-врадим». В антифашистском стихотворении «Германия», где Цветаева обвиняет эту страну в позоре, безумии, мании величия, поэт вводит чешское вкрапление «Наздар!», представляющее собой приветствие на чешском языке [1; с. 326]. Интересно, что это слово написано не латиницей, что было бы традиционно в рамках культуры речи носителей русского языка того времени для написания вкраплений из языков с латинской графикой. К тому же Цветаева долго жила в Чехии и могла использовать исконную графику чешского языка. Но она выбирает кириллицу, так как именно русская графика подчёркивает антагонизм двух стран. Чехия воспринимается поэтом как близкая, почти родная страна. Поэтому Цветаева приветствует Богемию по-чешски, но в русской графике.

Не все типы иноязычных вкраплений, выявленных Ю.Т. Листровой-Правдой, [6] есть в исследуемых текстах. Отсутствуют, например, нулевые и контаминированные иноязычные вкрапления, поскольку и в тех и в других нет художественной необходимости. Нулевые вкрапления вообще очень редко вводятся в стихотворные тексты. Не возникло у Цветаевой и необходимости передавать ломаную / «макароническую» речь.

Анализ иноязычных вкраплений с точки зрения национально-культурной специфики текста показал, что в произведениях Цветаевой есть вкрапления непосредственно и косвенно связанные с этой спецификой. В реальных текстах бывает сложно отделить одно от другого, поэтому обычно их объединяют в один разряд – первый. Непосредственно связаны с национально-культурной спецификой текста вкрапления-топонимы. Например, город в Швейцарии обозначен по-французски (Rarogn) [1; с. 265]. Интересно, что в стихотворении «В Париже» и по-русски и по-французски дана одна и та же фамилия. «Rostand и мученик-Рейхштадтский / И Сара – все придут во сне!» [1; с. 39]. Ещё один пример антропонима – вкрапления «Marie Stuart» [1; с. 328]. Непосредственно связаны с национально-культурным содержанием текста некоторые эпиграфы – например, эпиграф на французском к стихотворению «Douce France».

Конечно, Цветаева, воспитанная в особой культурной среде, не могла не ввести в тексты узуальные вкрапления, не связанные с национально-культурной спецификой текста. Они выполняли наднациональную «престижную» функцию в европейских языках, откуда традиция их использования попала в русскую литературу. Все они даны Цветаевой в исконной графике. Эти вкрапления могут относиться к разным типам по соотношению с системами контактирующих языков. Узуальные вкрапления собраны в словаре А.М. Бабкина и В.В. Шендецова [12]. Эти вкрапления относятся к так называемому международному фразеологическому фонду (МФФ). Цветаевой использовались широко распространённые аббревиатуры NB [1; с. 597], SOS: «Не менее во тьме небес / Призывное, чем: SOS» («Стихи к сыну») [1; с. 289]. Обращает на себя внимание ввод поэтом музыкальных терминов из МФФ. Их относительно много, что естественно для Цветаевой, серьёзно занимавшейся музыкой. Например, в стихотворении «Ручьи» есть интересное итальянское вкрапление: «Прорицаниями рокоча, / Нераскаянного скрипача / Riccata'ми ... Разрывом бус!» [1; с. 225] Цветаева даёт русское окончание творительного падежа множественного числа, хотя по-итальянски это слово звучит как Riccato [12; с. 1021]. Названия нот поэт также даёт в виде вкраплений: «За высокое Ваше la – в ножки кланяюсь старым телом» [1; с. 451].

Многие вкрапления из МФФ восходят к латыни. Есть таковые и в текстах Цветаевой: к примеру, «Не читанное мною *Ars Amandi!*» [1; с. 54]. Вкрапление переводится как «наука любви», но автор согласует его в среднем роде. В нескольких произведениях поэт «играет» с латинским словом «*memento*». Так, в «Поэме горы» читаем: «Уж не *memento*, а просто – море!» [1; с. 413]. Вторая часть латинского вкрапления МФФ «*morì*» созвучна слову «море». В «Поэме конца» слово «*memento*» используется в значении «память»: «*Memento* – паром: / Любовь – это всё дары ...» [1; с. 422]. Ещё один пример из латыни: «Сердца, как сквозь зубы / Довода – на *Credo* ... » [1; с. 444]. В пьесе «Феликс» русский фразеологизм «от А до Я», синонимичный выражению «от начала до конца», дан латинскими буквами и представлен в словаре [12]: «*Вся страсть от А до Z - / Лети, чудовищный букет!*» [1; с. 495].

Таким образом, ввод в тексты художественного стиля М.И. Цветаевой иноязычных вкраплений художественно мотивирован. Выбор вкраплений связан с художественной задачей автора. Их использование соответствует культурным традициям периода её творчества, сложившимся в стране. Типы и разряды вкраплений разнообразны. Обращает на себя внимание большое количество узуальных иноязычных вкраплений (МФФ) в поэтических текстах автора.

Библиографический список

1. Цветаева М.И. Сочинения. В 2-х т. М.: Худож. лит., 1988. 719 с.
2. Чигирин Е.А. Немецкие вкрапления в текстах М.И. Цветаевой : дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 20 п.
3. Пучинина О.П. Иноязычные вкрапления в структуре несобственно-прямой речи на материале прозаических текстов М.И. Цветаевой // Современные проблемы филологии и методики преподавания языков: вопросы теории и практики: Электронный сборник научных трудов / Под ред. В.М. Панфиловой. Елабуга: Изд. ЕИ КФУ. 2017. 236 с. С.154-156.
4. Словарь языка русской поэзии XX века : в 8 т. / Под ред. В.П. Григорьева, Л.Л. Шестаковой. М.: Языки славянской культуры, 2001-2020.
5. Шестакова Л.Л., Кулева А.С. Иноязычные вкрапления в текстах поэтов Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка) // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. №1. С.68-76.
6. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж: Издательство ВГУ, 1986. 144 с.
7. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в текстах И.А. Бунина разных функционально-речевых стилей // Материалы по русско-славянскому языкознанию: международный сборник научных трудов / Воронежский государственный университет. Воронеж, 2007. Вып. 28. 408 с. С. 177-183.
8. Цветаева М.И. Автобиографическая проза. М.: Сов. Россия, 1991. 352 с.
9. Саакянц А.А. Твой миг, твой день, твой век: жизнь Марины Цветаевой. М: Терра : Книжный клуб Книговек, 2016. 348 с.
10. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в художественных текстах А.А. Ахматовой // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (294). С. 195-199.
11. Олейникова О.Н. Об одном речевом явлении в текстах О.Э. Мандельштама разных стилей // Воронежское лингвострановедение. Выпуск 5: Межвузовский продолжающийся сборник научных трудов. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2021. С. 47-62.
12. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 3-х т. 2-е изд., СПб.: «КВОТАМ», 1994.

References

1. Tsvetaeva M.I. Works. In 2 vols. M.: Khudozh. lit., 1988. - 719 p.
2. Chigirin E.A. German inclusions in the texts of M.I. Tsvetaeva: thesis ... candidate of philology. Voronezh, 2002. 20 p.
3. Puchinina O.L. Foreign inclusions in the structure of improperly direct speech on the material of M.I. Tsvetaeva's prose texts // Modern problems of philology and methods of teaching languages: issues of theory and practice: Electronic collection of scientific papers / Ed. V.M. Panfilova. Elabuga. Publishing house of EI KFU. 2017. 236 p. Pp. 154-156.
4. Dictionary of the language of Russian poetry of the XX century: in 8 vols. / Ed. V.P. Grigoriev, L.L. Shestakova. Languages of Slavic culture. M., 2001-2020.
5. Shestakova L.L., Kuleva A.S. Foreign inclusions in the texts of the Silver Age poets (based on the materials of the consolidated dictionary of the poetic language) // Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and Language Series. 2015. V. 74. №1. Pp. 68-76.

6. Listrova-Pravda Yu.T. Selection and use of foreign inclusions in Russian literary speech of the XIX century. Voronezh: Voronezh University Press, 1986. 144 p.
7. Oleynikova O.N. Foreign inclusions in the texts of I.A. Bunin of different functional speech styles / Materials on Russian-Slavic linguistics: international collection of scientific papers / Voronezh State University, 2007. Issue 28. 408 p. Pp. 177-183.
8. Tsvetaeva M.I. Autobiographical prose. M.: Sov.Russia, 1991. 352 p.
9. Saakyants A.A. Your moment, your day, your age: the life of Marina Tsvetaeva / Anna Saakyants. Moscow: Terra: Bookclub Knigovek, sor. 2016. 348 p.
10. Oleynikova O.N. Foreign inclusions in the literary texts of A.A. Akhmatova // Izvestia of the Voronezh State Pedagogical University. 2022. № 1 (294). Pp. 195-199.DOI: 10.47438/2309.
11. Oleynikova O.N. On one speech phenomenon in the texts of O.E. Mandelstam of different styles // Voronezh local linguistics. Issue 5: intercollegiate ongoing collection of scientific papers. Voronezh, Voronezh State University. 2021. Pp. 47-62.
12. Babkin A.M., Shendetsov V.V. Dictionary of foreign expressions and words used in Russian without translation. In 3 vols. 2nd ed., St.Petersburg: "KVOTAM", 1994.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81'42

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.59.34.013

*Воронежский государственный университет
Доктор филологических наук
Доцент кафедры теоретической и прикладной
лингвистики
Меркулова И.А.
Россия, г. Воронеж, тел. + 79204102569
E-mail: igel1@yandex.ru*

*Voronezh State University
Doctor of Philology
Associate Professor of the Theoretical and Applied
Linguistics Department
Merkulova I.A.
Russia, Voronezh, tel. + 79204102569
E-mail: igel1@yandex.ru*

И.А. Меркулова

ВОРОНЕЖ И ВОРОНЕЖЦЫ В НАЦИОНАЛЬНОМ КОРПУСЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье показан языковой портрет Воронежа и его жителей на основе анализа фрагментов употребления соответствующих лексем, представленных в контекстах Национального корпуса русского языка (основной подкорпус). Актуальность исследования объясняется тем, что город является важнейшим компонентом культуры, семиотическим объектом, отражающим особенности развития конкретного региона и общества в целом и формирующим фрагмент языковой картины мира. Объектом исследования выступают лексемы “Воронеж”, “воронежец”, “воронежский” с количеством контекстов употребления более 6 тысяч. Приводятся результаты функционально-стилистического, хронологического, частотного, синтагматического распределения данных лексем. Языковой образ города Воронежа на основе сочетаемости лексемы гораздо шире и объемнее привычных стереотипных представлений о нем (колыбель Российского флота, воронежский чернозем и подобное). По данным Национального корпуса русского языка, Воронеж характеризуется многовековой историей и героическим прошлым, достойным звания города-героя, высоким административным статусом, развитой промышленностью, наукой и образованием, осложнением криминогенной ситуации в настоящем. С лексемой “воронежец”, в корпусе обнаружено лишь 125 контекстов, представляющих жителей города как твердо отстаивающих свои права в постоянной борьбе с местной властью и патриотично настроенных людей. Как показывают примеры, признаковое слово “воронежский”, в первую очередь, понятие географическое (топологическое), так как самую высокую частоту имеют сочетания Воронежская область и Воронежская губерния.

Ключевые слова: лексема, город, сочетаемость, частота, Национальный корпус русского языка.

I.A. Merkulova

VORONEZH AND VORONEZH RESIDENTS IN THE NATIONAL CORPUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article shows a linguistic portrait of Voronezh and its inhabitants, which based on the analysis of fragments of the use of the corresponding lexemes. The lexemes are presented in the contexts of the National Corpus of the Russian language (the main subcorpus). The relevance of the research is explained by the fact that the city is the most important component of culture, a semiotic object, which is reflecting the peculiarities of the development of the particular region and society. And it forms a fragment of the linguistic picture of the world. The object of the study are lexemes “Voronezh” of different parts of speech with the number of contexts of use more than 6 000. The article presents the results of functional-stylistic, chronological, frequency, syntagmatic distribution of these lexemes. The linguistic image of the city of Voronezh based on the compatibility of the lexeme is much broader and more voluminous than the usual stereotypical ideas about it (the cradle of the Russian Navy, Voronezh chernozem, and so on). According to the National Corpus of the Russian Language, Voronezh is characterized by a centuries-old history and a heroic past, worthy of the title of a hero city, high administrative status, developed industry, complication of the criminal situation in the present. With the lexeme “Voronezhets” were found only 125 contexts in the National Corpus of the Russian language, representing the residents of the city as the patriotic people firmly defending their rights in the constant struggle with

the local authorities. As the examples show, the indicative adjective “Voronezh” is primarily a geographical (topological) concept, since the combinations Voronezh Region and Voronezh Province have the highest frequency.

Key words: lexeme, city, compatibility, frequency, the National Corpus of the Russian language.

Представление о городе как важнейшем компоненте культуры возникло еще в глубокой древности, в период становления цивилизации. Город связан с развитием общества и отражает главные его особенности. Город как феномен и как концепт не раз привлекал внимание специалистов различных наук: социологов, политологов, психологов, экономистов, лингвистов. Ю.М. Лотман в свое время использовал понятие «семиотика города» [1].

Имена собственные, к которым, безусловно, относятся и топонимы – названия городов, обладают концептуальным потенциалом. Присутствуя в лексической системе любого языка, они выступают связующими звеньями языковой картины мира конкретного народа с его пространственными и временными ориентирами, стереотипными и поведенческими характеристиками.

Цель исследования – воссоздать языковой образ Воронежа и воронежцев на основе анализа контекстов из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Образ столицы Черноземья уже был предметом рассмотрения на страницах журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» [2; 3; 4]. При этом авторов интересовал образ города, созданный массмедийными средствами. Привлечение корпусных данных пока еще не является регулярным и массовым. Можно назвать работу О.И. Северской [5], в которой воссоздается образ Ярославля и ярославцев на основе анализа микрофрагментов из НКРЯ, содержащих эти ключевые лексемы. М.А. Лаптева справедливо отмечает: «Динамичность образа выражается в том, что он всегда трансформируется в сознании людей, обогащается новыми смыслами. Сложность заключается в том, что образ является одновременно проекцией как индивидуального, так и коллективного сознания» [4, с. 115].

В данном исследовании образ родного города конструируется, опираясь на анализ текстовых фрагментов с лексемами «Воронеж», «воронежец», «воронежский» независимо от типа текста, автора и других характеристик. Объектом исследования выступает весь массив основного подкорпуса НКРЯ.

Вначале обратимся к статистическим данным. Запрос поиска по лемме имеет следующие результаты: «Воронеж» представлен 4 097 примерами (вхождениями) в 1 585 текстов, «воронежский» – 2 980 примерами в 1 409 текстов. Самые скромные показатели у котайконима. Употребление «воронежец» насчитывается всего 79 текстов с 125 примерами.

Первые упоминания названия города, зафиксированные корпусом, относятся к периоду 1682-1709 гг. Источником являются дневниковые записи И.А. Желябужского, изданные с замечаниями и объяснениями Д. И. Языкова в Санкт-Петербурге в 1840 году. Сами «Дневные записки» – первый пример жанра дневниковых записей, содержащих немало подробностей о жизни Российского государства петровской эпохи и о походах войска государева. *Апреля в 26 день пошел с Воронежа большого полка боярин и воевода Алексей Семенович Шейн, а полков с ним никаких не было.* [И. А. Желябужский. Дневные записки (1682-1709)]. *В нынешнем 204 (1696) году о походе под Азов с Воронежа, которые полки пошли наперед, и в котором месяце и числе, и о всей бытности до Азова, и будучи под Азовом, и то писано ниже сего.* [И. А. Желябужский. Дневные записки (1682-1709)].

Неоднозначность этимологии названия города «снимается» текстом 1738 года, в котором дается такое объяснение происхождения топонима: *Воронежъ лежит подъ 52 градусомъ 20 минутами съверныхъ широты, и получила сіе названіе отъ рѣки Вороны', которая впала въ Донъ въ расстояніи двухъ миль оттуда.* [П. К. Таубертъ. Краткое описаніе всѣхъ случаевъ касающихся до Азова отъ созданія сего города до возвращенія онаго подъ Россійскую державу [перевод книги Готлиба Байера с немецкого] (1738)].

На рисунке 1 представлен график распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1900 по 2023 лексемы «Воронеж».

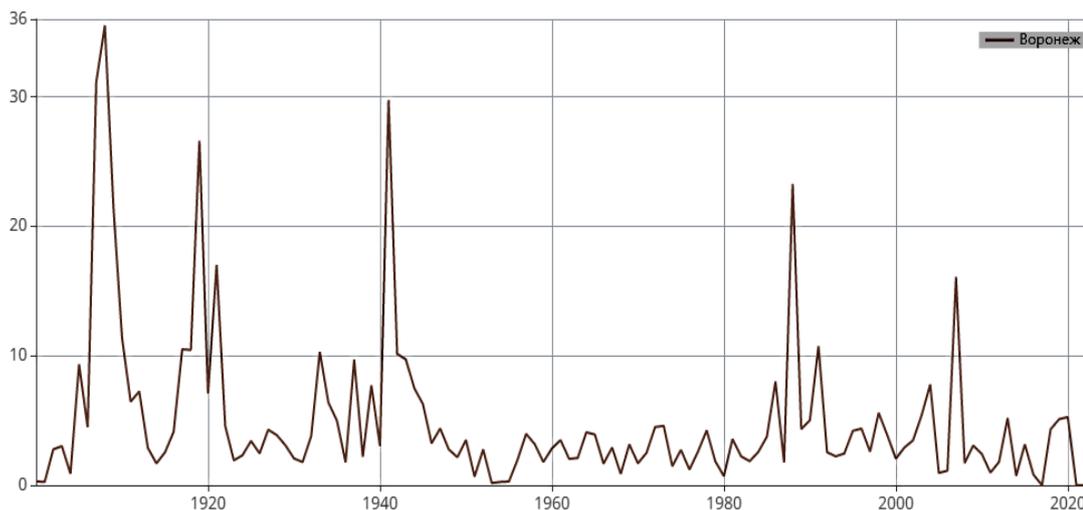

Рис. 1. Хронологическое распределение частотности упоминаний лексемы "Воронеж" (1900-2023 гг.)

Нетрудно заметить годы, на которые приходятся пики частоты.

Во-первых, 20-е годы – сложное и противоречивое время революции, зарождения молодого советского государства и последствий Первой мировой войны. Воронеж был активно вовлечен в эти политические и экономические преобразования. Примеры из НКРЯ: *Для удобства я перенес все занятия на один день — вторник. Вчера товарищи признались, что **потеряли Воронеж**. Двигаясь, как сказано в «Известиях», к Усмани, а по слухам, уже от Грязей к Козлову, белые отрезают красную армию, находящуюся между Новохоперском и Камышином.* [Ю. В. Готье. Дневник (1919)]. *Троцкий пишет, что «Курск, **Воронеж**, Тамбов и Саратов превращаются в крепостные районы.* [Н. П. Окунев. Дневник Москвича (1919)]. *Деникин – на пол-дороге от Курска к Орлу, в опасности **Воронеж**, Мамонтов где-то в Тульской губернии, неуловимый, неуязвимый, словно Девет в бурскую войну — да, революция в опасности.* [Н. Ю. Устрялов. Дневник (1919)]. *В открытом автомобиле в город уезжают два военспеца, предназначенные для Орла; а поезда отправляются дальше. Из городов наибольшее **сопротивление оказывает Воронеж**. Здесь приходится выдержать настоящее с двумя тысячами людей из отряда Маруси Никифоровой, подвизавшейся на Украине.* [А. Ветлугин. Авантюристы гражданской войны (1921)].

Во-вторых, 40-е годы – время Великой Отечественной войны. *Противник стремится перерезать ж. д. Ростов, Воронеж и захватить Ростов. Начальник штаба Южфронта* [Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 42 (1941)]. *Уже наши взяли Ростов-на-Дону, Воронеж, Курск, Харьков.* [В. С. Савельев. Дневник (1943)].

В-третьих, особо выделяется 1988 год. Именно в этот год рождается автобиографическая повесть воронежского поэта и писателя Анатолия Жигулина «Черные камни», правдиво рассказавшая о сталинских репрессиях. Примечательно, что в контекстах, датированных годами перестройки, Воронеж упоминается преимущественно в историческом контексте, а не в связи с современными событиями.

А далее периодически «вспыхивающие» частоты в двухтысячных. Отчасти это связано с активным обсуждением темы присвоения Воронежу статуса города-героя.

В 1975 году в преддверье тридцатилетия Победы советскими властями было утверждено наградить Воронеж орденом Отечественной войны I степени. Орден почетный, но статус города-героя гораздо выше. Письма с просьбами продолжали отправляться и были неоднократно отклонены. Последний официальный отказ был получен в 1997 году президентом Борисом Ельциным.

После распада Советского Союза практика присвоения звания Город-герой была прекращена, но помня мужество и героизм защитников Отечества в России было введено новое звание «Город воинской славы»

Почетное звание «Город воинской славы» российские города начали получать в 2007 году: первыми были Белгород, Курск и Орел. Как гласит президентский указ, вручается это звание «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города, в борьбе за свободу и независимость Отечества».

Люди часто задаются вопросом: «Почему же Воронежу не присвоили статус города-героя?». По мнению многих поколений воронежцев, это большая историческая несправедливость. Во время Великой Отечественной Войны Воронеж так и не был полностью захвачен, гитлеровцам удалось на долгих 212 дней и ночей закрепиться в правобережной части города, в то время как на левом берегу продолжали работать предприятия, снабжая фронт оружием. Воронеж сыграл переломную роль в сражениях Великой Отечественной войны на Волге и Дону, от Воронежа зависел исход Сталинградской битвы и перелом в ходе всей Великой Отечественной войны. Воронежский фронт сковал около тридцати вражеских дивизий, город был разрушен на 95 процентов.

В 2007 году мы находим примеры в НКРЯ обсуждающие данную проблему. Именно на этот год выпадает очередной всплеск частоты употребления лексемы «Воронеж» в электронной коммуникации (форумах). *Я не поняла—разве Воронеж еще не город-герой?* [Воспоминания о Воронеже военных лет (форум) (2007)]. *Не знаю до сих пор. Хотя давно уже узнал, что жизнь, судьба часто бывает несправедлива не только к отдельным людям, но даже к целым городам и народам. Киев отдали без боя, но присвоили звание «город-герой». Через Воронеж восемь месяцев проходила линия фронта, восемь месяцев шли тяжелые, упорные бои. Но Воронеж наградили лишь орденом Великой Отечественной войны. Почему? Наверное, наше областное руководство плохо хлопотало...* [Воспоминания о Воронеже военных лет (форум) (2007)].

Лишь 16 февраля 2008 Указом президента Российской Федерации В.В.Путина «За мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества» Воронежу было наконец-то присвоено почетное звание «Города воинской славы».

Обратимся к синтаксическим связям лексемы «Воронеж». Результаты исследования показывают, что 57% составляет объектная сочетаемость, 29% субъектная и 14% адъективная. Это объяснимо, так как Воронеж – это прежде всего место, точка в пространстве, куда можно *прийти, перебраться, переехать*, его можно *бомбить, захватывать, занимать*. Как субъект, Воронеж *вступает, сражается, срывает планы*. Эти глаголы демонстрируют наибольшую синтагматическую активность в сочетаниях. Среди эпитетов, которыми носителя языка наделяют Воронеж, можно назвать *губернский, родной, горящий, старый, зеленый*.

Наименование жителей города Воронежа отличается отсутствием однословной формы женского рода. Онлайн словарь <https://katoikonim.ru/> рекомендует катойконим «жительница Воронежа», да и сами жители активно противостоят употреблению какого-либо иного феминитива (воронежанка, воронежка) [5]. В НКРЯ лексема «воронежец» встречается в 79 текстах 125 раз. В корпусе немало характеристик воронежцев, как воинов, людей, переживших не одну войну. *Это – город-воин, город-солдат, и я горжусь, что я – воронежец.* [Воспоминания о Воронеже военных лет (форум) (2007)]. *В 1942 год Воронеж и воронежцы вступили в атмосфере тревожного ожидания худшего.* [Воспоминания о Воронеже военных лет (форум) (2007)]. *Но это те контрактники, каждый из которых прошел огонь и воду, не одну «горячую точку».* **Воронежцы** *показали себя замечательно. Маленькое отступление.* [Кому служить, если «поднимутся» заводы? (2004) // «Солдат удачи», 2004.03.10]. В текстах же, относящиеся к началу 21 века все чаще воронежцы выступают как бунтари, отстаивающие свои права. *Потому что идет поток обращений и жалоб воронежцев: дома строятся рядом друг с другом, на месте детских площадок.* [Юрий Максимов. Александр Болдырев: В области не действуют бюджетные законы // «Воронежские вести», 2003]. *Но воронежцы не желают мириться с подобной участью. Прогремевший на всю страну митинг показал, что жители города своего просто так не отдадут. И власти были вынуждены дать задний ход. К сожалению, достигнутые позиции удержать не удалось.* [В. Ю. Часовников. 500 процентов квартплаты? (2003) // «Советская Россия», 01.09.2003]. *Теперь воронежцы наконец узнали, как расходуются средства, фактически изымаемые администрацией из городского бюджета и направляемые на пресловутое «выравнивание бюджетной обеспеченности в сельских районах».* [Финансовый блуд // «Воронежские вести», 2003].

А вот что-то воронежское встречается в НКРЯ гораздо чаще. Первые упоминания связаны с воеводой Дмитрием Васильевичем Полонским. *Апреля в... день по указу великого государя сказано думному дьяку Емельяну Украинцеву в Царьград посланцем. А стольнику Андрею Артамонову сыну Матвееву сказано, что быть ему посланником в город в Гагу к Статам. А кому быть с ним стольником, и имена их с Воронежа присланы в Разряд. В том же году на Воронеже по указу великого государя чинено наказание воронежскому воеводе Дмитрию Васильеву сыну Полонскому: бит кнутом и послан на плоты в Азов до указа. Мая в 1 день по указу великого государя из Преображенска была*

стольникам повестка, чтоб явились в Преображенском мая во 2 день. И того ж числа стольники, которые были на Москве, явились генералу Автоному Михайловичу Головину, и был смотр, и после смотра генерал сказал, которые явились на смотре, чтоб они учились пехотному строю на Житном дворе, у кого есть свое ружье, фузеи или пищали, а у кого нет, те б брали в Преображенском государево ружье и явились на Потешном дворе генералу Автоному Михайловичу мая в 6 день. А которые в деревнях, и по тех бы посылали свойственники их, чтоб были они из деревень не мешкав, не дожидаясь о том впредь иного указа. [И. А. Желябужский. Дневные записки (1682-1709)].

Ниже приведен график сочетаемости лексемы «воронежский» с существительными, в порядке убывания абсолютной частоты, превышающей 10 сочетаний (см. рис.2).

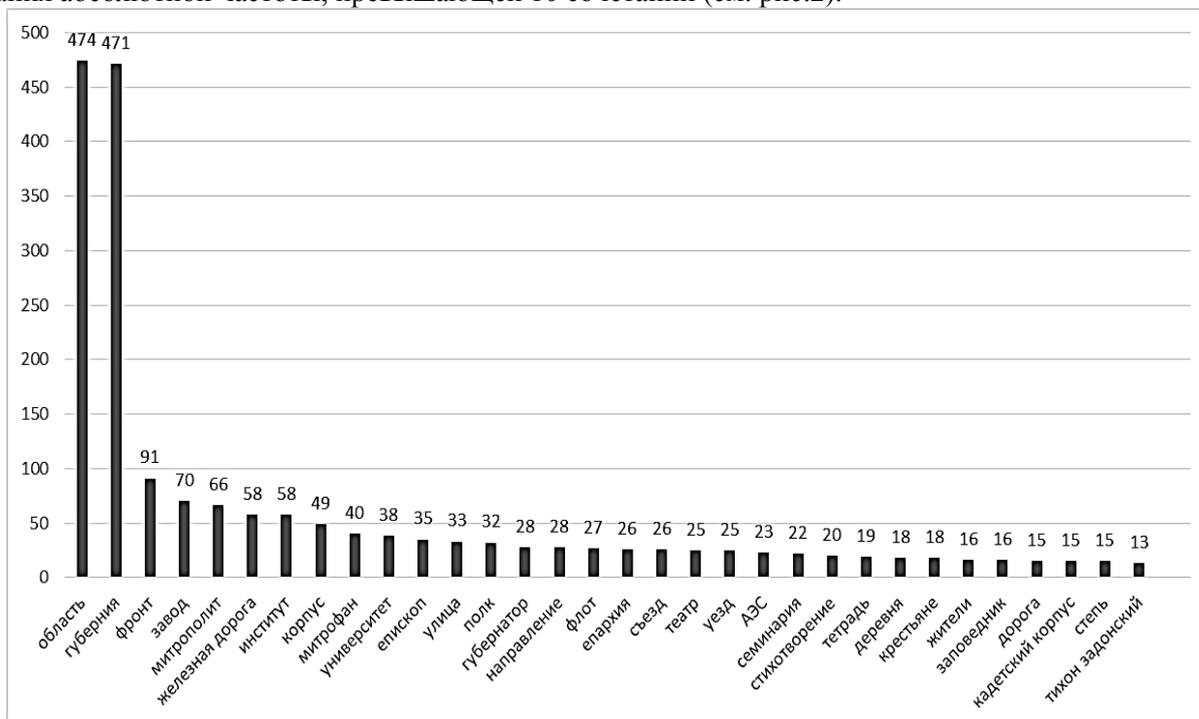

Рис. 2. Сочетаемость лексемы «воронежский» (по данным НКРЯ)

Полученные результаты довольно любопытны. Как видно из рисунка, с большим отрывком лидируют сочетания с топологическим значением (*Воронежская область, воронежская губерния*). На втором месте оказывается сочетание *воронежский фронт*, подчеркивающее особую значимость нашего города в сражениях Великой Отечественной войны. Также в частотный список попали и другие слова военной тематики – *полк, корпус, направление*. На третьем месте – существительное *завод*, что подтверждает, что Воронеж – промышленно развитый город. Еще одной важной составляющей жизни нашего города является религиозная составляющая. Высокие показатели сочетаемости у слов *митрополит, епископ, епархия, семинария* и собственные имена воронежских святых епископов *Митрофана* (40 примеров) и *Тихона Задонского* (13 примеров). По территории Воронежской области проложена одна из первых линий Юго-Восточной железной дороги, этим объясняется высокая сочетаемость этих лексических единиц. Отметим также большую важность для города образования и науки, так как сочетания *воронежский институт* и *воронежский университет* прочно занимают высокие позиции. Сочетание прилагательного *воронежский* со словом *улица* в середине графика, хотя такой улицы в самом городе нет, но в Воронежской области и за ее пределами такое название встречается. Также позицию золотой середины занимает и *воронежский флот*, что, возможно, идет в разрез с традиционными представлениями о Воронеже как колыбели Российского флота. Несмотря на то, что Воронеж – город-миллионник, важное значение имело и имеет сельское население области, о чем свидетельствует частота сочетаемости прилагательного *воронежский* с существительными *деревня* и *крестьяне*. Оставил город Воронеж свой след и в поэзии, отсюда частотность сочетаний *воронежские стихотворения* и *воронежские тетради*. «Воронежские тетради» относят к числу лучших лирических произведений О. Э. Мандельштама, отбывавшего в Воронеже ссылку. Слово «тетради» появилось случайно, так как хорошей бумаги не было, и стихи записывались в обычные школьные тетради. Но каждая тетрадь представляет собой цикл внутри книги, имеет свое содержание и свою хронологию.

гию. Воронежский период – время высочайшей творческой интенсивности. Четверть всего, что Мандельштам написал, приходится на воронежские годы. Стихи воронежского цикла долгое время оставались неопубликованными. Они не были политическими, но воспринимались как вызов. Напряженную и трагическую тональность создает анаграммное разложение имени города, куда был сослан поэт О. Мандельштам.

*Пусти меня, отдай меня, Воронеж:
Уронишь ты меня иль проворонишь,
Ты выронишь меня или вернешь,
Воронеж — блажь, Воронеж — ворон, нож...*
(«Пусти меня, отдай меня, Воронеж...» (1935))

И наконец, в конце списка находятся слова *заповедник, жители, дорога, кадетский корпус, степь*, сочетаемость которых располагает 15 примерами.

Анализ контекстов, представленных в Национальном корпусе русского языка, позволяет получить следующий образ города Воронежа: древний город с богатейшей историей, город героический (множество упоминаний героизма Воронежа и воронежцев в связи с поворотными событиями в истории России, в первую очередь Великой Отечественной войной), город, отличающийся активностью его жителей, имеющих гражданскую позицию и умеющих отстаивать свои права, город развитой промышленности, университетский город. Языковой образ города Воронежа на основе сочетаемости лексемы гораздо шире и объемнее привычных стереотипных представлений о нем (колыбель Российского флота, воронежский чернозем и подобное).

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. 18: Семиотика города и городской культуры. Петербург. С. 30-45.
2. Скуридина С.А., Гончарова М.А. Воронеж: образ города с позиций СМИ // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 1 (32). С. 96-101.
3. Скуридина С.А., Гончарова М.А. Город Воронеж в восприятии современных жителей // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2019. № 2 (33). С. 71-78.
4. Лаптева М.А. Образ Воронежа в массовой культуре // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3 (46). С. 113-117.
5. Что будет, если назвать женщину воронежанкой? [Электронный ресурс]. URL: <https://bloknot-voronezh.ru/news/chto-budet-esli-nazvat-zhenshchinu-voronezhankoy-1413814> (дата обращения - 4.02.2023)

References

1. Lotman Yu.M. Symbolism of St. Petersburg and problems of semiotics of the city // Works on sign systems. Tartu, 1984. Issue 18: Semiotics of the city and urban culture. Petersburg. pp. 30-45.
2. Skuridina S.A., Goncharova M.A. Voronezh: the image of the city from the standpoint of the media // Topical issues of modern philology and journalism. 2019. No. 1 (32). pp. 96-101.
3. Skuridina S.A., Goncharova M.A. The city of Voronezh in the perception of modern residents // Topical issues of modern philology and journalism. 2019. No. 2 (33). pp. 71-78.
4. Lapteva M.A. The image of Voronezh in popular culture // Topical issues of modern philology and journalism. 2022. No. 3 (46). pp. 113-117.
5. What will happen if you call a woman Voronezh? Electronic source. URL: <https://bloknot-voronezh.ru/news/chto-budet-esli-nazvat-zhenshchinu-voronezhankoy-1413814> (date of access - 4.02.2023)

УДК 811

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.21.66.014

Донской государственный технический университет

Старший преподаватель кафедры «Мировые языки и культуры»

Соломон Ю.А.

Россия, г. Ростов-на-Дону

тел. 89613076627

e-mail: yukalya87@mail.ru

Don State Technical University

The chair "World languages and cultures"

Senior lecturer

Solomon Y.A.

Russia, Rostov-on-Don

tel. 89613076627

e-mail: yukalya87@mail.ru

Студент кафедры «Мировые языки и культуры»

Клименко Ж.В.

Россия, г. Ростов-на-Дону

тел. 89184742921

e-mail: hannaklim8@gmail.com

The chair "World languages and cultures"

Klimenko Zh.V.

Russia, Rostov-on-Don

tel. 89184742921

e-mail: hannaklim8@gmail.com

Ю.А. Соломон, Ж.В. Клименко

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ АНТРОПОМОРФНОГО КОДА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ФРАНСУАЗЫ САГАН «САРА БЕРНАР. НЕСОКРУШИМЫЙ СМЕХ»

В статье рассматриваются языковые средства выражения антропоморфного кода на примере произведения французского автора Франсуаза Саган «Сара Бернар. Несокрушимый смех». Актуальность данной темы заключается в тенденции к исследованию культуры и языка с точки зрения правильной интерпретации лингвокультурных кодов, а также в стремлении обнаружить скрытые смыслы художественных произведений. В статье используются описательный и структурный методы, включающие приемы наблюдения и интерпретации, а также концептуальный анализ. В статье раскрывается суть языкового знака и кода. Значительное внимание уделяется важности лингвокультурного кода, его расшифровки и правильного восприятия в процессе коммуникации, а также при прочтении художественных произведений. Автор обращается к определению культурного кода и рассматривает один из его видов: антропоморфный код. Обосновывается мысль о том, что наличие антропоморфного кода в художественном произведении влияет на раскрытие образа персонажей. Основное содержание исследования составляет анализ произведения Франсуаза Саган «Сара Бернар. Несокрушимый смех» для выявления антропоморфного кода через стилистические средства и его вспомогательной функции при формировании образа главной героини. В статье приведен анализ стилистических средств, найденных в тексте: метафоры, сравнения, метонимии, олицетворения. Автором даются пояснения к каждому примеру, взятому из анализируемого текста, обнаруживаются черты антропоморфного кода, определяется его роль в каждом отдельном случае. Существенное внимание уделяется анализу внутреннего мира, характера и особенностей главной героини. В результате исследования доказывается влияние языковых средств выражения антропоморфного кода на восприятие образа персонажей.

Ключевые слова: знак, культурный код, антропоморфный код, олицетворение, метафора, метонимия, образ.

Y.A. Solomon, Zh.V. Klimenko

LINGUISTIC MEANS OF EXPRESSING THE ANTHROPOMORPHIC CODE IN THE WORK OF FRANÇOISE SAGAN "SARAH BERNHARDT. LE RIRE INCASSABLE"

The article considers the linguistic means of expressing the anthropomorphic code on the example of the work by the French author Françoise Sagan "Sarah Bernard. Indestructible laughter". The relevance of this topic lies in the tendency to study culture and language from the point of view of the correct interpretation of linguistic and cultural codes, as well as in the desire to discover the hidden meanings of works of art. The article uses descriptive and structur-

al methods, including observation and interpretation techniques, as well as conceptual analysis. The article reveals the point of the language sign and code. Considerable attention is paid to the importance of the linguistic and cultural code, its decoding and correct perception in the process of communication, as well as in the process of reading works of fiction. The author turns to the definition of the cultural code and discusses one of its types: the anthropomorphic code. The idea is substantiated that the presence of an anthropomorphic code in a work of fiction affects the disclosure of the image of the characters. The main content of the study is the analysis of the work of Françoise Sagan "Sarah Bernhardt. Le Rire Incassable" to identify the anthropomorphic code through stylistic means and its auxiliary function in the formation of the image of the main character. The article provides an analysis of stylistic means found in the text: metaphors, similes, metonymies, personifications. The author explains each example taken from the analyzed text, reveals the features of the anthropomorphic code, and determines its role in each individual case. Considerable attention is paid to the analysis of the inner world, the character and traits of the main character. As a result of the study, the influence of linguistic means of expressing the anthropomorphic code on the perception of the image of characters is proved.

Keywords: sign, cultural code, anthropomorphic code, personification, metaphor, metonymy, image.

В современном мире люди повсеместно сталкиваются со знаками. Мы можем заметить их как в быту, общественной жизни, так и в науке. По словам доктора филологических наук П.В. Чеснокова: «Знак – это чувственно воспринимаемое материальное явление, передающее информацию о другом явлении, материальном или идеальном, в силу условной связи между ними» [1; с. 63]. В культуре знаками могут являться язык, традиции, предметы быта. В семиотике значимость знака определяется кодом.

Определение кода мы можем найти в учебном пособии В.А. Масловой и М.В. Пименовой, в котором говорится, что: «Код – это модель, появившаяся в результате ряда условных упрощений, возникающих, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [2; с. 7]. В языке код устанавливается во время общения, и когда он проходит период становления, говорящие начинают соотносить определенные знаки с определенными понятиями, комбинируя их по определенным правилам.

Таким образом, можно утверждать, что коды играют большую роль в языке, в процессе коммуникации. Однако в письменной речи определение значений кодов может вызвать некоторые сложности, если реципиент не владеет культурным кодом. Это, в свою очередь, сказывается на прочтении и правильном восприятии художественных произведений. Лингвокультурные коды достаточно широко используются в художественной литературе. Художественные произведения часто созданы на базе различных культурных кодов, которые раскрывают особые подтексты того или иного произведения. Владение культурным кодом является важным атрибутом при прочтении художественного произведения, без этого текст покажется непонятным или сложным для восприятия. Из этого вытекает, что человеку необходимо владение не только языковой компетенцией, но и компетенцией того народа, язык которого он изучает.

Определение культурного кода дает профессор и доктор филологических наук Г.В. Токарев: «Культурный код – это совокупность символов и знаков культуры, то есть, если рассматривать культуру как пространство, состоящее из элементов, то роль этих элементов играют культурные коды» [3; с. 89]. Культурные коды классифицируются в зависимости от того, каким базовым образом оперирует. Рассмотрим пример одного из самых известных культурных кодов:

Антропоморфный культурный код продуцирует понимание действительности в форме олицетворения. Основу этого кода составляет перенос конкретных свойств одушевленных предметов на абстрактные явления. Данный код подразделяется на индивидуальный и социальный субкоды.

Индивидуальный субкод представлен гендерными, эмотивными, ментальными метафорами и метафорами характера. В то время как социальный субкод выражается в интерперсональных, религиозных, этических метафорах и метафорах культуры. Таким образом, антропоморфные метафоры создаются человеком по закону подобия с ним самим, наделяя окружающие его явления волей и разумом.

Стоит отметить, что антропоморфный код находит свое выражение не только в метафорах. Человек часто реализует свой внутренний и окружающий мир через антропоморфный код, используя персонификацию, сравнение и даже метонимию. Это мы сможем доказать, анализируя произведение Франсуаза Саган «Несокрушимый смех».

Переходя к анализу произведения, нельзя не сказать несколько слов об авторе. Франсуаза Саган – французская романистка, драматург, автор нескольких десятков романов и театральных пьес. Почти все ее сочинения стали мировыми бестселлерами, получившими высокие литературные премии. Автор обладала удивительным талантом создавать психологический портрет своих героев, а также правдиво и точно передавать обстоятельства, в которые они попадали. Именно эти качества в короткий срок вознесли ее на вершину славы и подарили доверие многочисленной читательской аудитории.

«Сара Бернар. Несокрушимый смех» (“Sarah Bernhardt. Le Rire Incassable”) – один из самых удивительных романов Саган. По сути это личная переписка между известной французской актрисой Сарой Бернар и известной писательницей Франсуаза Саган. Разумеется, в реальности такая переписка не была возможна, так как они жили в разное время, но общие черты этих женщин раскрыли удивительные тайны их личностей. Становится ясно, что героини произведения очень похожи, что существенно влияет на развитие образа персонажей в глазах читателя. В произведении затрагивается тема того, что при любых обстоятельствах необходимо оставаться собой и сохранять свою неповторимость.

Переходя к анализу данного произведения, следует отметить, что найденные нами примеры использования антропоморфного кода открывают читателю дополнительный смысл текста. Наиболее яркими примерами могут являться фрагменты, раскрывающие характер главной героини Сары Бернар. Например, в предложении “Ma gaieté était ailleurs, devant moi, elle précédait ma vie” («Моя веселость заключалась в другом, она опережала меня, предшествовала моей жизни») используется олицетворение “gaieté” (веселость). Благодаря использованию абстрактного существительного “gaieté”, создается впечатление, будто веселый нрав героини был неуправляем и был ее сущностью. Подобный антропоморфный код прослеживается и в “Je ne sais quel insupportable rire me prenait parfois” («не знаю почему, но порой на меня напал неуправляемый смех»), где смех (rire) героини, выраженный абстрактным существительным, становится чем-то одушевленным. Это помогает читателю отчетливо представить, что Сара не могла контролировать свой смех, оправдывая неуправляемость своего нрава. Неудержимый смех главной героини все же не может всецело раскрыть ее образ. Поэтому, мы переходим к примерам, раскрывающим характер главной героини.

Характер героини ярко и отчетливо описывается с применением антропоморфного кода: “j’avais... violence dans le sang qui transformait mes désirs en obligation, mes regrets en désespoir” («В крови моей таилась какая-то неведомая сила, преображавшая мои желания в неприменную необходимость, мои сожаления – в отчаяние»). В данном примере нельзя не отметить одушевление абстрактного существительного «сила» (violence), которая управляла жизнью и поведением героини. Данный код раскрывает ощущения героини на том этапе ее жизни: она не могла усмирить свой нрав и поэтому дает своему характеру некое олицетворение, будто желая обвинить его в своих бедах. Это также подтверждается фразой героини: “j’y découvris mon caractère” («узнала собственный характер»), из которой становится ясно, что героиня считает свой характер отдельной сущностью и пытается узнать его, открыть для себя.

Раскрывая глубже индивидуальный субкод образа главной героини, автор также использует сравнение: “j’étais un bateau lancé dans des rapides” («я была сродни судну, брошенному в поток бурных вод»). Конкретное существительное “bateau” (судно) перенимает на себя образ самой героини, что позволяет читателю понять состояние Сары и ее эмоции. Главный персонаж раскрывается, описывая свой характер, но мы также судим о человеке по отношениям с близкими и детству.

Таким образом, стоит отметить, что не только бешеный нрав Сары Бернар раскрывается с помощью антропоморфного кода, но и жизнь матери главной героини. Примерами могут служить строки: “en proie à des difficultés financières” («терзаемая финансовыми затруднениями»), “leur fortune déplaçait d’appartement en appartement” («судьба перемещала из одного жилища в другое»). В первом примере мы видим, что у матери Сары были финансовые трудности, они будто держали ее в своей власти. Данный прием олицетворения абстрактного существительного «difficultés» (затруднения) использован для описания степени затруднительного финансового положения. Что касается второго примера, в нем утверждается, что судьба (fortune) перемещала мать Сары, силой принуждала ее переезжать с места на место. Такое наделение «судьбы» человеческими качествами дает понять, что герои никак не могли повлиять на ситуацию.

Приведенные выше примеры демонстрируют одни из наиболее употребительных стилистических средств, с помощью которых раскрывается антропоморфный код. Он включает в себя ранее упомянутые художественные средства: метафору, сравнение и олицетворение. Однако рассматриваемый нами код можно обнаружить еще и в метонимии. Произведение Франсуаза Саган является тому доказательством.

Рассмотрим примеры из анализируемой нами книги: 1) “tout mon sang m’y poussait” («все мое нутро подталкивало меня к этому»); 2) “la parfaite sincérité qu’elle refétait, frappèrent...le salon tout entier” («безусловная искренность, которую она выражала, поразили всю гостиную»); 3) “tout Paris, du moins le Tout-Paris qui s’intéressait à moi, sut que je dormais” («весь Париж, по крайней мере, тот весь Париж, который интересовался мной, узнал, что я сплю...»). В первом примере мы снова можем наблюдать, как главная героиня отделяет свой характер от своей личности, превращая его во что-то, что может «подталкивать» ее и «управлять» ее жизнью. Метонимия раскрывается в этом примере с помощью абстрактного существительного «sang». Вторым примером является типичным примером метонимии, где «вся гостиная» (le salon tout entier) становится одним целым, она может поражиться, что-то почувствовать. При этом гостиная, безусловно, подразумевает под собой присутствующих в этой комнате, но она включает в себя антропоморфный код, так как происхо-

дид некая персонификация конкретного существительного «le salon». Обращаясь к третьему примеру, мы снова можем увидеть яркий пример метонимии: «весь Париж» (tout Paris). Париж в данном предложении хоть и является именем собственным, но все же содержит в себе антропоморфный код, так как город «интересуется», «узнает». Это помогает читателю понять, насколько была популярна новость о главной героине и насколько была популярна она сама. Все стилистические средства, разумеется, влияют на восприятие текста, но при обнаружении лингвистического кода в тех или иных высказываниях, читателю открываются новые стороны произведения, глубина мысли автора.

Обнаружение мельчайших деталей может помочь нам открыть для себя порой неожиданные факты о персонаже. Так, например, образ главной героини Сары Бернар и ее внутренний мир раскрывается читателю и в ее окружении. Многие элементы ее дома отображают ее эмоциональное состояние и дают читателю представление о ее личности. Так, мы видим, что стены ее дома имеют большое влияние на ее душевное состояние: “je sanglotais après les herbages bretons entre quatre murs tristes qui suintaient d’ennui et de mélancolie” («я после бретонских трав рыдала среди четырех унылых стен, источавших печаль и скуку»). Героиня чувствует себя плохо в городе, так как не может забыть свободу, которая ощущалась во время пребывания среди «бретонских трав». Стены «источают» скуку и печаль, тем самым влияя на состояние героини, которая любит простор и свободу.

Невозможно не упомянуть любимый предмет в комнате Сары – ее гроб. У главной героини было к нему особое отношение: она одушевляла его, наделяла волей и разумом, что позволяет нам сразу же отметить наличие антропоморфного кода. Изначально Сара говорит о гробе, как о знаменитости, которая пользовалась популярностью во всем Париже: “Ce cercueil était devenu assez célèbre ou assez cocassement pervers pour qu’on lui portât un vague respect” («Гроб этот стал довольно знаменитым или в достаточной мере забавно прочным, чтобы к нему относились с некоторым уважением»). В этих строках читатель понимает, что главная героиня говорит о своем гробе, в котором она предпочитала спать, как о человеке или друге. В этом мы убеждаемся, когда читаем строки: “Le malheureux m’a suivie fidèlement toute sa vie” («Несчастный следовал преданно за мной всю свою жизнь»), “Il mourit avant moi” («Он умер раньше меня»). Сара называет его «несчастный» или же «бедолага», и мы понимаем, что она ценит его и считает своим преданным другом. Этот гроб оказывается единственным местом, где главная героиня может чувствовать себя спокойно и комфортно в своем же доме. Когда гроб уже непригоден для использования, Саре приходится избавиться от него, но она описывает это так, будто он умер. Таким образом, автор раскрывает глубину личности главной героини: она практически не имеет привязанностей к людям, однако такой необычный предмет находит для себя особенно ценным. Нам удалось доказать не только многочисленное использование антропоморфных кодов и стилистических средств в художественной литературе, но и их влияние на восприятие образов персонажей читателем. Наличие лингвистических кодов в художественных произведениях помогает изящно, в полной мере отобразить даже мельчайшие детали, при изучении которых читатель раскрывает для себя новые аспекты произведения даже при повторном прочтении.

Библиографический список

1. Чесноков П.В. Спорные проблемы курса «Общее языкознание». Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 1996. 176 с.
2. Маслова В.А. Коды лингвокультуры: учеб. пособие. М.: Флинта, 2018. 180 с.
3. Токарев Г.В. Лингвокультурология: учеб. пособие. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2009. 135 с.
4. Саган Ф. Сара Бернар. Несокрушимый смех. М.: ООО «Издательство «Э», 2017. 318 с.
5. Sagan F. Sarah Bernhardt le rire incassable. P.: Édition Robert Laffont, S.A., 1987. 246 p.

References

1. Chesnokov P. V. Controversial problems of the course "General Linguistics". Taganrog, 1996. 176 p.
2. Maslova V.A. Codes of linguoculture: a textbook. Moscow, 2018. 180 p.
3. Tokarev G. V. Linguoculturology: a textbook. Tula, 2009. 135 p.
4. Sagan F. Sarah Bernhardt. Indestructible laughter. Moscow, 2017. 318 p.
5. Sagan F. Sarah Bernhardt le rire incassable. P.: Édition Robert Laffont, 1987. 246 p.

УДК 82-3; 398

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.67.68.015

*Челябинский государственный университет
доцент кафедры русского языка и литературы,
кандидат филологических наук,
Мешкова О.В.
Россия, Челябинск,
Тел. +7 (351) 799-70-23
ru-tochka@mail.ru*

*Chelyabinsk State University
Associate Professor at the Department of Russian
Language and Literature
Candidate of Sciences in Philology
Meshkova O.V.
Russian Federation, Chelyabinsk.,
Tel. +7 (351) 799-70-23
ru-tochka@mail.ru*

О.В. Мешкова

АРТ-ФОЛЬКЛОРИЗМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ЭПОХУ ЭКРАННОЙ КУЛЬТУРЫ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Статья продолжает цикл публикаций автора, посвященных фольклоризму современной русской литературы. Выбор в качестве предмета анализа произведений, приметой которых, с одной стороны, является кинематографичность, а с другой – обращение к устному народному творчеству, не случаен: современная культурная парадигма, обусловленная «экраноцентричностью», манифестирует особый тип отношения и к фольклорным образам, и к их воплощению в художественном тексте. На материале репрезентативных произведений (к ним отнесены такие романы, как «2017» О. Славниковой, «Пищевлок» А. Иванова, «Финист – ясный сокол» А. Рубанова) проясняется своеобразие фольклоризма, который автором статьи обозначается как арт-фольклоризм. Атрибутом этого типа фольклорно-литературно-кинематографического взаимодействия становится достижение посредством выразительных возможностей слова аудиально-визуальной экспликации фольклорных образов в литературном тексте. Известные читателям персонажи быличек, преданий, легенд, сказок и т.д. за счет используемых в произведениях художественной литературы монтажа разноплановых сцен, аудиальных и визуальных эффектов, стоп-кадра и т.д. становятся не просто зримыми, но зрелищными, обретают кинопотенциал, который может быть реализован при съемках фильмов по подобным текстам. Иными словами, в исследуемых произведениях литературы репрезентация художественного мира, наполненного образами, мотивами, истоки которых обнаруживаются в УНТ, учитывает интересы читателя с развитым визуальным восприятием и осуществляется писателями, виртуозно владеющими разнообразными приемами кинопоэтики. Арт-фольклоризм, порожденный взаимодействием искусств, свидетельствует о том, что, во-первых, смыслопорождающий потенциал фольклорных мотивов и образов не исчерпаем, а во-вторых, сегодняшняя литература конденсирует в своем пространстве и художественные традиции, уходящие корнями вглубь времен, и открытия, соответствующие стилевым поискам нашей эпохи.

Ключевые слова: арт-фольклоризм, кинематографичность, Славникова, Иванов, Рубанов.

O.V. Meshkova

ART-FOLKLORISM OF DOMESTIC LITERATURE DURING THE EPOCH OF SCREEN CULTURE (PROBLEM STATEMENT)

The article continues the author's cycle of publications dedicated to the folklorism of modern Russian literature. The choice of the subject of the analysis, where the key feature, on one hand, is cinematicity, and, on the other hand, the usage of folklor is not a coincidence: the modern cultural paradigm dependant on "screen-centricity" dictates a very specific attitude to folkloristic characters and their performance in fictional text. Based on the materials of representative works (including "2017" by O. Slavnikova, "Pischeblok" by A. Ivanov, "Finist - yasny sokol" by A. Rubanov) it's possible to identify the originality of folklorism, named by the article's author as art-folklorism. The symbol of this type of interaction between folklor, literature and cinematography becomes the achievement of the explication of folk images within the text with the help of expressive means of the word. The characters of fables, stories, legends and fairy tales familiar to the reader become not just visible, but spectacular with the help of the editing of diverse scenes, audio and visual effects and get the potential of being a cinema character that can be even realized during the shooting. In

other words, within the studied literary works the representation of fictional worlds filled with images and motives the basis of which are found in folklore, considers the interests of the readers with developed visual perception, and is created by the authors who masterly manage various methods of cinema language. Art-folklorism, created by the interaction of several types of arts, shows that, first of all, the sense-generating potential of folk motives and images is inexhaustible and, secondly, modern literature is uniting in its nature both fictional traditions, going deep in time, and the innovations correlating with the search of style of our epoch.

Key words: art-folklorism. cinematicity, O.Slavnikova, A.Ivanov, A.Rubanov

Исследовательский интерес к вопросам взаимодействия литературы и фольклора в настоящее время не случаен: ответы на эти вопросы в общенаучном плане способствуют углублению теории литературного фольклоризма, а в историко-литературном – расширяют представления о своеобразии текущего литературного процесса. Именно поэтому работы, составившие, по сути, «золотой фонд» теории литературного фольклоризма (сюда следует отнести открытия У.Б. Далгат [1], Д.Н. Медриша [2], А.И. Лазарева [3], А.А. Горелова [4] и др.), в XXI в. актуализируются в статьях современных исследователей и становятся отправной точкой научных изысканий. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают труды, в которых ученые стремятся систематизировать все многообразие связей литературы и фольклора и обращаются к сохраняющему дискуссионный характер вопросу типологии литературного фольклоризма. Так, «фольклорная парадигма русской литературы последней трети XX века» стала предметом изучения Л.Н. Скаковской. Исследователь выделяет три типа взаимодействия фольклора и литературы в зависимости от творческих задач, которые решают писатели: 1) в реалистической литературе проявляются «прямая преемственность и творческое обогащение фольклорных традиций»; 2) в «условно-метафорической прозе» – «творческое переосмысление художественных средств» фольклора [5; с. 38]; 3) в прозе «новой волны» – «нарративные приемы и фантастика фольклорных образов» [5; с. 39].

В изысканиях В.В. Головина и О.Р. Николаева на материале русских литературных текстов Нового времени выстраивается «типология функциональных полей» [6; с. 18]. Невозможно не обратить внимания на параллель, которую исследователи проводят между «казачьими узелками» [6; с. 18] и знаками в тексте, которые надо «выбрать и развязать» [6; с. 18] для глубокого понимания произведения. Девять функциональных полей, зафиксированных исследователями, учитывают следующие уровни литературно-фольклорного взаимодействия: «рефлексия автора над фольклором» [6; с. 18], особенности «экспликации фольклорно-литературного взаимодействия в тексте» [6; с. 18] и «прогнозируемое читательское восприятие этого взаимодействия» [6; с. 18].

Заметим, что как в классических, так и в современных работах обоснование той или иной номинации типа литературного фольклоризма мотивировано разнообразными факторами, в частности, привлекаемым иллюстративным материалом. Памятуя же о том, что фольклорно-литературное взаимодействие – это перманентный процесс, сопровождающийся разнохарактерными отношениями – от органичного освоения и ретрансляции известных моделей до генерирования новых типов взаимодействия, – можно смело утверждать, что номинации типов литературного фольклоризма будут множиться.

В продолжение поиска образов, наглядно иллюстрирующих научную проблему, можно сравнить многообразие имеющихся фольклорно-литературных связей с причудливыми узорами, заставляющими размышлять и об индивидуальном мастерстве автора, и о внешних факторах, под влиянием которых происходит кристаллизация стиля писателя. Заметим, что определенные закономерности в создании такого «узора» рождаются под влиянием культурно-исторического периода, в который создается произведение. Подобное наблюдение в той или иной форме находит отражение в трудах многих фольклористов и может быть проиллюстрировано текстами, возникающими в настоящее время, в так называемую «цифровую эпоху» [7], или «визуальный» этап развития культуры [8; с. 9].

Следует подчеркнуть, что сравнительно-типологический анализ художественных произведений, созданных в последние десятилетия, позволил литературоведам говорить прежде всего об очевидных тенденциях, порождаемых социально-культурной парадигмой. Так, Т.Н. Маркова отмечает, что «культура XX века стала объектом экспансии со стороны аудиовизуальных и электронных средств коммуникации – кино, телевидения» [9; с. 132]. Безусловно, в поле этого воздействия оказываются все составляющие известной триады «писатель – текст – читатель», что влечет за собой и расширение горизонта филологических изысканий. Об этом свидетельствуют многочисленные статьи, посвященные разработке теории интермедальности в целом, а в частности – вопросам взаимодейст-

вия литературы с экранной культурой, оказывающей особое влияние на современного читателя. В этих условиях, на наш взгляд, важно понять, как вышеназванные процессы обнаруживают себя в художественных произведениях, авторы которых для решения своих творческих задач обращаются к фольклору. Цель предлагаемой статьи – на материале репрезентативных текстов обозначить тенденции в фольклорно-литературном взаимодействии в эпоху доминирования экранной культуры, установить особенности фольклоризма произведений, приметой которых является кинематографичность.

К постановке этой научной проблемы, по сути, приближаются литературоведы, обращающие внимание на то, как создаются в некоторых современных произведениях образы, фольклорные корни которых очевидны. Так, В.В. Абашев, анализируя роман О. Славниковой «2017», делает выводы об особенностях «интермедиальных трансформаций» горной мифологии П.П. Бажова в произведении этой уральской писательницы: О. Славникова, по мнению ученого, «создает сценарии визуализации в духе новейшей экранной культуры» [10; с. 153], обращаясь к сказам уральского писателя.

Подобные тенденции – неподдельный интерес (прямой или опосредованный) к УНТ, с одной стороны, а с другой – своеобразная, обусловленная влиянием экранной культуры, репрезентация фольклора в художественном произведении – с очевидностью проявляются и в ряде произведений современных авторов. Интермедиальные трансформации, протекающие в современной литературе, рождают фольклоризм, являющийся следствием этих процессов: вербально-визуально-аудиальный полилог, нацеленный на то, чтобы текст стал многомерным, синтетичным, проявляется в особом типе фольклоризма, который мы называем *арт-фольклоризмом* [11]. Для подобного типа фольклорно-литературного взаимодействия характерна, во-первых, экспликация фольклорных мотивов, образов в литературном тексте, а во-вторых, привлечение ресурсов других видов искусства (в настоящее время преимущественно кинематографа) для достижения этого результата.

Источниками фольклорных образов для писателей чаще всего выступают сказки и несказочная проза – былички, предания, легенды. При этом авторы, используя богатый арсенал выразительных возможностей слова, не просто визуализируют фольклорные образы, но делают их *зрелищными*, не изображают происходящее, а *показывают*. Этот эффект достигается за счет средств кинопоэтики: монтажа разноплановых сцен, аудиальных и визуальных эффектов, стоп-кадра и т.д.

Обратим внимание на фрагмент уже названного выше романа О. Славниковой «2017». В тексте, где главными персонажами являются хитники (кладоискатели), «истинные рифейцы», закономерным является повествование о Великом Полозе, известном как по текстам Бажова, так и по многочисленным преданиям, распространенным на Урале. О. Славникова не спорит с традицией, когда пишет, что это «подземный змей», однако далее стремится сделать изображение максимально наглядным, выстраивая соответствующим образом сравнительный ряд. Чтобы читатель представил голову существа, Славникова напоминает фрагмент поэмы Пушкина («...Этот подземный змей с головой огромного старика может явить человеку картину, подобную хрестоматийной сцене из “Руслана и Людмилы”» [12; с. 41]), а при описании тела змея прибегает к иллюстрации иного плана: прерывает статичное изображение этого хранителя подземных богатств («Тело его, протягиваясь кольцами перед оторопевшим старателем» [12; с. 41]), использует кажущееся на первый взгляд весьма прозаичным сравнение движения тела со «сружаемым с самосвала потоком грохочущего гравия» [12; с. 41]. Акустическое оформление (грохот гравия), которое сопровождает происходящее (к слову, автор использует возможности аллитерации, повторяя звуки *p*, *з*, *с*), и общий план, где читатель/зритель видит картины, наполненные спецэффектами («поднимается пыль, шевелятся побелевшие кусты, земля местами проседает, образуя морщинистую траншею» [12; с. 41]), делает происходящее по-настоящему зрелищным. Фольклорный образ становится многомерным, словно увиденным в объектив кинокамеры. Принципиальное отличие от традиционного описания состоит в том, что дается последовательность изображений, то есть раскадровка, которая «оживляет» картину. Иными словами, в художественном образе, созданном в произведении литературы, заложен кинематографический потенциал.

Остановимся на тексте другого уральского автора – А. Иванова. В романе «Пищевлок» [13] действие происходит летом олимпийского 1980 года. Воссоздавая на страницах произведения быт пионерского лагеря «Буревестник», где и разворачиваются события, автор не забывает как о регламентированных, придуманных взрослыми, формальных атрибутах загородного отдыха советского подростка: линейках, речовках, кружках и др., – так и о традициях, которые выстраивают и передают из поколения в поколение сами дети. Роман А. Иванова превращается в энциклопедию подросткового фольклора: разнообразные страшные истории, дразнилки, считалки, песенки и т.д. органично вписываются в ткань повествования, формируя представление о живом детском общении. Заметим, что

фольклор в этом случае используется для создания правдоподобного образа детского пионерского лагеря. Парадная, явная сторона жизни детей дополняется таинственной, без которой невозможно было бы представить ни одну лагерную смену. Атмосферу загадочности автор создает начиная с пролога, содержание которого напрямую связано с имеющими хождение в подростковой среде страшными историями («страшилками»). Предваряющий основные события пролог состоит из двух частей: первая – рассказ вожатого об оживающей по ночам гипсовой статуе горнистки, спрыгивающей с постамента и разыскивающей «тех, кто разрушил барабаничку» [13; с. 8]. Как и в фольклорных страшных историях, система персонажей которых имеет стереотипный характер, подобные герои в романе представляют угрозу для людей: гипсовая девочка, «если встретит в лагере кого-нибудь после отбоя, то без всякой жалости задушит каменными руками» [13; с. 8].

Вторая часть пролога не просто поддерживает эту историю, но переводит ее в иной регистр – воображаемое время и пространство, в которых происходят события «страшилки», и реальные (пионерлагерь летом 1980 г.) совмещаются: пионер, решивший проверить подлинность рассказа вожатого, видит на аллее лагеря ожившую статую горнистки. Кинопоэтика, которой, без сомнения, владеет А. Иванов, позволяет *показать* происходящее. Визуальный ряд (*безлюдная аллея, свет фонарей*), дополненный аудиальным («*Едва слышно шептала листва. Где-то вдали выла собака*» [13; с. 8]), нагнетает страх («*Мальчик очень боялся*» [13; с. 9]) и предваряет появление гипсовой девочки. Амплификация, используемая автором (*Белая блузка. Белая юбка. Белый пионерский галстук. Белые руки и ноги, белое безглазое лицо, белые каменные косы* [13; с.9]), наряду с соответствующей цветовой палитрой, с одной стороны, возвращают читателя к традиционным фольклорным страшилкам, в которых эти приемы применяются юными рассказчиками для усиления эмоционального воздействия на слушателя, с другой – позволяют, как в кино, последовательно вглядываться в фигуру, переводя взгляд с одной ее части на другую под руководством автора. Не случайно особое место в создании образа горнистки занимает и описание ее походки: «*Идет медленно. Как-то неуверенно, словно не привык ходить*» [13; с. 9]. Как руководство «для господ актеров» построена следующая характеристика движений девочки: «*При каждом движении эта девочка странно подрагивала всем телом, будто в ней что-то ломалось*» [13; с. 9]. Образ, созданный в этих фрагментах текста, утрачивает приметы исключительно фольклорного, причем процесс трансформации представляется многоступенчатым: из детских страшилок образ гипсовой девочки как будто сначала переходит в кино, а уже затем писатель пересказывает увиденное.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что, как и былички, детские «страшилки», обладают очевидным потенциалом визуализации: динамика происходящего, острота сюжета, драматизм событий, необычность образов, свойственные этому жанру фольклора, являются следствием работы детского воображения, превращающего окружающий мир в одушевленный, подвижный. Эти ценные ресурсы, обогащенные литературно-экранными традициями, в романе А. Иванова активно используются: достигнутые в прологе психологическое напряжение, таинственность и зрелищность сохраняются в основной части произведения, сюжетобразующим в которой становится мотив противостояния вампирам. Читатель/зритель наблюдает за тем, как постепенно страшные истории перестают быть фрагментами детских рассказов и становятся частью жизни: вампиры, обосновавшиеся в лагере, пьют кровь пионеров и вожатых и превращают их в «правильных» представителей общества.

Образ вампира, являющийся мифологическим по происхождению (вампир, согласно поверьям, покойник, выходящий ночью из могилы), фольклорным (встречается в быличках, страшилках и др.), литературным («Вурдалак» А.С. Пушкина, «Упырь» А.К. Толстого, «Дракула» Б. Стокера и т.д.) и кинематографическим (многочисленные экранизации романа Стокера, вампирские саги) по бытованию, в «Пищевлоке» складывается из узнаваемых элементов, которые при этом, как в калейдоскопе, дают новый узор. Читатель романа не только следит за развитием сюжета, но и вовлекается в игру: необходимо разгадать природу новых вампиров, что в действительности означает понять авторский замысел. Универсальный механизм сопоставления с претекстами использован в самом романе. Герои произведения соотносят увиденное со своими знаниями: пионер Валерка со страшилками («*Я наслушался страшных историй, вот мне и снятся кошмары!..*» [13; с. 53]) и рассказами взрослых («*Всё равно вампир – это бред, злая сказка, бабкины суеверия*» [13; с. 80]), студент-филолог Игорь Корзухин с художественными произведениями. Показателен в этом плане диалог героев:

– Вот скажи, Валер: Лёва и Вероника – они мёртвые?

– На мёртвых не похожи, – осторожно выдал Валерка <...>

– *Наши вампиры едят обычную еду. Спят. Нисколько не боятся солнца. Это не персонажи Голя, которые встают из могил...* [13; с.133].

Иванов последовательно проводит мысль о том, что для понимания романа недостаточно стереотипных представлений о вампирах. В результате читатель романа вслед за героями произведения проходит стадии постижения сути наблюдаемых явлений: от отрицания (существование вампиров невозможно) через констатацию фактов (вампиры в лагере) к пониманию природы происходящего (это другие вампиры).

В одном из интервью автор, поясняя свой замысел, предложил тем, кто занят поисками «ключа к роману», заменить «понятие «вампиризм» понятием «идеология» [14]. Если в фольклоре вампир «может свести в могилу всю свою семью, отнять здоровье у родных» [15; с. 60], то в романе «Пищевоблок» укусы вампира лишают человека искренности чувств, душевности, неординарности. Показательно, что, трансформируя известный фольклорно-литературный образ в соответствии с художественной задачей и идейным замыслом, Иванов при этом актуализирует важнейшее свойство вампиризма, уходящее корнями в УНТ, – враждебность человеческой природе.

Игра с фольклорными образами в романе происходит и на уровне их репрезентации. В основной части романа очевидное развертывание аудиально-визуальной изобразительности призвано сделать явным, зримым мир таинственный, так чтобы, говоря словами героя романа Игоря Корзухина, *«невозможная реальность вампира была очевидна»* [13; с.130]. Решает такую творческую задачу переход от рассказа о вампирах к их показу, то есть к созданию по-настоящему зрелищных сцен. Примечательно «прозрение» Горь-Саньича: он окончательно поверит в рассказы Валерки Лагунова о вампирах, хозяйничающих в лагере, только после того как увидит изменившуюся Веронику: *«Он перевёл взгляд на окно и за стеклом, бликующим от лампы, увидел лицо Вероники – очень бледное, невыразимо прекрасное, с огромными провалами чёрных глаз»* [13; с.129]. Читатель, мысленно следуя за взором героя, превращается в зрителя: художественное слово используется А. Ивановым таким образом, что перевод литературных образов в экранные вполне возможен. Если в тексте автор дает портретную зарисовку, в которой особое значение придается художественным деталям (*бледное лицо, провалы черных глаз*), то на экране это может быть подчеркнуто переходом от общего плана к крупному. В следующем фрагменте (*Вероника не залезала в окно – её нечеловеческую пластику нельзя было назвать словом «залезала», – она как-то вместились в проём, немисливо изгибая руки, ноги и тело* [13; с.130]) автор сам как будто подсказывает, что не всему можно дать определение, подобрать слова (*нельзя было назвать словом «залезала»*) [13; с.130]), нужно представить происходящее, увидеть. В этом, как и в других фрагментах текста, образ вампира, созданный посредством слова, ориентирован на читателя с развитым визуальным восприятием.

Фольклорно-литературно-кинематографическое взаимодействие в романе Иванова таково, что образы, имеющие фольклорные истоки, в тексте произведения посредством литературно-кинематографического инструментария, используемого автором, обретают и художественную выразительность, которая интересна читателю, и кинематографический потенциал, который может активировать режиссер (не случайно в 2021 г. уже вышел на экраны сериал по роману «Пищевоблок»).

Арт-фольклоризм отчетливо проявляется и в романе «Финист-ясный сокол» А. Рубанова [15]: кинематографические приемы, которыми владеет сценарист А. Рубанов, порождают особую стратегию миромоделирования писателя Рубанова. Возникающее при этом вербально-визуальное единство подчеркнуто в самом романе – в диалоге главной героини, Марьи, с глумилой; последний не верит в рассказы о Вертограде, Марья же, возражая собеседнику, утверждавшему, что она не видела небесного города, говорит: *«Видела! <...> Он рассказывал, а я – видела!»* [16; с.156–157].

Как и в народной сказке, Марья отправляется на поиски Финиста. Сохраняя этот мотив в качестве сюжетобразующего, автор вовлекает в его орбиту немало персонажей (например, Горына, ведьму Язву, мавок, Соловья и мн. др), выполняющих разнообразные функции, что приводит к увеличению сюжетных линий, а в итоге – к созданию трехчастного романа, в котором проявляются приметы сериала. Используя выразительные возможности слова, автор и рассказывает о героях, и *показывает* их: крупный и общий планы, аудиально-визуальный монтаж, стоп-кадры и другие средства киноязыка, активно эксплуатируемые в романе, способствуют созданию зрелищных сцен (например, гульбище в Резане, бой с Горыном, суд над Соловьем), зримых образов, каковыми являются не только Финист и Марья, но ведьма Язва, жена Финиста – Цесарка, помощники Марьи – глумила Иван Корень, кожедуб Иван Ремень, изгнанник Соловей и мн. др. Эксплицитность кинематографического кода проявляется на всех уровнях романа А. Рубанова.

Ряд художественных произведений, приметой которых является арт-фольклоризм, несомненно, может быть продолжен, ибо современная культурная парадигма, обусловленная «экраноцентричностью», манифестирует соответствующий тип отношения в том числе и к фольклорным образам и мотивам.

Подводя итоги, следует отметить, что кинематографичность современной литературы [17] заставляет размышлять не только об экспансии экранной культуры, но и о взаимодействии искусств в целом, которое в разные эпохи нередко приводило к экспериментальным явлениям и стимулировало поиски способов расширения воздействия на реципиента. Явленный в современных художественных произведениях фольклорно-литературно-кинематографический синтез свидетельствует о том, что, во-первых, смыслопорождающий потенциал фольклорных мотивов и образов не исчерпаем; во-вторых, изобразительно-выразительные возможности слова настолько обширны, что приметой произведений литературы может стать и музыкальность, и живописность, и кинематографичность и т.д.; в-третьих, арт-фольклоризм современных писателей дает представление о сегодняшней художественной литературе как о явлении, конденсирующем в своем пространстве и художественные традиции, уходящие корнями вглубь времен, и открытия, соответствующие стилевым поискам нашей эпохи.

Несомненно, постижение специфики арт-фольклоризма возможно путем обстоятельного анализа репрезентативных текстов, чему, на наш взгляд, будут способствовать обозначенные в статье векторы изучения этого явления.

Библиографический список

1. Далгат У.Б. Литература и фольклор: Теоретические аспекты. М.: Наука, 1981. 303 с.
2. Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1980. 296 с.
3. Лазарев А.И. Типология литературного фольклоризма: на материале русской литературы: учебное пособие. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1991. 94 с.
4. Горелов А.А. К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» // Русский фольклор. Л.: Наука, 1979. Т. XIX. С. 31–48.
5. Скаковская Л.Н. Фольклорная парадигма русской прозы последней трети XX века: автореф. дис. ...докт. филол.наук. Тамбов, 2004. 45 с.
6. Головин В.В., Николаев О.Р. «Узелковое письмо» фольклоризма: прагматика литературно-фольклорного взаимодействия в русских литературных текстах Нового времени // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов. Сборник научных статей. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2013. С. 16–54.
7. Черняк М.А. Проза цифровой эпохи. Тенденции, жанры, имена: учебное пособие. М.: Флинта, 2018. 326 с.
8. Солдаткина Я.В. Литература в звуке, цвете и движении: историко-литературные основы медиасловесности: учебно-методическое пособие. М.; Берлин : Директ-Медиа, 2019. 264 с.
9. Маркова Т.Н. Кинематографические приемы как проявление формотворчества современной прозы // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 132–136.
10. Абашев В.В. Интермедиаальные трансформации горной мифологии П.П. Бажова в романе Ольги Славниковой «2017» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1 (25). С.145–158.
11. Мешкова О.В. Арт-фольклоризм романа А. Рубанова «Финист – ясный сокол» // Филология и культура. 2022. № 3 (69). С. 120–127.
12. Славникова О.А. 2017. М.: АСТ, 2017. 703 с.
13. Иванов А.В. Пищевые блок. М.: АСТ, 2018. 218 с.
14. «Постоять в стороне от зла невозможно». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3791870> (дата обращения: 18.10.2022)
15. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.: Междунар. отношения, 2002. 512 с.
16. Рубанов А.В. Финист – ясный сокол. М.: АСТ, 2019. 567 с.
17. Мартыанова И.А. Кинематографичность литературного текста (на материале современной русской прозы) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2017. № 1. С. 136–141 .

References

1. Dalgat U.B. Literature and folklore: Theoretical aspects. Moscow: Nauka, 1981. 303 p.

2. Medrish D.N. Literature and folklore tradition: Questions of poetics. Saratov: Sarat Publishing House. un-ta, 1980. 296 p.
3. Lazarev A.I. Typology of literary folklore: based on the material of Russian literature: textbook. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 1991. 94 p.
4. Gorelov A.A. To the interpretation of the concept of "folklore literature" // Russian folklore. L.: Nauka, 1979. Vol. XIX. pp. 31-48.
5. Skakovskaya L.N. Folklore paradigm of Russian prose of the last third of the twentieth century: abstract. dis. ...doct. philol.sciences'. Tambov, 2004. 45 p.
6. Golovin V.V., Nikolaev O.R. "Nodular writing" of folklorism: pragmatics of literary-folklore interaction in Russian literary texts of Modern Times // Towards the Third All-Russian Congress of Folklorists. Collection of scientific articles. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore, 2013. pp. 16-54.
7. Chernyak M.A. Prose of the digital age. Trends, genres, names: textbook. Moscow: Flint, 2018. 326 p.
8. Soldatkina Ya.V. Literature in sound, color and movement: historical and literary foundations of media language: an educational and methodological manual. M.; Berlin : Direct-Media, 2019. 264 p.
9. Markova T.N. Cinematographic techniques as a manifestation of the form-making of modern prose // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2017. No. 1. pp. 132-136.
10. Abashev V.V. Intermediate transformations of mountain mythology by P.P. Bazhov in Olga Slavnikova's novel "2017" // Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology. 2014. No. 1 (25). pp.145–158.
11. Meshkova O.V. Art-folklore of A. Rubanov's novel "Finist – clear falcon" // Philology and Culture. 2022. No. 3 (69). pp. 120-127.
12. Slavnikova O.A. 2017. Moscow: AST, 2017. 703 p.
13. Ivanov A.V. Food department. M.: AST, 2018. 218 p.
14. "It is impossible to stand aside from evil". [Electronic source]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3791870> (accessed: 18.10.2022)
15. Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary. Moscow: International. relations, 2002. 512 p.
16. Rubanov A.V. Finist – yasny sokol. M.: AST, 2019. 567 p.
17. Martyanova I.A. Cinematography of literary text (based on the material of modern Russian prose) // Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University. 2017. No. 1. pp. 136-141.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 821.161.1(092)

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.52.64.016

*Институт узбекского языка, литературы и фольклора,
старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, профессор,
Баракаев Р.,
Республика Узбекистан, Ташкент,
тел. 998-93-392-71-70
e-mail: rahmatulla1954@mail.ru*

*Institute of Uzbek Language, Literature and Folklore,
senior researcher,
Candidate of Philological Sciences,
Professor,
R. Barakaev,
Republic of Uzbekistan, Tashkent,
tel. 998-93-392-71-70
e-mail: rahmatulla1954@mail.ru*

Р. Баракаев

ИЗ ИСТОРИИ РАННИХ ПЕРЕВОДОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л.Н. ТОЛСТОГО НА УЗБЕКСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация: в статье исследуется история первых переводов маленьких произведений Льва Толстого на узбекский язык, сделанных в начале XX века, а также рассматривается перевод детских произведений великого писателя в «Азбуке», «Новой Азбуке» и состоящей из четырех частей «Книге для чтения» на узбекский язык. Эти переводы с русского языка оцениваются в практике узбекского перевода как первые шаги. Делаются выводы об эффективном влиянии этих переводов, заменивших азбуку и книги для чтения в узбекских школах нового типа («усули джадидия» или «усули савтия»), на узбекскую детскую литературу, которая только начинала формироваться. Определена роль узбекских переводов маленьких произведений, созданных Львом Толстым для детей, в формировании узбекской детской литературы как адресной литературы. При повторном классифицировании ранних узбекских переводов маленьких произведений Льва Толстого обнаружено более десяти новых переводов небольших сочинений и выявлены их варианты, выполненные разными авторами. В процессе перевода местами на примере оригинала и его варианта, воссозданного Львом Толстым, прослеживается влияние образцов устного творчества разных народов на произведения, созданные писателем для детей, а также путем сравнения нескольких переводов одного и того же произведения выдвигаются идеи для определения их художественности. На основе сравнительного исследования произведений с одним и тем же сюжетом, встречающиеся среди произведений творцов разных народов, а также на основе фактического материала, приходится к выводу, что на самом деле эти произведения являются продуктом «бродячих сюжетов», встречающихся в устных творчествах разных народов.

Ключевые слова: Лев Толстой, ранние переводы, просветительская литература, узбекская детская литература, басня, сказка.

R. Barakaev

TO THE HISTORY OF EARLY TRANSLATIONS OF L.N. TOLSTOY'S WORKS INTO UZBEK

Abstract: This article explores the history of the first translations of the little works of Leo Tolstoy into the Uzbek language, made in the early twentieth century, and examines the translation of the children's works of the great writer in the "ABC Book", "New ABC Book" and consisting of four parts of "The book for reading" in the Uzbek language. These translations are evaluated in the practice of Uzbek translation as the first steps from the Russian language. The conclusions are made about the effective impact of these translations, which replaced the alphabet and reading books in Uzbek schools of a new type ("usuli jadidiya" or "usuli savtiya"), on the Uzbek children's literature, which had just begun to form. The role of Uzbek translations of small works created by Leo Tolstoy for children in the formation of Uzbek children's literature as address literature has been determined. The re-classification of early Uzbek translations

of Leo Tolstoy's small works revealed more than ten new translations of small works and identified their variants made by different authors. In the process of translation in places by the example of the original and its variant, reconstructed by Leo Tolstoy, the influence of the samples of oral works of different peoples on the works created by the writer for children is traced, and by comparing several translations of the same work, ideas are put forward to determine their artistry. On the basis of a comparative study of works with the same plot found among the works of creators of different peoples, as well as on the basis of factual material, we come to the conclusion that in fact these works are the product of "stray plots" found in the oral works of different peoples.

Keywords: Leo Tolstoy, early translations, educational literature, Uzbek children's literature, fable, fairy tale.

Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой впервые «посетил» дом узбекского читателя в 1887 году. Перевод рассказа «Чем люди живы?», опубликованный в «Туркистон вилоятининг газети» от 10 октября 1887 года стал преамбулой к переводу произведений великого писателя на узбекский язык. Перевод этого рассказа в том же году также был опубликован в виде отдельной книжки.

Второе произведение Льва Толстого, переведенное на узбекский язык, также было представлено узбекскому читателю на страницах 8–9-номеров «Туркистон вилоятининг газети» в 1902 году (хотя в оригинале этот рассказ назывался «Бог правду видит, да не скоро скажет», в газете заголовок рассказа не был переведен).

По словам известного узбекского поэта Хаида Алимджана, эти религиозные рассказы были сознательно переведены русским миссионером Остроумовым, то есть «он не намеревался передавать узбекскому народу лучшие произведения Л.Н. Толстого» [Олимжон Ҳамид. 1960: 321].

Вероятно, в связи с преобладанием этой идеи в узбекском переводоведении до середины 60-х годов XX века, только эти рассказы вошли в четырехтомный сборник «Ўзбек адабиёти» («Узбекская литература») (1960). Однако в результате исследований известного переводоведа, профессора Дж. Шарипова было найдено еще 32 небольших произведений Л.Н. Толстого, переведенных на узбекский язык до 1917 года [Шарипов Ж. 1965: 357-375]. «Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что до Октябрьской революции на узбекский язык было переведено в целом 34 произведения Л.Н. Толстого с двумя ранее известными рассказами», – заключает автор [Шарипов Ж. 1965: 317].

Признавая большой вклад Дж. Шарипова в изучении первых переводов произведений Льва Толстого, следует отметить, что на сегодня эти сведения сильно устарели. Дальнейшие исследования также показывают, что эти данные не лишены некоторой путаницы [Баракаев Р. 1985: 34-43]. Например, говоря о переводах басен И.А. Крылова, переводчик констатирует «Волка и журавля» как произведение и Л.И. Крылова, так и Льва Толстого, которая встречается среди произведений обоих авторов, на самом деле является басней Эзопа. Мы уже упоминали, что она переведена на узбекский язык через вариант И.А.Крылова. Это означает, что все произведения, упомянутые Дж.Шариповым как переводы произведений Льва Толстого, необходимо повторно сравнить с оригиналом.

Сравнительное изучение произведений Льва Толстого с переводами дало следующий результат (при сравнении переводов с оригиналом за основу были взяты 32 произведения, определённые Дж. Шариповым).

Переводы в книге для чтения «Муаллими соний» («Второй учитель») А. Калинина [Калинин А. 1903, далее страницы будут указываться в скобках]:

1. «Старик и смерть» (Басня Эзопа) [Толстой Л.Н. 21, 1957: 373, далее том и страница будут указываться в скобках] – «Чол билан ажал» (16).
2. «Мужик и огурцы» (21, 113) – «Бир мужикнинг бодринг ўғирлагани» (20).
3. «Зайцы и лягушки» (Басня Эзопа) (22, 207) – «Куён билан қурбақалар» (19).
4. «Два товарища» (Басня Эзопа) (22, 561-562) – «Икки дўст» (23).
5. «Мужик и водяной» (Басня Эзопа) (22, 566-567) – «Мужик билан сув подшоши» (25).
6. «Тетерев сидел на дереве» (21, 77) – «Тулки билан Тустовук» (25-26).
7. «Петр Первый и мужик» (Бессонова) (22, 238-240) – «Подшо билан мужик» (26).
8. «Галка и голуби» (Эзоп) (22, 75) – «Зоғча билан кабутарлар» (28).
9. «Черепашка и орел» (Эзоп) (22, 70-71) – «Бургут билан тошбақа» (30).
10. «Волк и журавль» (Басня Эзопа) (22, 206) – «Бўри билан турна» (30).
11. «Волк и мужик» (22,557) – «Яхшиликға ёмонлик» (34).
12. «Лев, волк и лисица» (Эзоп) (22, 563-564) – «Шер, бўри ва ҳам тулки» (37).
13. «Как мужик гусей делил» (21, 210-211) – «Бир мужикнинг ғоз тақсим қилғони» (50).
14. «Лошадь и конюх» (Эзоп) (21, 116) – «Хизматкор билан от ҳикояси» (1).
15. «Собака и ее тень» (Басня Эзопа) (22, 205) – «Ит» (13).

16. «Китайская царица Силиничи», «Как научились бухарцы разводить шелковичных червей» (21, 119-123) – «Ипак курти» (61).

17. «Слепой шел домой» (21, 44) – «Кўр киши» (?).

Переводы в книге «Хрестоматия, яъни терма китоб» («Хрестоматия») С.Оқоева [Оқоев С. 1912, далее страницы будут указываться в скобках]:

18. «Осел в львиной шкуре» (Эзоп) (22, 203) – «Эшак» (9).

19. «Царь и рубашка» (22, 568-569) – «Подшо ва кўйлак» (10).

20. «Как вор сам себя выдал» (21, 127) – «Ўзи тутилган ўғри» (11).

21. «Царь и сокол» (22, 377) – «Подшо билан қарчиғай» (13).

22. «Ворон и воронята» (22, 571-572) – «Қарға билан уяси» (20).

23. «Олень» (Эзоп) (22, 370) – «Буғу» (24).

24. «Садовник и сыновья» (Эзоп) (22, 205-206) – «Боғбон» (38).

25. «Осел и лошадь» (Эзоп) (22, 74) – «От билан эшак» (40).

26. «Отец и сыновья» (Эзоп) (22, 208-209) – «Отаси билан болалари» (41).

27. «Лев, осел и лисица» (Эзоп) (22, 565) – «Арслон, эшак ҳам тулки» (46).

28. «Два мужика пошли вместе на охоту» (21, 59) – «Икки мерган» (36-37).

29. «Стало мышам плохо жить от кота» (21, 52-53) – «Сичқонлар мажлиси» (25).

Среди переводов произведений Льва Толстого, указанных в списке Дж.Шарипова мы не обнаружили произведений, близких по содержанию к басням «Така билан тулки» («Козел и Лиса»), «Қарға билан курбақа» («Лягушка и ворона») и «Бўри билан айиқ» («Волк и Медведь»).

Некоторые комментарии Дж. Шариповым к басне «Така билан тулки», которая упоминается как перевод произведения Льва Толстого: хотя среди произведений Льва Толстого и встречается одна басня, начинающаяся с «Попала лисица в колодезь» (21, 405), содержание которой соответствует «Така билан тулки» переводчик не мог им воспользоваться. Потому что эта басня, вошедшая в 21-й том полного собрания сочинений Льва Толстого, помечена под заголовком «Произведения, написанные для «Азбуки» и «Новой Азбуки» и не включенные в них» (21, 389). Тот факт, что заголовок «Неоконченное, недоработанное, неопубликованное» предшествовал этому заголовку (21, 342), еще раз подтверждает, что переводчик не мог знать об этой басне, которая не была опубликована до 1917 года.

Исследования показали, что есть еще один пример подобной басни в узбекском языке. Эта басня в стихах, озаглавленная «Тулки ила серка», принадлежащая перу Абдуллы Авлони была включена в учебную хрестоматию «Мактаб Гулистони» и указана как «Перевод из Крилуфа». Основываясь на записи переводчика, Дж.Шарипов добавляет эту басню к списку вновь обнаруженных переводов произведений И.А. Крылова в своей монографии «Бадий таржималар ва мохир таржимонлар» («Художественные переводы и квалифицированные переводчики») [Шарипов Ж. 1972: 221]. Однако среди басен И.А. Крылова мы не нашли басню с таким содержанием. Итак, хотя оно упоминается и как перевод произведения Л.Н. Толстого, и И.А. Крылова, этой басни нет среди произведений обоих писателей. Так чьим же на самом деле является эта басня, чья это работа?

Исследования показали, что тексты первых произведений, переведенных с русского на узбекский, были взяты в основном из «Книг для чтений» С.М. Граменицкого, состоящей из трех книг, предназначенных для учащихся русско-туземских школ. Тщательное изучение «Книг для чтений» С.М. Граменицкого показывают то, что эти книги почти целиком основаны на произведениях, вошедших в «Русская книга для чтения» в четырех книгах, «Азбука», «Новая азбука» Л.Н. Толстого, а также «Детский мир» и «Родной язык» в трех книгах К.Д. Ушинского. И это очевидно, так как К.Д. Ушинский и Л.Н. Толстой как великие реформаторы российской школьно-образовательной системы, создатели школы нового типа занимают особое место в истории русской педагогики второй половины XIX века. С третьей четверти XIX века азбука и учебники обоих великих деятелей служили основным пособием почти во всех школах России и ее окрестностей. Приведем один пример: первая книга учебника К.Д. Ушинского «Родной язык» с 1864 по 1917 год переиздавалась 146 раз, а вторая книга – 130 раз [Ушинский К.Д. 1949: 344-345].

Следовательно, так как «состояние школьных учебников напрямую связано с уровнем детской литературы» (С.Я. Маршак), развитие русской детской литературы со второй половины XIX века до 1917 года невозможно представить без творчества К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого.

Итак, тщательное изучение учебников С.М. Граменицкого показало, что, басня «Така билан тулки», внесенная в список переводов произведений Льва Толстого, на самом деле является переводом басни К.Д. Ушинского «Лиса и козел» (6, 147), а «Қарға билан курбақа» является переводом басни «Ворона и Рак»

(6, 208). Превращение «Вороны и рака» в «Ворону и лягушку» – результат «беспристрастной» службы Граменицкого. В итоге он переработал басню, «адаптировал» ее для не русскоязычных читателей и даже изменил название (вероятно, он думал, что узбеки не знали о раках).

Особо следует выделить еще одно произведение, упоминаемое как перевод произведения Льва Толстого. Этот рассказ, названный по-узбекски «Подшо билан мужик», первоначально назывался «Петр I и мужик» (Бессонова) (22, 238–240). Известно, что «Азбука» и «Русские книги для чтения» Толстого являются на самом деле учебниками литературы. Помимо произведений, написанных и переведенных великим писателем, в эти книги вошли также произведения ряда известных или неизвестных на сегодня писателей, то есть он одновременно являлся не только составителем, но и собирателем. Наряду с такими рассказами, как «Акула» и «Прыжок», одна из народных сказок, собранных и опубликованных известным русским фольклористом П.Л. Бессоновым, – «Петр I и мужик» (Толстой подчеркивает этот рассказ как «был» – «событие, которое было») также находится в числе таких произведений, которые сегодня приписываются Льву Толстому.

В первом издании учебников Лев Толстой указывает, из какого источника взято каждое произведение, которое он включил в свою книгу. Но упущенные в более поздних изданиях эти примечания привели к приписыванию всех этих произведений к перу Льва Толстого. Следует отметить, что в русском литературоведении проводится определенная работа по исправлению ошибок издателей, в первую очередь, работа Е.Г. Бабаева «Басни Эзопа в переводе Льва Толстого» явилась существенным шагом в исправлении неясностей в этом отношении [Бабаев Э.Г. 1985]. А в узбекском переводоведении на основе этой новой информации было бы полезно пересмотреть историю первых переводов произведений Льва Толстого на узбекский язык.

Попробуем доказать свою точку зрения на основе списка вышеупомянутых первых переводов произведений Льва Толстого. Результатом стало то, что одну из 34 произведений, упомянутых в списке, найти не удалось, одно – П.А.Бессонова; два – К.Д.Ушинского; ещё одно – басня Эзопа воссозданная И.А. Крыловым, т.е. вариант И.А.Крылова; пятнадцать были переводами басен Эзопа, основанные на переводах Толстого, и четырнадцать произведений самого Льва Толстого или как переводы сказок, воссозданных на основе народных сказок. Есть еще один аспект подхода к вопросу с этой точки зрения: теперь мы можем изучить Льва Толстого как великого творца, умелого переводчика и проницательного составителя, и сделать еще один шаг к истине.

Впрочем, первые переводы произведений Льва Толстого, по сути, не единственные, о которых говорилось выше. Убеждены, что повторное изучение образцов узбекской просветительской литературы с этой точки зрения и изучение новых произведений еще внесут много новшеств в эти сведения. Действительно, только один-единственный пересмотр этих же изученных произведений привел к открытию более десятка новых переводов. Вот список обнаруженных нами новых переводов:

- 1.«Муравей и Голубка» (Эзоп) (22, 70) – «Яхшилик ерда қолмас» [Абдулла Авлоний. 1912: 37].
- 2.«Хотела галка пить» (Эзоп) (21, 65) – «Қарға билан кўзача» («Хрестоматия, яъни терма китоб», 16).
- 3.«У богатого мужика борода расчесана лопатой» (22, 50-51) – «Икки соқол» («Хрестоматия, яъни терма китоб», 4-5).
- 4.«Лгун» (Эзоп) (21, 111) – «Ёлғончи чўпон» [Саидрасул Азизий. 1910: 40-41].
- 5.«Лев, медведь и лисица» (Эзоп) (22, 76) – «Арслон ила айик» [Абдулла Авлоний. 1912: 8-9].
- 6.«Волк и старуха» (Эзоп) (21, 122) – «Бўри ила хотун» («Иккинчи муаллим», 24-25).
- 7.«К бедному мужику в дом пришел жалкий нищий» (22, 82-83) – «Яхшилик килсанг, яхшилик кўрарсан» («Хрестоматия, яъни терма китоб», 2-3).
- 8.«Косточка» (21, 127-128) – «Қишлоқи бирла боласи» [Саидрасул Азизий. 1910: 42-43].
- 9.«Камыш и маслина» (Эзоп) (21, 267) – «Қамиш ила кўга» («Мактаб гулистони», 22-23).
10. «Ровное наследство» (21, 166) – «Баробар ворис» («Хрестоматия, яъни терма китоб», 5-6).
11. «Царские братья» (22, 388-389) – «Тўғри жавоб» [Мунавварқори ибн Абдурашидхон. 1914: 8-9].

Эти одиннадцать недавно обнаруженных нами переведенных произведений были получены, как упоминалось выше, в основном в результате повторного исследования ранее изученных произведений. Исходя из этого, исследование еще не изученных около пятидесяти наименований азбук и книг для чтений, несомненно, обогатит информацию в этой области. А пока мы ограничимся количественным суммированием переводов произведений Льва Толстого на узбекский язык до 1917 года следующим образом:

1. Пять из тридцати четырех произведений в списке, рекомендованном Дж. Шариповым, не имеют отношения к Льву Толстому. Из оставшихся двадцати девяти произведений четырнадцать – произведения

самого Льва Толстого переводы сказок, воссозданных на основе народных сказок, и пятнадцать – это переводы басен Эзопа, основанные на версии Толстого.

2. Шесть из одиннадцати недавно найденных переводов являются переводами басен Эзопа основанные на версии Толстого, пять – переводы собственных произведений Толстого или сказок, которые он воссоздал на основе народных сказок.

3. Переводчики, помимо Н.П. Остроумова, которые перевели произведения Льва Толстого на узбекский язык до 1917 года, следующие: а) Алиаскар ибн Байрамали Калинин перевел 19 маленьких произведений. Четырнадцать из них есть только у него; б) Серикбой Акаев перевел 17 произведений. Тринадцать из них есть только у него; в) Абдулла Авлони перевел на узбекский язык десять произведений. Четыре из них есть только у него; ж) Хамза Хакимзаде также перевел два произведения, одно новое; з) Саидрасул Азизи перевел два произведения, оба новые, и) Мунавваркари ибн Абдурашидхан перевел два произведения, одно новое. Итак, теперь у наших переводоведов появилась возможность провести сравнительного исследования первых переводов произведений Льва Толстого на основе вариантов, чтобы определить искусство и мастерство переводчика.

Конечно, в одной статье невозможно подробно остановиться на искусстве и уровне первых переводов произведений великого писателя. Однако в целом об этом можно говорить с удовлетворением. Прежде всего, следует отметить, что эти переводы являются первыми шагами в переводе с русского языка, и подходить к ним исходя из требований сегодняшнего перевода нецелесообразно. Исследования особенностей переводов с точки зрения законов переводоведения того периода, показывает, что общей чертой для всех них является «узбекизация».

В ряде исследований периода становления узбекской детской литературы подчеркивается большое влияние произведений Льва Толстого на творчество первых представителей узбекской детской литературы, таких как Абдулла Авлони и Хамза Хакимзаде Ниязи. Однако следует также отметить, что эти утверждения часто являются общими и предположительными соображениями. Например, хотя в некоторых исследованиях Хамза и Авлони называются учениками и последователями русской педагогической мысли, никаких примеров, подтверждающих это, не приводится [Ўзбек совет болалар адабиёти тарихи очерки. 1978: 38]. Или существует предположение, что рассказ в стихах Хамзы Хакимзаде «Бир кишининг бор эди тўрт боласи» («У человека было четверо детей») является вольным переводом рассказа Льва Толстого «Косточка» [Рус-ўзбек адабий алоқалари тарихи очерки. 1967: 110]. На наш взгляд, литературное влияние, определяется не только идентичными идеями и сюжетами, но конкретными примерами и сопоставлениями.

Во-первых, является ли рассказ «Бир кишининг бор эди тўрт боласи» переводом рассказа «Косточка» (21, 127-128) или нет? Мы думаем, что это должно быть доказано сравнением сюжетов. В рассказе Толстого мать покупает сливу и кладет ее на тарелку. Так как Ваня никогда в жизни не видел сливы, фрукт выглядит приятным, и он съедает одну. Мать, заметившая, что сливы недостаёт, рассказывает об этом отцу. Отец использует хитрость, чтобы определить, кто съел сливу. «Нехорошо есть сливу, не спросив, но, если, не зная вы проглотите косточку, вы умрете до завтрашнего дня», – говорит он. Ваня спешно отвечает: «Я косточку не ел, а в окно выбросил». Все смеются, а мальчик, понимая, что его тайна раскрыта, плачет от смущения. В этом рассказе Лев Толстой мастерски изобразил простоту детской натуры. На самом деле существует узбекский перевод этого рассказа, сделанный в начале XX века, но до сих пор о нем никто не упомянул. Рассказ «Косточка» была переведена известным узбекским просветителем Саидрасулом Азизи как «Қишлоқи бирла боласи» («Деревенская женщина и ее ребенок») («Устои аввал», 42-43). В этом переводе оригинал получился полным и правильным, не принимая во внимание тот факт, что слива была заменена на финики. На наш взгляд, переводчик правильно заменил плод. Потому что слива знакома узбекским детям с раннего возраста и не так недоступна, чтобы покупать по одной штуке на каждого ребёнка. А финики – редкие импортные фрукты. Ребенок мог не знать о нём. Итак, С.Азизи сделал ситуацию более реальной, изменив название одного фрукта в переводе, рассказ стал ярким и «надел узбекский халат».

Сюжет рассказа Хамзы Хакимзаде иной. В нем один из племянников крадет один рубль у тети, пришедшей в гости. Когда никто не признается в краже, отец запирает детей в доме. Рядом кладет сажу и говорит:

Деди: «Кими рост эрса гар сўзи,
Қора бўлур ўзича икки юзи.
Кимни агар ёлгон эурса сўзи,

Бори йўғи қора бўлур ўнг юзи»

[Ҳамза Ҳакимзода Ниёзий. 1980: 224-225].

(Дословный перевод: “сказал: кто говорит правду, у него обе щеки будут черными, чье слово ложь, у него будет только правая щека черной”.)

Мальчик, который украл деньги подумав: «Если моя правая щека будет черной из-за кражи, я замажу и левое, чтобы моя тайна не раскрылась» и мажет щеку сажей. Через некоторое время отец выпускает детей наружу. Он видит, левая щека старшего было черным, а щёки остальных – белыми. Значит вор сам себя выдает. Этот эпизод сажки напоминает рассказ С.М. Граменицкого «Знахарь» в «Третьей книге для чтения» [Граменицкий С.М. 1899: 6]. В рассказе, знахарь, который хочет найти вора, сажает черного петуха в темный дом, помещает его между решетками и говорит: «Пусть каждый по очереди заходит и гладит петуха. Если петух при глажении прокукарекает, тот и вор». Все входят в дом, но петух не кукарекает. Тогда знахарь зажигает лампу и приказывает всем раскрыть ладони. Когда они смотрят, ладони у всех черные, только у одного ладони белые. «Этот и вор!» – говорит знахарь (потому что петух был посыпан сажей!).

На наш взгляд, Ҳамза Ҳакимзаде был знаком как с рассказом Льва Толстого, так и с С.М. Граменицкого и творчески воспользовавшись создал новый рассказ. В рассказе поэт полностью обосновывает обе детали – кражу и ее разоблачение, и делает ее более реалистичной. Значит, в этом случае правильнее думать о литературном влиянии, чем о переводе.

Другой рассказ из «Қироат китоби» («Книга для чтения») Ҳамзы Ҳакимзаде «Подшо ва лочин» («Царь и сокол») (4, 244–246) и по заглавию, и по содержанию близок к «Царю и соколу» Льва Толстого (21, 205). На самом деле, до Ҳамзы на узбекский язык этот рассказ был переведен С.Акаевым под названием «Подшо билан қарчиғай» («Царь и сокол») («Хрестоматия», 13). Однако и сюжет рассказа Льва Толстого фактически взят из сборника индийских сказок – «Калила и Димна» («Панчатантра»). Из-за этого мы будем рассуждать о разнообразии сюжетных линий сказок. В сказке «Калила и Димна» царь гонится за оленем с соколом. Когда он достигает горы и пытается наполнить свой сосуд капающей водой, птица проливает воду. Когда это происходит во второй и третий раз, разгневанный царь, ударив птицу о землю убивает её. Прибывший слуга поднимается на гору и докладывает царю, что гигантский дракон умер у устья источника и что под воздействием палящего солнца яд капает с него в воду. И царь сожалеет о содеянном. Лев Толстой, переработав эту сказку включает её в свою книгу, он заменяет оленя кроликом, имея в виду русского читателя (ребенка). В рассказе Толстого, царь убивает сокола. Добравшийся до холма слуга пытается принести воды, но, возвращается ни с чем: – эту воду пить нельзя, потому что в источнике была змея, которая плеснула яд в неё, – сообщает он. На наш взгляд, Лев Толстой допустил маленькую неточность. То есть, во-первых, живая змея не отравляет воду. Во-вторых, как слуга узнал, что в воду был добавлен яд? В-третьих, может ли яд одной змеи отравить родниковую воду до такой степени, что может убить человека?

С.Акаев с точностью перевел рассказ Толстого, и даже кролика оставил как есть, добавив свой вывод – «подтекст из рассказа». А Ҳамза Ҳакимзаде подошел к переводу этого рассказа иначе. Например, эта сказка в «Калиле и Димне» процитирована в главе «Захид и Латча», чтобы показать, когда человек суетится, спешит, он не может достичь своей цели. Ҳамза также включает эту историю в свою книгу, с целью доказать, что человек, который делает что-то, не задумываясь, в конечном итоге пожалеет об этом. Его рассказ по содержанию ближе к индийской сказке, чем к рассказу Льва Толстого. В ней тоже царь гонится за оленем с птицей. До тех пор, пока птица не убита, сюжет соответствует индийской сказке. Если в «Калиле и Димне» слуга сообщает царю, что яд мертвого дракона лежащего в устье источника попал в воду, то в рассказе Ҳамзы визир по имени Дониш ведет царя на гору и показывает у источника труп «невиданного дракона». В «Калиле и Димне» царь сожалеет о своем проступке и плачет, а в рассказе Ҳамзы он не только сожалеет в содеянном, но даже отрекается от государства. В самом начале рассказа Ҳамза подчеркнул, что царь, не задумываясь, совершал немислимые поступки, а потом сожалел об этом. Таким образом, повествование этой истории более реалистична, чем в «Калиле и Димне». Также возможно, что Ҳамза имел в виду правителей своего времени, говоря, что тот, кто управляет государством, должен быть мудрым, дальновидным, справедливым и умным человеком, который никому не причинит зла. На наш взгляд, этот рассказ можно рассматривать как реальный пример перевода. Потому что он может служить для переводчиков образцом того, как переводить произведение и на базе какого экземпляра переводить.

Другой поэтический рассказ Ҳамзы Ҳакимзаде, озаглавленный «Боланинг ёмон бўлмоғига сабаб бўлган онанинг жазоси» («Наказание матери, вырастившей ребенка плохим») (2, 228-229), примечателен еще одной особенностью. Созданная на основе народной сказки, эта история начинается с поимки вора и

приговора быть повешенным. Вор хочет увидеть свою мать в последний раз. Последнее желание осужденного к смертной казни принимается во внимание. Они приводят его мать. Вор говорит своей матери: «перед моей смертью покорми меня своей грудью». Мать дает ему грудь. Вор кусает и отрывает материнскую грудь. Считая, что в этом есть что-то мудрое их приводят к царю. Вор, объясняя свой поступок говорит:

Кичкиналикдан ўлуб одат ишим,
Ўғрилик ўлмишди мани қилмишим,
Келсам ўғирлаб нима нарса, онам:
«Яхши қилибсан, - дер эди, - жон болам».
Демади бир бор аном тўғри бўл,
Шундай онанинг ўйла жазоси шул.

(Дословный перевод: “С детства воровство стало моей привычкой. Когда я что-то крал и приносил домой, мать всегда меня хвалила и говорила, что я сделал правильно. Она никогда не говорила, чтобы я шел по правильному пути, и наказание такой матери должно быть таким”.)

Царь приговаривает повесить и вора, и его мать:
Ҳисса: киминг ўғли ямон, йўқ ажаб,
Бўлгай анга ота, аноси сабаб.

(Дословный перевод: “Вывод: В том, что сын вырос плохим, виновны прежде всего отец и мать”.)

Этот вывод поэта имеет большое воспитательное значение. Ведь ответственность в воспитании ребенка в первую очередь возлагается на родителей. Недаром, если ребенок совершит доброе дело, ему говорят: «Да будут благословлены твои родители», а если он сделает плохой поступок, говорят: «Будь проклят твой отец».

Интересно то, что есть еще один рассказ, написанный Львом Толстым и по содержанию похожий на рассказ Хамзы Хакимзаде (21, 341). В рассказе Льва Толстого ребенок крадет яйцо у соседа, а мать его хвалит. Ребенок, вдохновленный одобрениями матери, становится большим вором. В народе есть такое изречение «воровство начитается с иголки». «Мальчик повадился воровать, а мать всё хвалила его. Мальчик стал мужиком и обокрал церковь. Его присудили наказать и вывели на площадь. И мать пришла на площадь, и плакала, глядя на сына. Сын увидел ее и говорит: Дайте мне одно слово матушке на ушко сказать. К нему подвели мать, он нагнулся ей к уху и откусил всё ухо. Тогда весь народ закричал: Поделом вору – мука: он и церковь обокрал и мать укусил. Бейте его. Тогда вор сказал: Я за то и матери ухо откусил, что она не учила меня, когда я маленький воровать стал” (21, 341).

Но каким бы похожим ни было содержание, рассказ Хамзы Хакимзаде не является переводом рассказа Льва Толстого. Потому что рассказ Льва Толстого не опубликован. Этот рассказ был подготовлен для учебника «Новая азбука» и основан на сюжете русской народной сказки, но не включен в эту книгу. Очевидно, здесь правильным будет подумать о «бродячих» сюжетах в устных творчествах разных народов. Одно и то же содержание сказок двух народов послужило материалом для одного и того же вывода двух великих творцов. На самом деле, это в какой-то момент пересечение двух правильных мировоззрений, фактически и не знающих друг друга. Так как мы знаем многих изобретателей и ученых, которые открыли что-то, не зная друг друга!

Подобные примеры еще можно было бы привести. Но творчество Льва Толстого имеет огромное мировое значение, хотя произведения великого писателя были переведены на узбекский язык еще при его жизни, всё же сложно выразить подробные взгляды в рамках одной статьи. Думаем, что было бы уместным выразить ещё одно мнение. Из произведений Льва Толстого, переведенных на узбекский язык до 1917 года, известные нам только два были опубликованы в «Туркистон вилоятининг газети», а остальные были впервые изданы в азбуках и книгах для чтений. Таким образом, изучение ранних переводов малых произведений Льва Толстого, в свою очередь, должно осуществляться параллельно с изучением особенностей становления узбекской детской литературы как отдельной литературы. Это показывает, что переводы произведений Льва Толстого занимают особое место в становлении узбекской детской литературы как отдельной литературы. Поэтому исследования, посвященные исследованию различных аспектов ранних переводов произведений Льва Толстого, несомненно, обогатит историю узбекского переводоведения еще новыми информацией.

Библиографический список

1. Алимджан Х. Избранные произведения. В 3-х томах. Т. 3. Ташкент, 1960 (узб. Олимжон Ҳамид. Танланган асарлар. 3 томлик. 3-том. Тошкент, 1960).
2. Шарипов Дж. Из истории перевода в Узбекистане. Ташкент, 1965 (узб. Шарипов Ж. Ўзбекистонда таржима тарихидан. Тошкент, 1965).
3. Баракаев Р. Первые переводы с русского языка в узбекской детской литературе // Узбекский язык и литература. Ташкент, 1985, № 3. С. 34-43 (узб. Ўзбек болалар адабиётида рус тилидан илк таржималар // Ўзбек тили ва адабиёти. Тошкент, 1985, 3-сон. – Б. 34-43).
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 21. М., 1957.
5. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. Т. 22. М., 1957.
6. Калинин А. Второй учитель. Ташкент, 1903 (узб. Калинин А. Муаллимус-соний. Тошкент, 1903).
7. Окаев С. Хрестоматия, то есть книга-сборник. Коканд, 1912 (узб. Окаев С. Хрестоматия, яъни терма китоб. Хўқанд, 1912).
8. Шарипов Дж. Художественные переводы и талантливые переводчики. Ташкент, 1972 (узб. Шарипов Ж. Бадиий таржималар ва мохир таржимонлар. Тошкент, 1972).
9. Ушинский К.Д. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 6. М.-Л., 1949.
10. Бабаев Э.Г. Басни Эзопа в переводах Л.Н.Толстого. Тула, 1985.
11. Авлоний Абдулла. Первый учитель. Ташкент, 1912 (узб. Авлоний Абдулла. Биринчи муаллим. Тошкент, 1912).
12. Азизий Саидрасул. Первый наставник. 9-изд. Ташкент, 1910 (узб. Азизий Саидрасул. Устои аввал. 9-таъби. Тошкент, 1910).
13. Авлоний Абдулла. Второй учитель. Ташкент, 1912 (узб. Авлоний Абдулла. Иккинчи муаллим. Тошкент, 1912).
14. Мунавваркори ибн Абдурашидхан. Адиби соний. 4-ое изд. Ташкент, 1914 (узб. Мунавваркори ибн Абдурашидхон. Адиби соний. 4-таъби. Тошкент, 1914).
15. Очерки истории узбекской советской детской литературы. Ташкент, 1978. (узб. Ўзбек совет болалар адабиёти тарихи очерки. Тошкент, 1978).
16. Очерки истории русско-узбекских литературных связей. Ташкент, 1967 (узб. Рус-ўзбек адабий алоқалари тарихи очерки. Тошкент, 1967).
17. Ниязи Хамза Хакимзаде. Полное собрание произведений. 4-х томник. 2-ой том. Ташкент, 1980 (узб. Ниёзий Ҳамза Ҳакимзода. Мукамал асарлар тўплами. 4 томлик. 2-том. Тошкент, 1980.)
18. Граменицкий С.М. Третья книга для чтения. Ташкент, 1899.

References

1. Alimjan H. Selected Works. In three volumes. T. 3. Tashkent, 1960.
2. Sharipov J. From the History of Translation in Uzbekistan. Tashkent, 1965.
3. Barakaev R. The First Translations from Russian in Uzbek Children's Literature // Uzbek Language and Literature. Tashkent, 1985, #3. - С. 34-43
4. Tolstoy L.N. Complete Works in 90 volumes. T. 21. M., 1957.
5. Tolstoy L.N. Complete Works in 90 volumes. T. 22. M., 1957.
6. Kalinen A. The Second Teacher. Tashkent, 1903.
7. Okaev S. Khrestomatiya, i.e. book-collection. Kokand, 1912.
8. Sharipov J. Artistic translations and talented translators. Tashkent, 1972.
9. Ushinsky K.D. Collected Works in 8 Volumes. T. 6. M-L., 1949.
10. Babaev E.G. Fables of Aesop in Tolstoy's Translations. Tula, 1985.
11. Avlonius Abdullah. The first teacher. Tashkent, 1912.
12. Aziziy Saidrasul. The First Mentor. 9-edition. Tashkent, 1910.
13. Avlonius Abdullah. The Second Teacher. Tashkent, 1912.
14. Munavvarkari ibn Abdurashidhan. Adibi sonyi. 4th ed. Tashkent, 1914.
15. Essays on the History of Uzbek Soviet Children's Literature. Tashkent, 1978.
16. Essays on the History of Russian-Uzbek Literary Ties. Tashkent, 1967.
17. Niyazi Hamza Hakimzadeh. Complete Collection of Works. 4-volumes. 2nd volume. Tashkent, 1980.
18. Gramenitsky S.M. The third book for reading. Tashkent, 1899.

*Кубанский государственный университет
Преподаватель кафедры теории и практики
перевода
Синяговская Л. И.
Российская Федерация, Краснодар
+7 (918) 391-96-89
e-mail: lyubovsiniagovskaya@mail.ru*

*Kuban State University
Lecturer at the Department of Theoretical and
Practical Translation
Sinyagovskaya L. I.
Russian Federation, Krasnodar
+7 (918) 391-96-89
e-mail: lyubovsiniagovskaya@mail.ru*

Л.И. Синяговская

ФРЕЙМОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ «ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО» ЛОНДОНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА «ХОЛОДНЫЙ ДОМ»)

Чарльз Диккенс – великий британский классик, чья активная фаза творчества приходится на вторую половину девятнадцатого века. Одной из особенностей творчества писателя является описание жизни представителей всех слоев общества Англии того времени. Творчество британского классика также отличает подробное описание Лондона, так как действие большинства из его романов частично или полностью происходит в столице Англии. В романе «Холодный дом» город играет очень важную роль, так как описание самого города передает общее настроение повествования. В данной научной работе была выделена и подробно изучена фреймовая структура «профессионального» Лондона в романе британского писателя Чарльза Диккенса. Были изучены свойства репрезентации слотов «туман», «грязь», «смерть», «трясина». Подобная группировка слотов, используемых чаще для описания погодных условий, дальнейшее их объединение в фрейм по профессиональному принципу и, как следствие, построение нового когнитивного образа обеспечивает актуальность данного исследования. Также был интерпретирован образ Канцлерского суда и субъективное отношение автора к данной инстанции. Анализ фреймовой структуры романа позволил выявить связь «профессионального» Лондона и его индивидуально-авторское восприятие. Негативное отношение автора проявляется в использовании эмоционально-окрашенной лексики с отрицательной коннотацией, негативных ассоциативных образов и художественных средств выразительности. Отмечается также, что в тексте романа выделяется фреймовая структура, которая отражает индивидуально-авторское отношение писателя к современным ему реалиям посредством неочевидных образов. В первой части научной работы представлена теоретическая информация, раскрывающая понятие «фрейм», «слот» и его основные свойства. Вторая часть научной статьи иллюстрирует теоретический материал, описанный в первой части исследования на примере текста романа «Холодный дом». Заключение представляет собой выводы, полученные нами в ходе лингвистического исследования романа «Холодный дом». Методами данного исследования выступил библиографический и биографический анализы теоретического материала, так же метод сплошной выборки.

Ключевые слова: Чарльз Диккенс, Холодный дом, фреймовая репрезентация, слот, художественный текст, фреймовая структура, Канцлерский суд, судебная система Великобритании, туман, грязь, смерть, трясина.

L.I. Sinyagovskaya

FRAME REPRESENTATION OF "PROFESSIONAL" LONDON (BY THE MATERIAL OF THE NOVEL "BLEAK HOUSE" BY CHARLES DICKENS)

Charles Dickens is a great British classic whose active phase of creativity falls on the second half of the nineteenth century. One of the features of the writer's work is the description of the life of representatives of all strata of society in England at that time. The work of the British classic is also distinguished by a detailed description of London, since the action of most of his novels partially or completely takes place in the capital of England. In Bleak House, the city plays a very important role, as the description of the city itself conveys the overall mood of the story. In this scientific work, the frame structure of the "professional" London in the novel by the British writer Charles Dickens was identified and studied in detail. The representation properties of the slots "fog", "dirt", "death", "quagmire" were studied.

Such a grouping of slots used more often to describe weather conditions, their further association into a frame according to a professional principle and, as a result, the construction of a new cognitive image ensures the relevance of this study. The image of the Chancery Court and the subjective attitude of the author to this organisation were also interpreted. An analysis of the frame structure of the novel made it possible to reveal the connection between "professional" London and its individual author's perception. The negative attitude of the author is manifested in the use of emotionally colored vocabulary with negative connotations, negative associative images and artistic means of expression. The novelty of the bottom research lies in the fact that a frame structure stands out in the text of the novel, which reflects the writer's individual author's attitude to contemporary realities through non-obvious images. The first part of the scientific work presents theoretical information that reveals the concept of "frame", "slot" and its main properties. The second part of the scientific article illustrates the theoretical material described in the first part of the study using the text of the novel "Bleak House" as an example. The conclusion is the inferences obtained by us in the course of a linguistic study of the novel "Bleak House". The methods of this study were bibliographic and biographical analyzes of theoretical material, as well as the method of continuous sampling.

Key words: Charles Dickens, Bleak House, frame representation, slot, literary text, frame structure, Chancery Court, UK judicial system, fog, mud, death, mire.

Лондон – один из излюбленных мотивов в творчестве Чарльза Диккенса. Известный британский классик посвятил немало страниц детальному описанию Лондона и раскрыл его с разных сторон. Писателю удалось наиболее полно и ярко показать многогранный образ города и его жителей.

Лондон присутствует во всех работах писателя. От ранних набросков до более поздних серьезных романов 1860-х годов. Город представляет собой обязательный фон повествования и напрямую отражает настроение и эмоции персонажей. Таким образом, невозможно представить действие романов Ч. Диккенса без этого живого персонажа с разносторонним характером. Но некоторые закономерности все же можно проследить. В творчестве писателя описание города, погоды и местных жителей идет неразрывно с эмоционально-экспрессивной окраской повествования, которое вследствие формирует субъективное отношение читателя к происходящему в художественном тексте.

По мнению американского лингвиста Чарльза Филлмора, последовательную схематизацию опыта и конкретизацию унифицированных знаний можно считать определением фрейма в когнитивной лингвистике. Данная трактовка этого понятия позволяет изучать структуру знания с точки зрения языкового значения [1; с 222-224]. Для того чтобы отнести фрейм к ряду когнитивных структур, следует обратить внимание на лингвокогнитивный подход к определению слотов, которые образуют фрейм.

На сегодняшний день существует ряд исследований по данной проблеме. Такие ученые как С. Щербаков, В. Лазарев, Г.Бейтсон, М. Минский, Н. Арутюнова, А. Баранов, Д. Дбровольский, Ч. Филлмор, У. Эко и др. говорят и говорили о том, что следует рассматривать фрейм как некоторую форму хранения и обработки поступающей извне информации в сознании человека. Если рассматривать фрейм как единицу измерения получаемой (проживаемой) информации, то следует отметить, такие важные свойства фрейма как возможность делиться с другими членами общества (обмен опытом), субъективная интерпретация, и, как следствие, индивидуальное видоизменение структуры фрейма.

Автор данного исследования предпринял попытку выделить и проанализировать фреймовую структуру «профессионального» Лондона, а именно взаимосвязь слотов «туман», «грязь», «смерть» и образ судебного делопроизводства Великобритании 19 века в контексте романа Чарльза Диккенса «Холодный дом». Путем сопоставительного анализа и метода сплошной выборки были выявлены четкие взаимосвязи фреймовой структуры «профессионального» Лондона и субъективного восприятия судопроизводственной системы Великобритании. В данном исследовании природные явления были проанализированы с точки зрения описания профессионального мира юриспруденции и делопроизводства Лондона девятнадцатого века. Таким образом, была выявлена четкая фреймовая структура, обрамляющая весь текст романа и определяющая «настроение» художественного произведения. Данное фреймовое представление «профессионального» Лондона также содержит в себе субъективное отношение Чарльза Диккенса к судебной системе того времени. Следовательно, выделенная фреймовая структура формируется из трех аспектов: индивидуально-авторского восприятия происходящего, профессиональной жизни общества и характерных для Лондона погодных условий. Глубокий семантико-когнитивный анализ фрейма и его слотов образует новизну данной работы.

Если фрейм основывается на «вероятностных знаниях о типичных ситуациях и ожидаемой реакции на эти ситуации», следовательно, фрейм можно воспринимать как отражение действительности, образную модель мира. Данное отражение действительности выступает в совокупности с возможным многообразием человеческих восприятий этой действительности [2; с. 121-125].

Умберто Эко пишет о фреймах как об «энциклопедическом знании о ситуации и в особой структуре ассоциативно связанных между собой семных компонентах» [3; с. 42]. Следовательно, фрейм представляет собой совокупность знаний о мире, накопленную за все время существования человечества. Можно также отметить, что фрейм — это определенный образ многообразия возможных ассоциаций и идей, тесно взаимосвязанных друг с другом. Фрейм, имеет структуру, которая состоит из ядра (темы) и слотов (ассоциаций) — которые в некоторых случаях, если они достаточно независимы и ярко выражены, представлены в виде отдельных концептов. И. Н. Ивашкевич говорит о том, что все слоты равноудалены от ядра и впоследствии формируют равнозначность понятия. Человек самостоятельно соотносит слоты с ядром и определяет их когнитивный порядок [4; с. 77-81]. В поисках необходимой информации человек в своем сознании обращается к уже систематизированной информации, представленной в виде фрейма, и «выбирает» необходимый слот, который больше всего подойдет к ситуации. Вербальная репрезентация фрейма происходит на уровне слота. Соответственно фрейм является вершиной иерархической структуры когнитивного образа. Фрейм включает в себя ряд слотов, лежащих в его основе, и одновременно представляет обобщенные знания внутри слотов. Исходя из этого, становится невозможным определить четкую иерархичность в отношении фреймов и слотов.

Интеграцию фрейма в сознании человека подробно описал Ч. Филлмор. Данный процесс происходит следующим образом. Сначала человек проживает определенные события напрямую или косвенно (например, знакомство с опытом других людей). События впоследствии будут структурированы в какой-либо слот, затем в фрейм. После этого происходит формирование личного отношения к происходящему в социуме. Впоследствии человек подбирает слова, которые представляют вербальное оформление слота, принадлежащего фрейму. На основе выбранных компонентов, вербализующих фрейм, складывается некоторая структура, которая актуализирует систему ассоциативных связей (фрейм). «В свою очередь, схемы могут быть использованы в качестве инструмента построения модели текста, то есть модели мира, совместимой с текстом» [5; с. 74-122].

Фреймовые связи настолько сложны, что, соприкасаясь между собой на периферии и образуя фреймовую систему, открывают «доступ к нескольким концептуальным областям» [6; с. 17-27]. Соответственно, структура фрейма не только представляет подробное раскрытие ситуации, но и указывает на ее связь с событиями из прошлого и будущего (причины и последствия). В данном случае речь может идти не только о личном опыте человека, но и «накопленном» опыте предыдущих поколений. Жизненные ситуации, описанные в литературе, фольклоре и народном эпосе также формируют фреймовые связи, которые формируются коллективным сознанием.

В нашем исследовании в качестве фрейма взята судебная и делопроизводственная система Великобритании второй половины девятнадцатого века, а слоты, раскрывающие его — туман, грязь, смерть. Как уже упоминалось выше, тематически объединенные фреймы могут образовывать иерархию, которая, в свою очередь, будет образовывать информационное единство, выстраивая причинно-следственные связи. Эти когнитивные процессы происходят в человеческом сознании. Данные когнитивные процессы происходят в сознании человека. В своей теории фреймов М. Минский утверждает, что человек воспринимает реальность, сравнивая уже существующие в сознании фреймовые структуры (приобретенный опыт), которые в неразрывной связи создают полную картину объекта, явления материального или нематериального мира. В то же время верхние уровни фрейма являются неизменными концептуальными основами, а нижние уровни — слотами, соответствующими определенным жизненным ситуациям или примерам [7; с. 33].

В своей диссертационной работе на соискание ученой степени кандидата филологических наук М.А. Чепурная пишет, что в связи с тем, что фрейм представляет собой вербальное представление знаний, семантическое поле, представленное в многообразии слов, составляющих определенный фрейм, служит материалом для систематизации [8; с. 38-42]. В свою очередь, Т.В. Нерушева говорит, что, результатом группировки лексических единиц служит переход от когнитивного уровня к языковому. Все лексические единицы формируют слот, который представляется в виде многообразных лексических групп (неологизмы, диалектизмы, фразеологизмы, устойчивые единицы) [9; с. 95-100].

В данном исследовании удалось выделить фреймовую структуру «профессионального» Лондона и определить слоты, которые образуют данный фрейм. Общую иерархию можно представить в следующем виде:

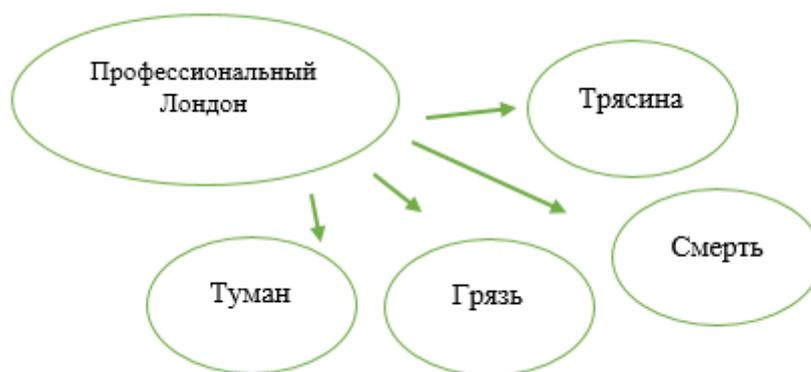

Рис. 1. Фреймовая структура «профессионального Лондона»

Данная схема позволяет нам сделать вывод, что характеристику «профессиональной» (юридической) жизни Лондона можно составить при помощи подробного описания погодных явлений города. Данные погодные условия универсальны и воспринимаются человеком скорее отрицательно, чем положительно. Например, грязь и трясина вызывают в усредненном читательском сознании только неприятные ассоциации, что в свою очередь формирует эмоциональное отношение читателя к описываемому явлению и показывает авторское.

В романе «Холодный дом» Чарльз Диккенс описывает Лондон не с привычной для обыкновенного читателя стороны – дождливый холодный город, на фоне которого происходят приключения персонажей – а с совсем другой стороны. Писатель делает его профессиональным. Лондон в романе «Холодный дом» – это важная действующая составляющая, которая отражает мысли и отношение самого автора к происходящему. В данном случае речь пойдет о многолетнем судебном процессе «Джарндисы против Джарндисов», который длится уже более пятидесяти лет и не собирается прекращаться. Истцы умирают, находятся новые свидетельства и судебный процесс не заканчивается. *“Never can there come fog too thick, never can there come mud and mire too deep, to assort with the groping and floundering condition which this High Court of Chancery, most pestilent of hoary sinners, holds this day in the sight of heaven and earth”* [10] – вот что пишет Чарльз Диккенс о суде. Слоты, представленные в виде лексем, “Fog”, “Mud”, “Mire” («Туман», «Грязь», «Трясина»), используемые в приеме сравнения, образуют целый фрейм, который в самом начале романа определяет всю дальнейшую атмосферу повествования. Следовательно, можно сделать очевидный вывод, который заключается в том, что Чарльз Диккенс таким образом показывает личное отношение к судебной системе Великобритании своего времени. Писатель называет суд грешником, давая ему образ чего-то резко отрицательного и низкого. Данное олицетворение, на наш взгляд, использовано писателем для того, чтобы в некоторой степени приравнять Верховный Канцлерский суд к тем людям, которых он призван судить. Бюрократизм и неэффективность, по мнению британского классика, не лучше самих преступников, над которыми ведется следствие. Об этом свидетельствуют многочисленные эпитеты с отрицательной коннотацией, которые можно встретить в рассматриваемом отрывке (*groping and floundering; pestilent*). Лексическая интенсификация (от описания погодных явлений, земли и плавный переход к небесному, божественному) не отражает напрямую количественную характеристику признака, но помогает сформировать субъективное оценочное мнение читателя в дальнейшем.

Канцлерский Суд в эпоху Диккенса – вторая высшая судебная инстанция, особенно ненавистная народу своим произволом, субъективностью и бюрократизмом. Совместная работа Суда общего права и Суда справедливости привели к сложной и запутанной системе толкования решений, законов и вынесения приговора [11; с. 551-562]. Призванный дополнять судебную систему, Канцлерский суд вносит в нее еще больше сложностей, затягивая, таким образом, тяжбы на долгие годы.

Задача лорда-канцлера, стоящего во главе Канцлерского суда, состояла в том, чтобы выносить решения, исходя из законов справедливости и морали, а не законов Парламента, прецедентов и норм англосаксонского права. В «Холодном доме» Ч. Диккенс критикует отжившую систему, созданную еще в эпоху феодализма [12; с. 51-55].

В романе Канцлерский Суд – образное изображение английского делопроизводства, бюрократизма, несправедливости, формализма. От него косвенно и напрямую зависит судьба почти всех персонажей романа. Своего рода олицетворением судебной тяжбы можно считать туман, так как писатель подчёркивает его отдельную роль в романе «Холодный дом». Роман открывает описание тумана в Лондоне: *“Fog everywhere. Fog up the river, where it flows among green aits and meadows; fog down the river, where it rolls defiled among the*

tiers of shipping and the waterside pollutions of a great (and dirty) city. Fog on the Essex marshes, fog on the Kentish heights. Fog creeping into the cabooses of collier-brigs; fog lying out on the yards and hovering in the rigging of great ships; fog drooping on the gunwales of barges and small boats. Fog in the eyes and throats of ancient Greenwich pensioners, wheezing by the firesides of their wards; fog in the stem and bowl of the afternoon pipe of the wrathful skipper, down in his close cabin; fog cruelly pinching the toes and fingers of his shivering little 'prentice boy on deck. Chance people on the bridges peeping over the parapets into a nether sky of fog, with fog all round them, as if they were up in a balloon and hanging in the misty clouds" [10]. В самом начале повествования туману отводится решающая роль. Он задает тон повествованию. Туман, как часть анализируемого фрейма, показывает читателю, настроения, которыми «пропитан» судебный процесс, сам роман и все происходящее вокруг. Слот «Fog/Туман» в большинстве культур имеет схожее значение. Для читателя туман – это погодное явление, вызванное резким снижением температур, которое приводит к повышенным осадкам и ухудшению погоды. Туман также связан с ухудшением видимости, что очень опасно. Известный Великий смог 1952 года в Лондоне, который произошел хоть и не из-за ухудшения погодных условий, но привел к многочисленным смертям (по некоторым данным погибло около 12 тысяч человек) [13], вследствие колоссального ухудшения видимости на дорогах. Следовательно, данный слот можно считать универсальным, так как и в русской культуре, например, он вызывает схожие ассоциации. Каждое предложение в данном отрывке начинается со слова «Fog/Туман». В общей сложности это слово повторяется тринадцать раз. Данная анафора служит для укрепления ассоциативных связей туман = повсюду/туман = неизвестность в сознании читателя, для достижения большей эмоциональности, выразительности и драматичности художественного текста. Если детальнее рассмотреть местоположение тумана в повествовании, можно выделить некоторую особенность: туман покрывает все от земли до возвышенностей (*Fog up the river/ fog down the river; Fog on the Essex marshes, fog on the Kentish heights*), но происходит это не только в физическом смысле, но и духовном (*...a nether sky of fog ... and hanging in the misty clouds*). Туман будто скрывает то, что на самом деле происходит в Лондоне и с чем не хочет разбираться лорд-канцлер, затягивая долгие судебные процессы тяжелой бюрократией.

Описывая кварталы Лондона, которые окружают судебную палату писатель подробно останавливается на лавке Крука: *"It seemed that everything was bought there and nothing could be sold. There were a lot of dirty bottles in all parts of the window—...; The mention of the latter reminded me that in several small details the store had the appearance of a legitimate neighborhood and was, so to speak, a dirty hang-on and a lawless relative.; One had only to imagine how Richard whispered to Ada and me while we were everyone stood and watched that those bones in the corner, piled up and carefully selected, were the bones of customers to complement the picture."* [10]. Подобное живое описание лавки старьевщика помогает читателю еще глубже погрузиться в заросшую паутиной и заставленную пыльной рухлядью рутину Канцлерского Суда и судебной системы Великобритании. Данный слот, который можно рассматривать как своего рода «настроение», формируют скрытые сравнения, которые использует писатель (*dirty bottles; a dirty hanger-on and disowned relation of the law* и т. д.).

Описание города в сюжете играет ключевую роль. Лондон не только служит фоном для всего, что происходит в романе, но и передает эмоции персонажей, тяжелую атмосферу и дальнейшую судьбу всех героев книги. Массивное описание тумана в самом начале романа создает живописную картину. Чарльз Диккенс показывает читателю запутанность, туманность судопроизводства в Англии того времени. Из-за неизвестности происходящего читатель интуитивно настраивается на что-то трагичное в конце, и улицы города с его жителями сыграют здесь важную роль.

Но, если предположить, что неизвестность обернется чем-то хорошим для персонажей Холодного дома, то эти надежды развеивает еще один слот, который открывает повествование в первой главе. Это «Mud/Грязь». *"Implacable November weather. As much mud in the streets as if the waters had but newly retired from the face of the earth, and it would not be wonderful to meet a Megalosaurus, forty feet long or so, waddling like an elephantine lizard up Holborn Hill."* [10]. Описание промозглой слякотной ноябрьской погоды наталкивает читателя на мысль, что, возможно, не все закончится так хорошо, как хотелось бы предположить. Сразу после описания сцены ноябрьского утра в Лондоне в романе появляется лорд-канцлер и все люди, представляющие Канцлерский суд. Грязь, сырость и туман олицетворяют в «Холодном доме» британскую судебную систему. Создается впечатление, что она как бы окутана холодным непроглядным мерзким туманом устаревшего института власти.

В середине романа один из главных героев, молодой, умный и красивый юрист Ричард Карстон также погрязнет в бесконечных судебных тяжбах дела «Джарндисы против Джарндисов», что доведет его до чахотки, от которой он в скором времени скончается, так и не завершив процесс.

Смерть в романе дополняет общую упадническую картину. В сороковой главе дом леди Дедлок, очерчивая общую картину, описан следующим образом: “*and the great house, needing habitation more than ever, is like a body without life*” («и огромный дом, по-прежнему безлюдный, напоминает тело, покинутое жизнью»). Идея смерти в данном случае скорее отражает отсутствие жизни не с точки зрения потери (например, близкого человека), а безжизненное состояние, безнадежность и утрату желания жить. Данную мысль очень хорошо иллюстрирует следующий пример: “*When I brought what remained of him home here, the brains seemed to me to have been blown out of the house too, it was so shattered and ruined.*” [10]. Смерть одного из владельцев-участников бесконечного процесса, проходящего в Канцлерском суде, отражает истинное положение вещей. Судебный процесс настолько затянут и осложнен запутанной бюрократией, что предмет разбирательства – дом, как часть наследства, и его непосредственные наследники отдают свою жизнь этому, казалось бы, бессмысленному делу. Они умирают, дом ветшает, но Канцлерский суд, лорд-канцлер и бюрократическая система живут вечно, не обращая на них никакого внимания. Сама смерть хоть и не названа напрямую и не употребляется эксплицитно, но иллюстрирует сложность и бессмысленность происходящего.

Like a body without life (напоминает тело, покинутое жизнью) – открытое сравнение, использованное Чарльзом Диккенсом для описания обветшалого дома – не только описывает само поместье, но и всю судебную систему Великобритании, о которой написан этот роман. Вся система давно устарела, но продолжает тянуть за собой все живое вокруг.

Писательская манера Чарльза Диккенса настолько жива и оригинальна, что все в городе обретает самостоятельную жизнь. Они будто следят за тем, что случается в жизни персонажей. Шелест листвы деревьев в парке Чесни Уолта напоминает осуждающий шепот о прошлом и будущем Гонории Дедлок, а римский воин в комнате мистера Тапкингорна с потолка показывает, где обнаружили тело убитого адвоката. Представление информации в виде фреймов и других семантических паттернов особенно важно в когнитивном исследовании особенностей человеческого мышления. Посредством создания отрицательных ассоциаций в сознании читателя писатель Чарльз Диккенс показывает свое отношение к судебной системе, ее неактуальности и губительности. Следовательно, подробно описывая погоду, окружающее пространство (пасмурное небо, грязь под ногами, серые здания), Чарльз Диккенс показывает обычную повседневную жизнь персонажей, которых, как в болото, затянул Канцлерский суд Лондона. Писатель не называет напрямую отрицательные стороны судебного процесса в городе, но посредством описания погоды Лондона читатель понимает, что подразумевается в романе.

Таким образом, в данном исследовании были проанализирована фреймовая структура «профессионального» Лондона сквозь призму репрезентации слотов «туман», «грязь», «смерть». Данная трактовка помогает углубиться в писательское субъективное восприятие судебной системы Великобритании девятнадцатого века. Из данного анализа можно сделать вывод о том, что Чарльз Диккенс глубоко осуждает и отрицает эффективность Канцлерского суда. Это становится понятно из концептуализации понятия «смерть» и представления ее как полного противопоставления всему жизнеутверждающему. «Грязь» – образ, вызывающий резко негативные ассоциации в человеческом сознании, дополняет фреймовый образ судебной системы и говорит не только о том, что это не только неприятное природное явление, но и вязкое. Столкнувшись с Канцлерским судом однажды, можно погрязнуть в нем на всю жизнь. «Туман», как символ чего-то неизвестного, таинственного и неясного наглядно олицетворяет бесконечную череду бюрократических процедур, оттягивающих вынесение судебного решения на долгие десятилетия. Истцы не могут даже предположить, когда и как закончится судебный процесс. Вышеописанные слоты, а также фреймовая структура раскрываются в романе посредством широкого использования художественных средств выразительности, таких как скрытое сравнение, эпитеты, стилистически окрашенная лексика (*hoary, creeping, wrathful skipper*). Посредством использования данной лексики создается общее настроение упадничества, которое напрямую ассоциируется у читателя с Канцлерским судом и всей судебной системой в целом. Данные «настроения» служат обрамлением фреймовой структуры, описанной в данной научной статье. В таком образе предстает перед читателем «профессиональный» Лондон с его постоянным туманом и дождливой погодой.

Библиографический список

1. Fillmore Ch. J. Frames and semantic understanding // *Quaderni di semantica*. 1985. Vol. VI. 2. Pp. 222-224.
2. Макеева М.А. Фрейм как способ представления знаний в понятии «экология» // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. Воронеж, 2018. № 2 (29). С. 121-125

3. Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста; перевод с английского и итальянского С. Серебряного. Санкт-Петербург: Симпозиум; М. Издательство Российского государственного университета. 2005. С. 42.
4. Ивашкевич И.Н. Фрейм как структура представления знаний в когнитивном аспекте // Вестник РУДН, серия "Лингвистика". 2011. № 2. С. 77-81.
5. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Радуга, 1983. С. 74-122.
6. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в языковой системе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17-27.
7. Ежова Е.А. Фрейм как метод структурирования логико-семантического пространства системы // Современные научные исследования и инновации. 2013. № 10 (30). С. 33.
8. Чепурная М.А. Неологические репрезентанты концепта «экология» в англоязычном массмедийном дискурсе: специальность 10.02.19 - Теория языка: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Армавир, 2020. 150 с.
9. Нерушева Т.В. Фреймовая организация семантического поля // Гуманитарные науки и образование. 2013. № 2 (14). С. 95-100.
10. The Project Gutenberg eBook, Bleak House, by Charles Dickens. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/1023/1023-h/1023-h.htm> (дата обращения: 09.04.2022)
11. Томащевский Б., Шестаков Д. Комментарии // Ч. Диккенс. Диккенс Ч. Собрание сочинений: В 30 т. т. 17. М., 1957-1963. С. 551-562.
12. Аксиология в языке и речи. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. 191 с.
13. Великий смог. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%BC%D0%BE%D0%B3 (дата обращения: 28.04.2022).

References

1. Fillmore, Ch. J. Frames and semantic understanding // *Quaderni di semantica*. 1985. Vol. VI. 2. Pp. 222-224.
2. Makeeva M. A. Frame as a way of representing knowledge in the concept of "ecology" // *Topical issues of modern philology and journalism*. - Voronezh, 2018. - No. 2 (29). Pp. 121-125
3. Eco U. The role of the reader: research on the semiotics of the text; translation from English and Italian by S. Serebryany. St. Petersburg: Symposium; M. Publishing House of the Russian State University. 2005. With. 42.
4. Ivashkevich I.N. Frame as a structure of knowledge representation in a cognitive aspect // *Bulletin of RUDN University, series "Linguistics"*. 2011. №. 2. S. 77-81.
5. Fillmore Ch. The main problems of lexical semantics // *New in foreign linguistics*. M.: Rainbow, 1983. P. 74-122.
6. Boldyrev N.N. Representation of knowledge in the language system // *Questions of cognitive linguistics*. 2007. № 4. S. 17-27.
7. Ezhova E.A. Frame as a method of structuring the logical-semantic space of the system // *Modern scientific research and innovation*. 2013. No. 10 (30). P. 33.
8. Chepurnaya M.A. Neological representatives of the concept "ecology" in the English-language mass media discourse (on the material of English-language media texts): specialty 10.02.19 - Theory of language: dissertation for the degree of candidate of philological sciences. Armavir, 2020. 150 p.
9. Nerusheva T.V. Frame organization of the semantic field // *Humanitarian sciences and education*. 2013. №2 (14). P. 95-100.
10. The Project Gutenberg eBook, Bleak House, by Charles Dickens. [Electronic source]. URL: <https://www.gutenberg.org/files/1023/1023-h/1023-h.htm> (Accessed: 04/09/2022)
11. Tomashevsky B., Shestakov D. Comments // *Dickens C. Collected Works: In 30 vols. Vol. 17. M., 1957-1963*. pp. 551-562.
12. *Axiology in language and speech*. Krasnodar: Kuban State University, 2021. 191 p.
13. Great smog: website. [Electronic source]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D0%BC%D0%BE%D0%B3 (date of access: 04/28/2022)

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070

DOI 10.36622/AQMPI.2023.61.31.018

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, аспирант
Института общественных наук и массовых
коммуникаций
Воскобойникова А.П.
Россия, Белгород, +79058798093
e-mail: voskobojnikova@bsu.edu.ru*

*Belgorod State National Research University,
postgraduate student of the Institute of Social
Sciences and Mass Communications*

*Voskoojnikova A.P.
Russia, city, Belgorod, +79058798093
e-mail: voskobojnikova@bsu.edu.ru*

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, доцент,
кандидат филологических наук Института
общественных наук и массовых коммуникаций
Василенко Е.И.
Россия, Белгород, +79107361223
e-mail: radchenko@bsu.edu.ru*

*Belgorod State National Research University,
Associate Professor, PhD in Philology, Institute of
Social Sciences and Mass Communications*

*Vasilenko E.I.
Russia, Belgorod, +79107361223
e-mail: radchenko@bsu.edu.ru*

А.П. Воскобойникова, Е.И. Василенко

ПРИНЦИПЫ БИОЭТИКИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ЖУРНАЛИСТА

На сегодняшний день теоретическая область исследований медицинской журналистики до сих пор до конца не исследована. Но в СМИ самые обсуждаемые темы – это темы медицины и здравоохранения. Сегодня можно встретить публикации на медицинскую проблематику не только в профессиональных изданиях, но и информационные материалы о достижениях в сфере здравоохранения и в неспециализированных СМИ. Но на практике журналисты, заявляющие себя как медицинские журналисты, иногда допускают ошибки в своих материалах из-за некомпетентности в данной сфере. Также сегодня существует проблема взаимодействия врачей и СМИ. Мы можем предположить, что это происходит из-за того, что медицинское сообщество держится отстранённо от журналистов. В итоге потерпевшей стороной оказывается аудитория, которая читает и смотрит некачественные журналистские материалы на медицинскую тему. Оба сообщества имеют возможность воздействия на аудиторию и несут ответственность за каждое сказанное слово, ведь зачастую от них зависит жизнь и даже судьба конкретного человека. Мы считаем, что если бы врачи и журналисты взаимодействовали, то медицинское сообщество могло бы помочь журналистам в грамотном просвещении аудитории о здоровом образе жизни, в донесении информации по профилактическим мероприятиям, о необходимости своевременной диагностики и лечения. Отсутствие плотного взаимодействия возможно не позволяет вернуть утраченное доверие к врачу и журналисту и повысить роль СМИ в пропаганде здорового образа жизни. Только при совместной работе двух сообществ можно добиться сдвигов в состоянии здоровья нации. Поэтому в данной статье анализируются проблемы освещения медицинской проблематики и рассматриваются важные биоэтические основы в работе журналиста. А также рассматриваются этические принципы медицинского журналиста отечественного и мирового опыта.

Ключевые слова: медицинская журналистика, медицинская проблематика в СМИ, биоэтика, этика, задачи биоэтики, кодекс этики, этический контроль, медицинское сообщество, журналист.

A.P. Voskoboynikova, E.I. Vasilenko

PRINCIPLES OF BIOETHICS AND RESPONSIBILITY OF MEDICAL JOURNALIST

To date, the theoretical field of research in medical journalism has not yet been fully explored. But in the media, the most discussed topics are the topics of medicine and healthcare. Today, one can find publications on medical issues not only in professional publications, but also informational materials about achievements in the field of healthcare and in non-specialized media. But in practice, journalists who claim to be medical journalists sometimes make mistakes in their reports due to incompetence in this area. Also today there is a problem of interaction between doctors and the media. We can assume that this is due to the fact that the medical community keeps aloof from journalists. As a result, the injured party turns out to be an audience that reads and watches low-quality journalistic materials on a medical topic. Both communities have the ability to influence the audience and are responsible for every word spoken, because often the life and even the fate of a particular person depends on them. We believe that if doctors and journalists interacted, then the medical community could help journalists in competently educating the audience about a healthy lifestyle, in conveying information on preventive measures, on the need for timely diagnosis and treatment. The lack of close interaction probably does not allow regaining the lost trust in the doctor and journalist and increasing the role of the media in promoting a healthy lifestyle. Only with the joint work of the two communities can shifts be achieved in the state of health of the nation. Therefore, this article analyzes the problems of covering medical issues and discusses important bioethical foundations in the work of a journalist. It also considers the ethical principles of a medical journalist of domestic and world experience.

Keywords: medical journalism, medical issues in the media, bioethics, ethics, tasks of bioethics, code of ethics, ethical control, medical community, journalist.

Принципы биоэтики и ответственность медицинского журналиста – проблема актуальная не только в контексте сегодняшнего дня. Так, в 1989 году в Москве проходила Всесоюзная конференция «Медицина и СМИ», организованная Президиумом СССР. На конференции обсуждались проблемы взаимодействия врачей и журналистов. На научном мероприятии медицинское сообщество высказало свои претензии к журналистам: «Вместо того, чтобы заниматься агитацией и пропагандой научных знаний, выступать в качестве средства общественного просвещения, СМИ сеют невежественные взгляды в массы». Поэтому врачи высказались за необходимость предварительной проверки на степень научности и достоверности. Медицинское сообщество видели роль в журналистов в пропаганде научных знаниях среди населения, агитации в пользу здорового образа жизни, разоблачение идеи целительства [1; с. 244].

Отметим, что с тех пор не проводилось таких научных конференций, посвящённых теме взаимодействия врачей и журналистов, хотя данная проблематика с акцентом на социологическое и нравственное сознание журналистика всегда остается актуальной [2; с. 8].

С той конференции многое изменилось в жизни врачей и журналистов: увеличилась коммерциализация в оказании медицинских услуг и исчез в СМИ идеал бесплатной медицины и изменился образ врача. Но также в СМИ тематику трансплантации органов публично не обсуждают, хотя за этой проблемой стоят судьбы тысяч людей, которые обречены на смерть без пересадки органов. Отметим, что такая ситуация и с другими проблемными точками здравоохранения.

Мы предполагаем, что публикации о медицине и фармации не всегда вызывают со стороны профессионального сообщества и аудитории однозначную реакцию. Потому как мы можем выделить основные проблемные точки в массовых изданиях: пристрастие к сенсациям, недостоверные источники, неаккуратная трактовка статистических данных. И поэтому основные идеи, как свобода прессы, объективность, истина, честность и конфиденциальность, могут быть взаимоисключающими.

Отметим, что понятие «этика» Рушворд Киддер, основатель Института мировой этики, трактует, как неписанные законы (the obedience to the unenforceable), то есть журналисты должны следовать своим собственным правилам, следить за честностью своих репортажей и не полагаться на государство или какие-либо законы или органы, указывающие, как им делать то, что они делают.

С латинского языка корень слова «этический» связан с понятиями «обычай» и «нрав». В журналистике под этим понятием мы предполагаем нормативную этику, в которой существуют правила поведения, принятые в журналистской среде.

Необходимо отметить, что, хотя этика носит нормативный характер, а при составлении кодексов вводятся обязательные правила, регулирующие деятельность журналистов, она не имеет отноше-

ния к органам законодательной власти. Тем не менее нарушение норм, как и нарушение законов, предполагает применение каких-либо – правовых или неправовых – мер.

Так как мы рассматриваем именно медицинскую журналистику, то нам ближе понятие, как биоэтика. Автор книги Павел Дмитриевич Тищенко «Биоэтика: вопросы и ответы» отметил, что термин «биоэтика» впервые был введен в оборот американским биохимиком Ван Ренсселер Поттер в 1970 году. В переводе с греческого слово «биоэтика» означает: *bios* – жизнь, представляющие факты науки из жизни, и *uthos* – мораль. То есть, данный термин рассматривается с точки зрения биологических знаний и общечеловеческих ценностях. Вскоре данный термин видоизменяется и рассматривается с точки зрения моральных, социальных и юридических проблем, вызванных развитием медицины.

Основная идея Поттера заключается в том, что не то, что возможно технически, правильно с точки зрения морали. Таким образом, можно сделать вывод, что биоэтика – это наука, изучающая противоречия различных сообществ в области медицины и фармации, которые могут нанести ущерб здоровью и качеству жизни, с целью выработки принципов и морально-нравственных норм, обеспечивающих использование таких достижений только во благо человека [3, с. 179].

В книге «Биоэтика: вопросы и ответы» автор предполагал, что биоэтика возможно связана с клятвой Гиппократата. Но клятва была зафиксирована в III века до н. э., как основополагающие морально-этические принципы поведения врача. Познакомившись с историей, отметим, что изначально данная клятва была семейной традицией, которая передавалась из рода в род. А сегодня используется, как «клятва врача», произносимой при получении документа о высшем медицинском образовании.

Разобравшись в этом вопросе, исследователи пришли к выводу, что эти два феномена не связаны друг с другом, поскольку «клятва врача» – это аспект его этики, которая носит корпоративный характер. В ней рассматриваются отношения медицинского персонала и пациентов. А в биоэтике транслируются взаимодействия различных групп, например, врачей и учёных, а также журналистского сообщества.

Отметим, что сегодня биоэтикой должны заниматься не только врачи и фармацевты, но и журналисты, биологи, философы и др., поэтому СМИ можно воспринимать как единственный инструмент вовлечения общества в массовую дискуссию для того, чтобы прийти к положительным эффектам в виде чёткого законодательства. В связи с этим массовая аудитория должна понимать, что от того, каким образом будут подаваться материалы в СМИ, зависит, каким будет общественное мнение.

Вот почему медицинские журналисты Белгородской области должны быть грамотны и в вопросах биоэтики. И соблюдали этические нормы, основанные на кодексах Этики российского журналиста, профессионально-этический журналистов Белгородчины, а также соблюдали принципы биоэтики, подзаконных нормативно-правовых актов. Но главный для журналистов этический документ России – Кодекс профессиональной этики российского журналиста (одобренный Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 г.) – не дает ответа на сомнения, возникающие в этой сфере деятельности, а именно медицинская журналистика, нуждается в особых “этических регуляторах”.

В отечественном кодексе мы можем обнаружить лишь несколько общих положений, среди которых следующие: “Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений”; “Журналист обязан безусловно избегать употребления оскорбительных выражений, могущих нанести вред моральному и физическому здоровью людей”, “журналист сознает, что его профессиональная деятельность прекращается в тот момент, когда он берет в руки оружие” [4; с. 254].

В Кодексе подробно описана необходимость быть правдивым, воздержаться от разжигания конфликтов, не подвергаться влиянию общественного мнения или авторитетов. Можно сказать, эти нормы регулируют работу журналистов общественно-политических изданий, имеющих дело с политикой, экономикой, культурой и т.д. Но в Кодексе вопросы медицинской журналистики не рассматриваются.

Можно обратить внимание лишь на пункт, касающийся журналистского расследования: “Только защита интересов общества может оправдать журналистское расследование, предполагающее вмешательство в частную жизнь человека. Такие ограничения вмешательства неукоснительно выполняются, если речь идет о людях, помещенных в медицинские и подобные учреждения”. К сожалению,

нию, медицинская журналистика не ограничивается лишь этой ситуацией. Мы считаем, что данный документ нуждается в дополнении.

Меры этического контроля в этой сфере журналистики, физические и душевные заболевания входят в сферу частной жизни человека, а, следовательно, подлежат тщательному регулированию. К этой сфере журналистики можно применить понятие «неподобающее освещение» - речь в этом случае идет о необоснованном стремлении журналиста к сенсационности, в материалах раскрываются излишне подробные детали болезни человека, иногда даже те моменты, которые должны быть ограничены врачебной тайной [5; с. 107].

Поэтому не стоит забывать, что важнейшими принципами журналистики являются правдивость и объективность подачи информации в СМИ, однако мы иногда можем встретить в СМИ ложную информацию, которая может дискредитировать либо работу врача, либо медицинской и фармацевтической деятельности.

Таким образом, все европейские государства разрабатывают этические принципы и нормативы, стремясь к общему идеалу. Одной из самых разработанных и влиятельных систем самоконтроля является немецкая. В Германии существует кодекс немецкой прессы «Принципы публицистики», который был создан в 1976 году. Его можно назвать немецким кодексом этики. В действующем кодексе мы можем увидеть 16 пунктов. По содержанию в целом он напоминает российский кодекс, но в кодексе немецкой прессы отдельно выносят пункт 8.3. В нём говорится об освещении темы болезни человека. В кодексе отмечается, что при публикации материалов на медицинскую проблематику следует избегать сенсационности, которая могла бы вызвать у аудитории необоснованные опасения или надежды [6]. Результаты научных исследований на их ранней стадии нельзя представлять, как уже окончательные». Основные тезисы звучат так:

- «Заболевания человека являются личным секретом затронутого лица»;
- «При публикации материалов не должна быть указана личная информация и фотографии, а также негативные тон при описании заболевания или болезни»;
- «Известные личности должны быть защищены и после смерти от дискриминационных разоблачений».

Также особое значение имеет освещение случаев самоубийства, здесь необходимо проявлять сдержанность. Это особенно касается публикации имен и подробного освещения сопутствующих обстоятельств. Исключения допускаются, например, тогда, когда речь идет о важном событии современности, представляющем интерес для общественности.

В немецком кодексе вопрос неоправданной сенсационности прописан очень четко: «следует избегать неподобающей сенсационности, которая могла бы вызвать у читателей необоснованные опасения или надежды. Результаты научных исследований на их ранней стадии нельзя представлять, как уже окончательные или почти окончательные». Если происходят ошибки в немецких СМИ, то основным средством считает воздействие через публичную огласку самого факта нарушения этического кодекса.

На сегодняшний день существует много профессионально-этических кодексов, например, Ассоциация редакторов газет The Association of Newspaper Editors упоминает более 47 этических кодексов, однако мы понимаем, что не один из этих кодексов не может охватить все проблемы в сфере здравоохранения. Мы считаем, что сегодня кодекс медицинской журналистики должен быть создан с учетом современной практики [7; с. 105].

Таким образом, медицинская этика до середины 20 века не регулировалась юридическими нормами. А в европейской традиции основным принципом отношения к больному являлся принцип Гиппократа «не навреди». И только в 1970 году начинается становление биоэтики. Термин «биоэтика» с греческого обозначает жизнь и мораль. А сегодня действует «Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека». В этом документе определены основные принципы биоэтики.

В СМИ последние годы складывается новое направление научной журналистики. Журналист, пишущий на медицинскую тематику, должен балансировать на грани «сенсационности» и пристального внимания к фактам и эмпирическим оценкам [8; с. 50]. Поэтому результативность работы зависит не только от профессионализма, но и от знания и соблюдения правовых и этических норм, а также от юридической культуры письма, соблюдение этических кодексов журналистов, потому как мы должны понимать, что ключевым вопросом свободы СМИ является вопрос ответственности, которая может привести к разным последствиям, в том числе и негативными.

Мы предполагаем, что медицинское сообщество желает, чтобы журналисты занимались пропагандой научных знаний среди населения, а также агитацией в пользу здорового образа жизни [9; с. 10].

Часто отклонение от этих норм вызвано недостатком специального (медицинского) образования и информации у журналистов. К сожалению, в России существует очень мало специальных образовательных программ по медицинской журналистике, и они не очень востребованы. Также есть врачи, пришедшие работать в журналистику. Но врач, который начинает работу журналисту не осознаёт, что недостаточно знать медицину. Медицинский журналист должен уметь переводить с научной медицинской терминологии на язык масс-медиа [10; с. 120]. Тем не менее повышение уровня грамотности в вопросах здоровья специалистов немедицинского профиля, работа которых влияет на здоровье нации, – вполне выполнимая задача, которая стоит сегодня перед врачами. Поэтому основными этическими принципами медицинских журналистов должны быть – профессионализм, независимость, достоверность, ответственность.

Медицинский журналист, который освещает биоэтическую тематику, должен быть знаком с Всеобщей декларацией ЮНЕСКО о биоэтике и правах человека, с Клятвой Гиппократова, с Кодексом профессиональной этики российского журналиста, с профессионально-этический журналистов Белгородчины. Именно в этих документах определены моральные обязанности журналистов.

Библиографический список

1. Левит М.М. Медицинская периодическая печать в России и СССР (1792–1962). М.: Издательство Медгиз. 1963. 244 с.
2. Воскобойникова А.П. Медицинская журналистика России: история и современность. В кн.: Журналистика, массовые коммуникации и медиа: взгляд молодых исследователей. Материалы научно-практической конференции аспирантов и студентов, 10–17 апреля 2019, Белгород. Под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. Белгород, Факультет журналистики НИУ «БелГУ», 2019. С. 8–11.
3. Воскобойникова, А.П., Ушакова С.В., Рязанцев В.А. Российская медицинская журналистика: историческая традиция и актуальные тенденции // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41. №2. С. 179-192.
4. Меженко Ю.А. Русская техническая периодика. 1800-1916 гг. М., Л.: Академия наук СССР, 1955. 254 с.
5. Коротницкая, М. В., Радченко Е.И. Значимость культуры социологического мышления журналиста в современных условиях // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 24(221). С. 104-108.
6. Принципы публицистики (кодекс печати). Германия. 2012. URL / <https://lib.sale/journalistika-knigi/printsipyi-publitsistiki-kodeks-pechati-98059> (дата обращения – 29.08.2022).
7. Лядова А.В., Лядова М.В. Ценность здоровья в современном обществе // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования: Материалы XX Международной конференции памяти профессора Л.Н. Когана, 16–18 марта 2017, Екатеринбург / Под ред. А.В. Меренкова, Е.В. Грунт, Н.Л. Антоновой. Екатеринбург: Институт современных технологий управления, 2017. С. 106–112.
8. Zakharova, S.A., Polonsky A.V. The role of Belgorod mass-media in forming public agenda // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2015. С. 47-51.
9. Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Биоэтика и журналистика. М.: Издательство «АдамантЪ», 2011. С. 4-55.
10. Донских А.Г. К вопросу о разглашении врачебной тайны в публичном пространстве // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации. Сборник трудов III международной научно-практической конференции, 7–8 октября 2021, Белгород / Под ред. А.В. Полонского. Белгород, Политерра, 2021. С. 118–124.

Referenses

1. Levit M.M. Medical periodicals in Russia and the USSR (1792–1962). M., Medgiz Publishing House. 1963. 244 p.
2. Voskoboynikova A.P. Medical journalism in Russia: history and modernity. In: Journalism, mass communications and media: the view of young researchers. Materials of the scientific and practical conference of graduate students and students, April 10–17, 2019, Belgorod. Ed. E.A. Kozhemyakina, A.V. Polonsky. Belgorod, Faculty of Journalism, National Research University “BelSU. 2019. P. 8–11.
3. Voskoboynikova, A.P., Ushakova S.V., Ryzantsev V.A. Russian medical journalism: historical tradition and current trends // Issues of journalism, pedagogy, linguistics. 2022. T. 41. №. 2. S. 179-192.
4. Mezhenko Yu.A. Russian technical periodicals. 1800-1916 M., L., USSR Academy of Sciences, 1955. 254 p.

5. Korotitskaya, M.V., Radchenko E.I. The significance of the culture of sociological thinking of a journalist in modern conditions // Scientific sheets of the Belgorod State University. Series: Humanities. 2015. №. 24 (221). P. 104-108.
6. Principles of Journalism (Press Code). Germany. 2012. URL / <https://lib.sale/jurnalistika-knigi/printsipyi-publitsistiki-kodeks-pechati-98059> (accessed - 29.08.2022).
7. Lyadova A.V., Lyadova M.V. The value of health in modern society. In: Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research. Proceedings of the XX International Conference in memory of Professor L.N. Kogan, March 16–18, 2017, Yekaterinburg / Ed. A.V. Merenkova, E.V. Grunt, N.L. Antonova. Yekaterinburg, Institute of Modern Management Technologies. 2017. P. 106-112.
8. Zakharova, S.A., Polonsky A.V. The role of Belgorod mass-media in forming public agenda // Scientific result. Series: Questions of Theoretical and Applied Linguistics. 2015. P. 47-51.
9. Tishenko P.D., Yudin B.G. Bioethics and journalism. M.: Publishing house "Adamant". 2011. - P. 4-55.
10. Donskikh A.G. On the issue of disclosure of medical secrecy in the public space. In: Discourse Studies and Media Criticism of the Mass Media. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, October 7–8, 2021, Belgorod / Ed. A.V. Polonsky. Belgorod, Politerra. 2021. P. 118-124.

УДК 070.1

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.74.51.019

*Московский международный университет
доцент кафедры рекламы и связей с общественностью, канд. филол. наук
Самойленко Н. С.
Россия, г. Москва
тел. 89601138980
e-mail: samoilenkons@gmail.com*

*Moscow International University
Associate Professor of the Department of Advertising and Public Relations, PhD in philology
Samoilenko N. S.
Russia, Moscow
tel. 89601138980
e-mail: samoilenkons@gmail.com*

Н.С. Самойленко

КОНВЕРГЕНЦИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ, МЕДИАКОММУНИКАЦИЙ И ИТ

Данная работа посвящена феномену конвергенции журналистской, медиакоммуникационной и ИТ-сфер. Достижение цели предполагает реализацию следующих задач: определить особенности современного медийного контента в диджитал среде и необходимые навыки, которыми должны обладать журналисты-медиакреаторы; выявить конвергенцию между профессиональной журналистикой и ИТ-деятельностью, определить компетенции из ИТ-сферы, необходимые современному журналисту; дифференцировать подходы к высшему образованию бакалавров-журналистов и бакалавров по направлению «медиакоммуникации». В настоящем исследовании маркируется факт ускорения трансформационных медиа-процессов (как следствие пандемии коронавируса 2019 года и дальнейшего экономического кризиса), способствующих ускорению цифровизационных процессов и переходу многих сфер деятельности в цифровой формат, а сотрудников - на удаленный режим работы. В рамках данной работы выявляются особенности современного медийного контента в цифровой среде: всевозрастающая скорость распространения информации; ориентация на визуальный контент и отказ от текстоцентричности; наличие интерактивных элементов и обратная связь нового уровня; интеграция элементов геймификации; возможность медиапотребления с помощью различных цифровых устройств и разных каналов коммуникации; возможность пользователей не только потреблять, но и создавать контент. Определяются необходимые навыки, которыми должны обладать журналисты-медиакреаторы; проводится сравнительное исследование модели градации профессиональной ИТ-компетенции относительно профессиональной журналистской деятельности; выявляются компетенции из ИТ-сферы, необходимые современному специалисту в области медиа. На примере программ подготовки по направлениям «журналистика» и «медиакоммуникации» ведущих университетов в рамках некоторых дисциплин определяется возможность освоения конвергентных медиа-ИТ компетенций студентами-журналистами и студентами, обучающимися по направлению «медиакоммуникации».

Ключевые слова: журналистика, медиакоммуникации, конвергентные компетенции, конвергенция, дигитализация, индустрия 4.0.

N.S. Samoilenko

CONVERGENCE OF MEDIA COMMUNICATION, JOURNALISM AND IT

This work is devoted to the phenomenon of convergence of journalistic, media communication and IT. Achieving the goal involves the implementation of the following tasks: to determine the features of modern media content in the digital environment and the necessary skills that journalists-media creators should have; to identify the convergence between professional journalism and IT activities, to determine the competencies from the IT field that are necessary for a modern journalist; to differentiate approaches to higher education of bachelors-journalists and bachelors in the direction of "media communications". This study marks the fact of acceleration of transformational media processes (as a consequence of the 2019 COVID pandemic and the further economic crisis), which contribute to the acceleration of digitalization processes and the transition of many areas of activity to digital format, and employees to remote work. Within the framework of this work, the features of modern media content in the digital environment are revealed: the ever-increasing speed of information dissemination; focus on visual content and rejection of text-centricity; the presence of interactive elements and feedback of a new level; integration of gamification elements; the possibility of media consumption using various digital devices and different communication channels; the ability of users not only to consume, but also to create content. The necessary skills that journalists-media creators should have are determined; a

comparative study of the model of grading professional IT competence in relation to professional journalistic activity is being carried out; competencies from the IT-sphere necessary for a modern specialist in the field of media are revealed. On the example of training programs in the areas of "journalism" and "media communications" of leading universities in some disciplines, the possibility of mastering convergent media-IT competencies by students-journalists and students studying in the direction of "media communications" is determined.

Keywords: journalism, media communications, convergent competencies, convergence, digitalization, industry 4.0.

Журналистика в XXI веке переживает череду трансформационных процессов. Глобальный переход коммуникационной сферы в онлайн привел к доминированию интернет-изданий на российском медиаландшафте. Данный тренд выражается как в росте медиапотребления интернет-источников, так и в повышении доверия к ним, что подкрепляется актуальными исследованиями [1]. Данная трансформация приводит как к качественным, так и количественным преобразованиям, меняя способы потребления контента для аудитории; оказывая огромное влияние на структуру жанров журналистского творчества; создает новые понятия, такие как медиатекст и т.д [2].

Стоит отметить, что трансформационные процессы большинства сфер жизни ускорились в связи с пандемией коронавирусной инфекции в 2019-2020 годах и последующим экономическим кризисом [3]. Сегодня мы считаем необходимым обратить внимание на новый процесс, происходящий в мире, который носит название — «четвёртая промышленная революция», или, так называемая, «Индустрия 4.0», предполагающая внедрение принципиально новых подходов, связанных с активной интеграцией информационных технологий, автоматизацией бизнес-процессов и использованием искусственного интеллекта. Термин «индустрия 4.0» был введён Клаусом Швабом в 2016 году [4]. Переход к реализации постулатов четвертой промышленной революции предполагает переход к внедрению, так называемых, сквозных технологий — передовых научно-технических отраслей, обеспечивающих создание высокотехнологичных продуктов и сервисов, наиболее сильно влияющих на развитие экономики, радикально меняющих ситуацию на существующих рынках и/или способствующих формированию новых рынков. Перечень сквозных цифровых технологий включает: нейротехнологии и искусственный интеллект; технологии виртуальной и дополненной реальности; технологии распределённого реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи. Очевидно, что процесс внедрения новых подходов приводит к конвергенции. Традиционно медиаконвергенция включает конвергенцию между смежными медиаобластями — рекламной, PR. Сегодня медиаконвергенция расширяется за счет IT-сферы, которая становится составной частью любой медиакommunikационной деятельности. Данный процесс оказывает влияние на трансформацию профессиональной деятельности журналиста.

Данная работа является логическим продолжением исследования, опубликованного в журнале «Коммуникации. Медиа. Дизайн» Высшей школы экономики, в рамках которого мы сконцентрировались на изменениях, происходящих в родственной журналистике рекламной и PR-сферах [5].

Гипотеза данного исследования базируется на том, что в условиях диджитализации и перехода к реализации постулатов «индустрии 4.0» происходит конвергенция журналисткой, медиакommunikационной и IT-сфер.

Целью работы является выявление конвергенции журналистики, медиакommunikаций и IT.

Достижение данной цели предполагает реализацию следующих задач:

1. определить особенности современного медийного контента в диджитал среде и необходимые навыки, которыми должны обладать журналисты-медиакреаторы;
2. выявить конвергенцию между профессиональной журналистикой и IT-деятельностью, определить компетенции из IT-сферы, необходимые современному журналисту;
3. дифференцировать подходы к высшему образованию бакалавров-журналистов и бакалавров по направлению медиакommunikации.

Традиционный подход к определению медиа принадлежит Маршаллу Маклюэну и сформулирован следующим образом: «медиа – это сообщение» (medium is the message) [6]. Современный исследователь, автор труда «Язык новых медиа», Лев Манович вступает в заочную полемику с классиком и утверждает, что «software is the message» (программное обеспечение (софт) – это сообщение) [7]. Таким образом, Лев Манович обращает наше внимание на то, что современные коммуникации достигли такого уровня развития, при котором они опосредованы с помощью «софта» – разного рода программного обеспечения. Наличие такого посредника начинает определять суть коммуникацион-

ного процесса. Если журналист вступает в коммуникационный акт, опосредованный «новыми медиа», он вынужден принять условия цифровой среды. К таким условиям можно отнести привычки аудитории, которые вырабатываются на основе их ежедневного взаимодействия с медиакommunikационной средой.

Среди основных особенностей современного медиапотребления исследователи выделяют следующие [8], [9]:

1. *Скорость распространения информации.* Данная особенность формируется на основе того, что новые медиа позволяют распространять информацию намного быстрее иных коммуникационных каналов. Обеспечение быстрой передачи информации потребует от журналиста понимания, какие каналы коммуникации, социальные сети могут обеспечить быстрое распространение информации, также от журналиста может потребоваться наличие специальных технических средств и высокоскоростного доступа в интернет.

2. *Ориентация на визуальный контент.* Для современных цифровых коммуникаций характерен отход от текстоцентричности, а основной семантической единицей становится креолизованный текст. Помимо прочего, сегодня зачастую фотографии в материалах замещаются видеороликами или gif-изображениями (короткими зацикленными видеороликами). Для адекватной работы с визуальным контентом журналисту потребуются опыт работы с графическими редакторами, знание основ графического дизайна, общее понимание того, что может быть встроено на конкретный сайт онлайн-СМИ, а что – нет.

3. *Наличие интерактивных элементов и обратная связь нового уровня.* Наличие обратной связи в современных онлайн-СМИ реализуется с помощью ставших уже традиционными отметок «нравится» (лайк), возможности поделиться (репостов), комментариев и т.д. При этом ряд изданий интегрирует в свои тексты более креативные, новые способы – опросы, квизы и т.д. [10]. Аудитория ожидает, что обратная связь не будет ограничена «письмами в редакцию». На фоне этого формируется направление журналистов-стримеров, которые выходят вместо традиционных прямых эфиров. Такие стримы позволяют пользователям более тесно взаимодействовать с авторами материала.

4. *Интеграция элементов геймификации.* Сегодня одним из основных медиа для молодого поколения являются видеоигры. Специалисты отмечают, что молодые люди при взаимодействии с иными видами медиа, ожидают схожего опыта, полученного в рамках видеоигр. Цифровой образ жизни накладывает очевидный отпечаток на поведение пользователей [11]. Данный опыт активно используют маркетологи, создавая пользователям аккаунты с возможностью повышения уровня, заработка дополнительных очков за выполнение целевых действий, бейджификации и т.д. В современной журналистике также активно используются элементы игры. В материалы журналистов встраиваются квизы, тесты. Актуальность данного постулата подтверждает издание Russia Today, которое летом 2022 года разместило вакансию, где одним из требований к кандидату являлась «наигранность», то есть понимание игровых механик для возможности встраивания в коммуникационный процесс между редакцией и аудиторией.

5. *Возможность медиапотребления с помощью различных цифровых устройств и разных каналов коммуникации.* Аудитория ожидает, что взаимодействие с контентом будет одинаково удобно для пользователей, вне зависимости от того, какое для этого используется устройство (смартфон, компьютер, планшет, ноутбук), и не будет зависеть от используемой операционной системы – Windows, Android, Mac Os, Ios, Ipad Os, Linux и т.д. С одной стороны, оптимизация материала под разного рода устройства и операционные системы может показаться сугубо технической задачей. Однако, с другой стороны, если в результате оптимизации будут изменены: расположение рисунков, используемые шрифты, масштаб, — это повлияет на восприятие такого материала. Журналист, в свою очередь, должен понимать особенности медиапотребления на разных устройствах и обеспечивать бесшовный опыт, позволяющий менять налету устройства и операционные системы, чтобы взаимодействие с контентом при этом оставалось одинаково удобным, а материал воспринимался одинаково адекватно. Термин «кроссмедийность» отсылает нас к необходимости подготавливать один и тот же материал для разных каналов коммуникации, таким образом, журналист превращается в медиакреатора в рамках одной темы, готовящего несколько материалов для разных каналов коммуникации (например, статья в виде креолизованного текста для сайта издания, видеoversия для канала на YouTube, аудиoversия для подкастов).

6. *Возможность пользователей не только потреблять, но и создавать контент.* Цифровая среда определяется значительно большей демократизацией по сравнению с традиционными СМИ. Если раньше мы говорили об аудитории, как о людях, на которых направленно некоторое информа-

ционное сообщение, и выбор которых заключается лишь в том, чтобы потреблять предложенный контент или «переключить канал», то сегодня, в рамках онлайн-СМИ, мы уже говорим о пользователях, как о людях, которые оставляют комментарии, оценивают материалы журналистов и предложенные информационные поводы, создают собственные уникальные медийные продукты. Для успешных средств массовой информации сегодня характерно наличие элементов социальных сетей – отдельные разделы с «народными новостями», активность которых может превышать активность традиционных разделов [12]. Журналист теперь не только создатель контента. Журналист становится модератором, который не столько создает собственный контент, как определяет темы для дискуссии, зачастую провоцирует аудиторию на создание собственного контента, управляет медийными потоками, а в некоторых случаях – «программирует» аудиторию на целевое поведение в рамках политики редакции.

Таким образом для того, чтобы создать адекватный современному уровню развития технологий медийный контент, журналист, очевидно, должен обладать рядом «новых» навыков. Приведенные примеры маркируют актуальность постулатов Д. Рэндалла о необходимости «универсального» журналиста [13]. Однако, автор не мог предположить, что универсальность в XXI веке будет выражаться в наличии у журналиста компетенции в области компьютерных наук и ИТ. В рамках данной работы мы хотим обратить внимание, что любой специалист, работающий с контентом, сегодня интегрируется в сферу высоких технологий. Чтобы ответить на вопрос, правомерно ли в таком случае относить журналиста к ИТ-специалистам, мы предлагаем изучить модель градации профессиональной ИТ-компетенции, предложенную университетом Иннополис [14].

Рис. 1. Модель градации профессиональной ИТ-компетенции

Проанализируем приведенную модель, относительно профессиональной деятельности современного журналиста и близости к разработке ПО (см. пункт 3 рис. 1)

Анализ модели представлен в обратном порядке от наименьшей необходимости участвовать в разработке программного продукта к наибольшей.

Пункт 3.3 маркирует пользователей ПО, ИТ-услуг и сервисов, не участвующих в разработке ПО, но обладающих навыками использования ИТ-продуктов. Сегодня правомерно утверждать, что любой журналист обязан обладать такими навыками, т.к. подготовка материала невозможна без использования ПО. Применительно к профессиональной журналистской деятельности – это текстовые редакторы (Word, Pages, Мой офис, Яндекс.Документы и прочее); интернет-браузеры (Chrome, Safari, Яндекс.Браузер и т.д.); графические редакторы (Photoshop и д.р) и т.д. Соответственно, данный набор

навыков сегодня является минимальным для современного журналиста при выполнении профессиональных обязанностей.

Пункт 3.2 IT-специалисты, участвующие в процессе интеграции программного продукта в сервисы. В приведенном исследовании университета Иннополис маркируется такое направление деятельности, как дизайн-интерфейсов. При подготовке журналистского материала сегодня зачастую разделяются процессы работы над информационным содержанием и работы над интерфейсом, «обрамляющим» этот материал, что на наш взгляд, является неверным. Пользователи интернет-ресурса взаимодействуют с комплексным информационным продуктом, на адекватное восприятие которого в равной степени влияет как «текст», подготовленный журналистом, так и «дизайн», позволяющий пользователю взаимодействовать с данным материалом. «Как только окно браузера заменило и вместило в себя кино, телевизионный экран, стену в галерее и библиотеку, новая модель заявила о себе: вся прошлая и современная культура демонстрировалась и воспринималась посредством компьютера и через призму логики пользовательского интерфейса» [15].

Таким образом, более тесная интеграция журналиста в процесс работы над информационным продуктом влияет на восприятие данного материала. Для того, чтобы журналист был «включен» в процесс подготовки медийного контента на данном уровне, он должен обладать соответствующей квалификацией в области IT – знать основы языков программирования, дизайна интерфейса, принципы работы IT-продуктов, web-дизайна и т.д.

Пункт 3.1 Непосредственно участвующие в разработке ПО, IT-услуг, IT-сервисов. Здесь необходимо обратить наше внимание, что сайт интернет-СМИ сам по себе является информационным продуктом – программным обеспечением. Разработка такого продукта невозможна без тесной совместной работы программистов, разработчиков, тестировщиков, с одной стороны, и журналистов – с другой.

Таким образом, мы считаем доказанным наличие процессов конвергенции, происходящих сегодня между журналистской деятельностью и профессиональной деятельностью IT-специалистов. Компетенции современного медиакреатора выходят за рамки пользователя программного обеспечения в условиях, когда СМИ – это программное обеспечение. В следующей части настоящего исследования мы считаем необходимым разобрать, насколько современное журналистское образование и образование в сфере медиакommunikаций отвечает вышеупомянутым вызовам.

Для реализации данной задачи мы провели компаративное исследование учебных планов ведущих российских университетов по направлениям «журналистика» и «медиакommunikации». В общей сложности были рассмотрены бакалаврские программы десяти ведущих университетов РФ в соответствии с рейтингом RAEX [16]. Было принято решение сфокусироваться на рассмотрении учебных планов Московского государственного университета и Высшей школы экономики. На данном этапе расширить исследование не представляется возможным по причине того, что остальные ведущие университеты, подготавливающие журналистов (такие как МГИМО, ММУ), не имеют бакалаврских программ по направлению «медиакommunikации», или такие программы готовятся к апробации.

Далее мы выбрали дисциплины, включенные в учебные планы, способные формировать конвергентные компетенции на грани профессиональной и IT-деятельности, выявленные в предыдущем разделе настоящего исследования (см. табл.).

«Перечень дисциплин, способных формировать конвергентные медиа-IT компетенции»

п\п	Московский государственный университет «журналистика»	Высшая школа экономики «журналистика»	Московский государственный университет «медиакommunikации»	Высшая школа экономики «медиакommunikации»
Основная часть	<ul style="list-style-type: none"> • информатика; • мультимедийные технологии; 	<ul style="list-style-type: none"> • python для извлечения и обработки данных; • медиаграмотность; • основы работы с данными: сбор, анализ, визуализация; 	<ul style="list-style-type: none"> • информатика; • редактирование медиатекстов; • фотосъемка и обработка изображений; • съемка и монтаж видео; • запись и монтаж звука; • основы программиро- 	<ul style="list-style-type: none"> • python для извлечения и обработки данных; • введение в открытые данные; • сторителлинг, основанный на данных; дата-арт; • автоматизация медиа; • использование игро-

			<p>вания;</p> <ul style="list-style-type: none"> • веб-мастеринг; • медиаинфографика; • компьютерная верстка; 	<p>вых платформ в медиа;</p> <ul style="list-style-type: none"> • интерактивный и визуальный сторителлинг; • город, цифровые технологии и трансмедийный сторителлинг; • digital-memory: • что происходит с памятью в цифровую эпоху? • анализ цифровых фильмов и мультиплатформенных проектов;
<p>Вариативная часть (дисциплины по выбору)</p>	<ul style="list-style-type: none"> • концепции и технологии современной редакции; • организация, хранение и поиск информации в Интернете; • правовое регулирование интернет-журналистики; • создание текстов для интернет-средств массовой информации; • социальные медиа; • техника и технологии цифровой фотографии; • цифровая обработка изображений; • современные медиаиндустрии; • основы дизайна; • веб-дизайн; • медиа-дизайн; • цифровая визуализация. 	<ul style="list-style-type: none"> • инфотейнмент; • аудиоподкастинг; • юридическое сопровождение работы с диджитал продуктом; • digital-memory: что происходит с памятью в цифровую эпоху? • теория и практика музыкального продакшна для продюсеров мультимедиа; • digital аналитика; устойчивое развитие и медиатехнологии; • цифровой сторителлинг; • анализ комиксов в контексте трансмедийного сторителлинга. 	<ul style="list-style-type: none"> • цифровой медиапроект; • индустрия аудиовизуального контента; • индустрия компьютерных игр. 	<ul style="list-style-type: none"> • введение в видеоигры как новые медиа; • основы веб-аналитики; • python: работа с данными и текстом; • инфотейнмент; • мультимедийный сторителлинг; • анализ комиксов в контексте трансмедийного сторителлинга; • аудиокниги, озвучка, дубляж; современная визуальная культура, искусство и коммуникация; • why we post: антропология социальных медиа; • производство AR\VR проектов; • инструменты исследования и мониторинга соцсетей; • трансмедийное рассказывание историй: повествовательные конструкции, новые технологии, глобальная аудитория; • онлайн-игры: литература, новые носители информации и сюжетно-тематическая картина.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что дисциплины, призванные формировать конвергентные компетенции, присутствуют в учебных планах ведущих университетов РФ как по направлению «журналистика», так и по направлению «медиакоммуникации». Однако, большая их часть вынесена в вариативную часть. Особенно обращает на себя внимание тот факт, что количество таких дисциплин значительно больше в учебных планах по направлению «медиакоммуникации», в особенности в учебном плане Высшей школы экономики. Ряд дисциплин напрямую связан со сквозными технологиями, указанными в программе «Цифровая экономика РФ» [17], например, «производство

AR\VR проектов» (ВШЭ, медиакоммуникации) - «технологии виртуальной и дополненной реальности».

Необходимо уточнить, что конвергентные компетенции, рассматриваемые в рамках настоящего исследования, выходят за рамки определения компетенций, регулируемых учебными планами и иными нормативными документами в существующей системе высшего образования РФ. Это подтверждается тем фактом, что ряд дисциплин, которые мы относим к «способным формировать конвергентные медиа-IT компетенции» не имеют указания на формируемые компетенции в учебных планах. Например, дисциплина «python для извлечения и разработки данных» не имеет указания на формируемые компетенции в рамках учебного плана ВШЭ, однако, является одной из основных маркируемых дисциплин в рамках нашего исследования. Таким образом, необходимо интенсифицировать методическую работу для адекватного представления актуальных дисциплин в нормативных документах.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующий вывод: направление «медиакоммуникации» в большей степени отвечает формированию маркируемых в настоящем исследовании конвергентных компетенций, в то время как традиционное журналистское образование тяготеет к большому акценту на традиционные дисциплины и формирование традиционных компетенций. Помимо прочего, стоит отметить повышенный интерес студентов к направлению медиакоммуникации в последние годы. Будучи активными «соучастниками» современного цифрового медийного процесса, абитуриенты отдают предпочтение данному направлению.

Выводы:

1. Современный медиадискурс определяется наличием определенных условий коммуникационного онлайн-процесса, что, в свою очередь, накладывает на журналиста обязанности отвечать запросам аудитории и адаптироваться к новой медийной среде за счет овладения «новыми» навыками.

2. Сравнение модели профессиональных компетенций IT-специалистов и профессиональной деятельности журналистов позволяет выявить конвергентные компетенции на грани IT и медиа.

3. Сегодня в ведущих университетах России в учебные планы, как по журналистике, так и по медиакоммуникациям, включены дисциплины, способные формировать подобного рода конвергентные компетенции, однако, преобладающее их число приходится на направлении «медиакоммуникации» МГУ и ВШЭ, в то время, как другие ведущие вузы, подготавливающие журналистов (МГИМО, Московский Политех, ММУ), только разрабатывают подобные программы.

Таким образом, в рамках данной работы нам удалось выявить нарастающую конвергенцию между IT и медийной сферами. Продукт журналистского творчества сегодня – это гибридный информационный продукт, успех которого в равной степени зависит как от таланта журналиста, так и от технического исполнения. Данные факты накладывают на специалистов в медийной сфере еще большие обязанности для постижения конвергентных медиа-IT компетенций.

Библиографический список

1. Prime-media: «Банк "Открытие": 40% россиян уверены, что телевидение будет динамично развиваться». Режим доступа: <https://primamedia.ru/news/1403718/> (дата обращения: 21.12.2022).
2. Новичихина М.Е., Самойленко Н.С. Новые медиа и новые функции медиатекста: к вопросу о трансформации современной журналистики // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2(21). С. 92-99.
3. Шваб К., Маллере Т. 2020. COVID-19: Великая перезагрузка. Выпуск 1.0. Всемирный экономический форум, 91–93. Route de la Capite CH-1223 Колонья. Женева Швейцария.
4. Шваб Клаус Мартин. 2016. Четвертая промышленная революция. М, «Эксмо», 208 с.
5. Самойленко Н. С. Сквозные цифровые технологии «индустрии 4.0» в рекламе и PR (Adtech кейсы) // Коммуникации. Медиа. Дизайн. 2022. № 7(3). С. 24-38.
6. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М. : Гиперборея; Кучково поле, 2007. 462 с.
7. Манович Л. Язык новых медиа. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 400 с.
8. Олешко В.Ф., Олешко Е.В. Сквозные цифровые технологии: диапазон возможностей современных массмедиа // Вопросы теории и практики журналистики. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skvoznnye-tsifrovyye-tehnologii-diapazon-vozmozhnostey-sovremennyh-massmedia> (дата обращения: 21.12.2022).
9. Стинс О., Ван Фухт Д. (Пер. с англ. Бергер Н.) Новые медиа / О. Стинс, Д. Ван Фухт (Пер. с англ. Н. Бергер) // Вестник ВолГУ серия: 8. Вып. 7. Волгоград, 2008. С. 98 – 106.
10. РБК: «Лучшие регионы для жизни». Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2021/6078136e9a7947d0e9e1b1fb> (дата обращения: 21.12.2022).

11. Сартакова Е.Е. Проблемы развития теории геймификации в России // Вестник ТГПУ. 2022. №2 (220). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-teorii-geymifikatsii-v-rossii> (дата обращения: 21.12.2022).
12. МОЕ ОНЛАЙН: «Народные новости». Режим доступа: <https://moe-online.ru/nn> (дата обращения: 21.12.2022).
13. Рэндалл Д. Универсальный журналист. М.: Международный центр журналистики, 1996. 120 с.
14. Иннополис: «Портрет ИТ-компетентности специалиста в области ИТ». Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=68BI0ELbLqс> (дата обращения: 21.12.2022).
15. Манович Л. Язык новых медиа. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. С. 100.
16. RAEX: «Рейтинг лучших вузов России RAEX-100, 2022». Режим доступа: https://raex-rr.com/pro/education/russian_universities/top-100_universities/2022/ (дата обращения: 21.12.2022).
17. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. No 1632-р. ». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201708030016>. (дата обращения: 21.12.2022).

References

1. Prime-media: "Bank Otkritie: 40% of Russians are confident that television will develop dynamically." Access mode: <https://primamedia.ru/news/1403718/> (date of access: 12/21/2022).
2. Novichikhina, M. E. New media and new functions of media text: to the question of the transformation of modern journalism / M. E. Novichikhina, N. S. Samoilenko // Upper Volga Philological Bulletin. 2020. No. 2(21). S. 92-99.
3. Schwab K., Mallere T. 2020. COVID-19: The Great Reset. Release 1.0. World Economic Forum, 91–93. Route de la Capite CH-1223 Cologny. Geneva, Switzerland.
4. Schwab Klaus Martin. 2016. The fourth industrial revolution. М, "Eksmo", 208 p.
5. Samoilenko, N. S. End-to-end digital technologies of "industry 4.0" in advertising and PR (Adtech cases) / N. S. Samoilenko // Communications. Media. Design. 2022. №. 7 (3). P. 24-38.
6. McLuhan M. Understanding media: human external extensions. Moscow: Hyperborea; Kuchkovo field, 2007. 462 p.
7. Manovich L. The language of new media. М. : Ad Marginem Press, 2018. 400 p.
8. Oleshko V.F., Oleshko E.V. End-to-end digital technologies: the range of possibilities of modern mass media // Questions of Theory and Practice of Journalism. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/skvoznyetsifrovye-tehnologii-diapazon-vozmozhnostey-sovremennyh-massmedia> (date of access: 12/21/2022).
9. Stins O., Van Fucht D. (Translated from English. Berger N.) New media / O. Stins, D. Van Fucht (Translated from English. N. Berger) // Bulletin of VolSU series: 8. Issue . 7. Volgograd, 2008. P. 98 – 106.
10. RBC: "The best regions for life.» Access mode: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2021/6078136e9a7947d0e9e1b1fb> (date of access: 12/21/2022).
11. Sartakova E.E. Problems of development of gamification theory in Russia // Vestnik TSPU. 2022. №2 (220). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-razvitiya-teorii-geymifikatsii-v-rossii> (Date of access: 12/21/2022).
12. MY ONLINE: People's News. Access mode: <https://moe-online.ru/nn> (date of access: 12/21/2022).
13. Randall D. Universal Journalist. Moscow: International Center for Journalism, 1996. 120 p.
14. Innopolis: "Portrait of the IT Competence of an IT Specialist". Access mode: <https://www.youtube.com/watch?v=68BI0ELbLqс> (date of access: 12/21/2022).
15. Manovich L. The language of new media. М. : Ad Marginem Press, 2018. P. 100.
16. RAEX: "Ranking of the best universities in Russia RAEX-100, 2022". Access mode: https://raex-rr.com/pro/education/russian_universities/top-100_universities/2022/ (date of access: 12/21/2022).
17. Program "Digital Economy of the Russian Federation": Order of the Government of the Russian Federation dated July 28, 2017 No. 1632-r. ". Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201708030016>. (date of access: 12/21/2022).

ЯЗЫК СМИ LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 070

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.43.58.020

*Донецкий национальный университет
Старший преподаватель
кафедры журналистики
Болдырев С.М.
Россия, ДНР, г. Донецк
тел. +7 (949) 328-04-58
e-mail: s.boldyrev@donnu.ru*

*Donetsk National University
Senior teacher of the Journalism Department
Boldyrev S.M.
Russia, DPR, Donetsk
tel. +7 (949) 328-04-58
e-mail: s.boldyrev@donnu.ru*

С.М. Болдырев

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕЛЕВИЗИОННОГО НОВОСТНОГО ДИСКУРСА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

В условиях глобальной информационной войны особую актуальность приобретают исследования манипулятивных технологий, применяемых в средствах массовой информации. Проигрыш в информационном противостоянии может привести к необратимым последствиям для государства, что определяет необходимость детального изучения стратегий и тактик речевого воздействия, используемых западными СМИ. Предметом исследования в данной статье являются вербальные и невербальные особенности технологий имплицитного воздействия новостного телевизионного дискурса ведущих телекомпаний США и Великобритании. В статье рассматриваются характерные приемы информационной войны, применяемые англоязычными СМИ во время освещения событий на Запорожской АЭС в августе-сентябре 2022 года. В ходе исследования были выявлены лингвистические особенности используемых приемов имплицитного воздействия, таких, как «полная дезинформация», «умалчивание», «варьирование на синтаксическом уровне». Также была рассмотрена специфика композиционно-структурного построения телевизионных новостных материалов, позволяющая авторам доносить до адресата ничем не подтвержденную, ложную информацию. Результаты анализа позволяют выдвинуть гипотезу, что во время проведения информационных кампаний на темы, связанные с военным конфликтом, действия «независимых» западных СМИ координируются из единого центра. При этом журналисты стараются избегать прямой и откровенной лжи в своих авторских текстовых материалах, однако допускают использование полной дезинформации адресата с помощью ссылок на «размытый источник». Применение широкого спектра манипулятивных технологий в ходе освещения военного конфликта на Украине позволило сделать вывод о том, что западные СМИ осознанно и целенаправленно пытаются сформировать в сознании аудитории образ врага в лице Российской Федерации. Вследствие этого также можно говорить о значительном усилении воздействующей функции в новостных материалах англоязычных телекомпаний, которое происходит в ущерб функции информирования.

Ключевые слова: телевизионный дискурс, новости, информационная война, манипулятивные технологии.

S.M. Boldyrev

LINGUISTIC FEATURES OF THE TELEVISION NEWS DISCOURSE OF THE ENGLISH-SPEAKING MEDIA DURING THE INFORMATION WAR

In the context of the global information war, the research of manipulative technologies used in mass media is of particular relevance. A loss in the information confrontation can lead to irreversible consequences for the state. This factor determines the need for a detailed study of the strategies and tactics of speech influence used by Western media. The subject of this article is the verbal and nonverbal features of the technologies of implicit impact of the news television discourse of the leading TV companies in the USA and Great Britain. The article discusses the characteristic techniques of information warfare used by the English-language media during the coverage of events at the Zaporozhye NPP in August-September 2022. In the course of the study, certain linguistic features of the implicit influence tech-

niques used were identified, such as "complete disinformation", "silence", "variation at the syntactic level". The specifics of the compositional and structural construction of television news materials were also considered, which allows the authors to convey to the addressee unconfirmed, false information. The results of the analysis allow us to hypothesize that during information campaigns on topics related to the military conflict, the actions of "independent" Western media are coordinated from a single center. At the same time, journalists try to avoid direct and outright lies in their author's text materials, however, they allow the use of complete misinformation of the addressee using links to a "blurred source". The use of a wide range of manipulative technologies during the coverage of the military conflict in Ukraine allowed us to conclude that the Western media are consciously and purposefully trying to form an image of the enemy in the face of the Russian Federation in the minds of the audience. As a result, we can also talk about a significant strengthening of the influencing function in the news materials of English-language TV companies, which occurs to the detriment of the informing function.

Keywords: television discourse, news, information warfare, manipulative technologies.

Проведение крупномасштабных информационных войн является эффективным инструментом реализации внешней политики государства. Противодействие информационно-психологическому воздействию со стороны внешних сил становится одним из условий выживания любой страны. На нынешнем этапе развития военно-политической ситуации в мире особое значение приобретают исследования информационного противостояния в сфере СМИ во время военных конфликтов, одним из которых является проведение СВО на Украине.

Медиатизация сознания современного человека приводит к возможности формирования его мировоззрения с помощью сообщений средств массовой информации. Широкий спектр методик воздействия на сознание адресата (от убеждения до манипулирования) позволяет СМИ успешно формировать политическую картину мира, менять убеждения и взгляды людей. Для эффективного противодействия эксплицитному и имплицитному воздействию необходимо изучение методик информационной войны. Современные электронные СМИ, в частности телевидение, отличаются мультисемиотическим характером, то есть имеют в активе различные формы донесения информации. Целью данной работы является выявление особенностей вербальных и невербальных форм воздействия телевизионного новостного дискурса англоязычных СМИ в рамках информационной кампании по освещению событий на Запорожской АЭС в августе-сентябре 2022 года. Материалом исследования стали новостные сюжеты телекомпаний ABC (American Broadcasting Company) и BBC (British Broadcasting Corporation). ABC – американская коммерческая телевизионная сеть, входит в так называемую «большую тройку» ведущих телеканалов США. BBC – крупнейшая теле- и радиовещательная корпорация Великобритании. Обе телекомпании принимали непосредственное участие в освещении событий на Украине в 2022 году.

Современные исследователи рассматривают информационную войну как «противоборство сторон, возникающее из-за конфликта интересов и идеологий и осуществляемое путем целенаправленного информационного воздействия друг на друга с использованием специальных технологий для получения определенного преимущества в материальной и/или идеологической сфере и защиты собственной информационной безопасности» [1, с. 42]. Целью информационных войн является воздействие на человеческое сознание. Адресанты с помощью набора манипулятивных технологий стараются изменить мировоззрение людей, навязать им определенные ценности и цели, которые могут не совпадать с их интересами. Успехи в информационных войнах зачастую приводят к значительным социальным изменениям. Понимая это, властные структуры стараются максимально усилить контроль над дискурсом СМИ в период информационного противостояния или военного конфликта. Дискурс средств массовой информации в таких условиях отчасти становится вторичным – журналисты в основном лишь ретранслируют официальную точку зрения представителей власти и военных. Однако при этом перед представителями СМИ остро встает задача убедить реципиента в правдивости материала и правильности оценочных суждений. Именно от автора материала зависит выбор средств выражения, которые могут обеспечить максимальный воздействующий потенциал произведения. Как отмечает Н.И. Клушина, «стремление автора-публициста убедить любыми лингвистическими способами читателя в авторском политико-идеологическом видении окружающей действительности остро ставит центральную для современной массовой коммуникации проблему убеждения и манипулирования» [2, с. 28].

Среди задач информационного манипулятивного воздействия важно обозначить следующие: навязывание стандартов образа жизни и системы ценностей, воздействие на систему взглядов и убе-

ждений, формирование необходимого общественного мнения, разжигание расовой, национальной и конфессиональной розни, провоцирование межнациональных и межконфессиональных конфликтов [3, с. 99–100]. В условиях реального военного конфликта на первый план выходит задача формирования в сознании адресата оппозиции «СВОИ — ЧУЖИЕ», с положительным отношением к «СВОИМ» и негативным — к «ЧУЖИМ». Одной из главных целей в период боевых действий считается создание образа врага, расчеловечивание и демонизация противника. Как отмечает С.В. Иванова, «эффект демонизации заключается в намеренном создании негативного, а еще более желательного — отталкивающего образа оппонента, в результате чего последний выступает во всех своих проявлениях как абсолютное зло» [4, с. 28]. Для решения данной задачи СМИ стараются наделить образ противника чертами, несовместимыми с ценностями, разделяемыми мировым сообществом.

Современные исследователи выделяют несколько групп населения, которые являются объектом манипулятивного воздействия СМИ в период информационного противостояния. Среди них представители гражданского общества и военных структур страны, которая является инициатором воздействия; такие же представители страны, на которую оказывается воздействие; оппозиционные силы государства, являющегося целью; представители других стран, имеющих опосредованное отношение к конфликту. В зависимости от конкретного адресата, могут меняться подходы и методики убеждения и манипулирования. В целом, можно отметить, что современные СМИ зачастую создают медиареальности, весьма далекие от действительности. Как отмечает В.Д. Бачурин, «для осуществления необходимого ментального воздействия на сознание людей применяется механизм подмены дискурсивных переменных (т. е. реально произошедшие события подвергаются процессам трансформации, что приводит к появлению параллельной дискурсивной реальности, несущей в себе искаженную информацию о произошедших событиях)» [5, с. 100].

В связи с мультисемиотическим характером теледискурса анализ новостных сообщений выбранной тематики будет проводиться по двум основным направлениям: текстологический анализ новостных материалов (вербальная составляющая) и исследование технологических особенностей производства телевизионной продукции (невербальная составляющая). Для определения и классификации манипулятивных стратегий и тактик будет использоваться теория Г. Вирена, который в своей работе «Современные медиа: Приемы информационных войн» выделил 19 основных приемов информационного противодействия [6, с. 16-78].

В качестве материала исследования были выбраны сюжеты популярных англоязычных телеканалов, связанные с освещением событий на ЗАЭС в 2022 году. Запорожская АЭС — крупнейшая в Европе атомная электростанция. В ходе проведения СВО на Украине станция была освобождена российскими войсками и перешла под полный контроль РФ 4 марта 2022 г. После окончания боев за Энергодар события на атомной электростанции практически исчезли из международных новостных лент. Обострение ситуации вокруг ЗАЭС произошло в начале августа и было связано с участвовавшими обстрелами станции со стороны украинских военных. Практически синхронно к освещению проблематики Запорожской АЭС подключились все западные СМИ. Первые сюжеты на эту тему вышли 3–4 августа 2022 г. При этом основным инфоповодом для журналистов стали не обстрелы ядерного объекта со стороны ВС Украины, а опасения главы МАГАТЭ Рафаэля Гросси по поводу разрушений на станции. Так, в сюжете телеканала ABC от 04.08.2022 г. дважды повторяются слова Гросси о серьезных проблемах на ЗАЭС:

A nuclear plant the largest in Europe is quote completely out of control after Russian troops seized it / Крупнейшая в Европе атомная станция фактически полностью вышла из-под контроля после того, как ее захватили российские войска (ABC News, 04.08.2022 г., <https://www.youtube.com/watch?v=C2v-HcWG6ko>).

В тексте журналиста слова главы МАГАТЭ о «выходе из-под контроля ЗАЭС» были дополнены утверждением, что это произошло после «захвата» российской армией. В данном случае используется манипулятивный прием «ссылка на несуществующие основания и ложная увязка», поскольку проблемы на атомной станции начались только после обстрелов со стороны Украины. До этого, на протяжении пяти месяцев, ситуация была спокойной и контролируемой. О самих обстрелах, послуживших причиной обострения ситуации, в сюжете не упоминается, используется прием «умолчание (сокрытие существенной информации)». Это позволяет уйти от причин произошедшего и сконцентрировать внимание зрителя лишь на последствиях — разрушениях на станции, которые могут привести к ядерной катастрофе. В качестве виновника произошедшего рассматривается только одна сторона конфликта — Россия:

U.S. now accusing Russia of using the nuclear plant as a human shield. Russia is now using the plant as a military base / США теперь обвиняют Россию в использовании атомной станции в качестве жилого щита. Россия сейчас использует завод в качестве военной базы (ABC News, 04.08.2022 г., <https://www.youtube.com/watch?v=C2v-HcWG6ko>).

Следует отметить, что вопрос нахождения на станции российских военных поднимается практически в каждом сюжете о ЗАЭС обоих телеканалов, вне зависимости от инфоповода. При этом текст обвинений почти дословно повторяется во всех новостных материалах:

Ukraine accuses Russian forces of turning this facility into a military base using it as a shield to launch attacks against Ukrainian targets / Украина обвиняет российские силы в превращении этого объекта в военную базу, используя его в качестве щита для нанесения ударов по украинским объектам (BBC News, 01.09.2022 г., <https://www.youtube.com/watch?v=m4ayOeKrYXM>).

Также практически в каждом сюжете постоянно упоминаются возможные трагические последствия разрушения Запорожской атомной станции. Используется манипулятивный прием «поиск поводов к драматизации, обострению ситуации»:

A potential nuclear disaster in the making in Ukraine / Потенциальная ядерная катастрофа зреет в Украине (ABC News, 04.08.2022 г., <https://www.youtube.com/watch?v=C2v-HcWG6ko>).

Situation at the Russian occupied Zaporizhzhia nuclear power station is approaching critical / Ситуация на оккупированной Россией Запорожской атомной электростанции приближается к критической (BBC News, 18.08.2022 г., <https://www.youtube.com/watch?v=6xjyte7DBgU>).

Поскольку полностью игнорировать первопричину обострения ситуации – артобстрелы ЗАЭС – было достаточно сложно, западные СМИ использовали несколько различных манипулятивных приемов для формирования новой медиареальности, в которой ответственность за проблемы на станции полностью ложилась на Россию. Самым простым из этих приемов являлась полная дезинформация адресата. Так, уже в названии сюжета BBC от 06.08.2022 г. содержится ложное обвинение России в самообстреле:

Russia rockets damaged part of Zaporizhzhia nuclear plant says Ukraine / Российские ракеты повредили часть Запорожской атомной электростанции, сообщает Украина (BBC News, 06.08.2022 г., <https://www.youtube.com/watch?v=E8D1t3j1Ic>).

Структура данного предложения выстроена таким образом, что адресат вначале получает основную (при этом ложную) информацию о том, что российские ракеты повредили станцию, и лишь потом, в качестве дополнения, узнает, что это утверждение исходит от представителей Украины – страны, которая является одной из сторон конфликта. В данном случае манипулирование осуществляется на синтаксическом уровне. В начале обострения (август 2022 г.) американские и английские журналисты в своих текстах старались не использовать напрямую явную ложь о самообстрелах российских военных. Вместо этого применялся манипулятивный прием «апелляция к авторитетам при подаче ложного или сомнительного тезиса как доказанного». В частности, в рассматриваемом сюжете используется фрагмент интервью президента Украины В. Зеленского, в котором он утверждает, что «оккупанты создали очень опасную ситуацию для всей Европы», и называет обстрел ЗАЭС террористическим актом (подразумевая, что этот акт совершили военные РФ).

В ходе развития ситуации и усиления обстрелов использование ложных обвинений в нанесении провокационных ударов по собственным позициям получило развитие в западных СМИ. Так, в сюжете ABC от 26.08.2022 г. вновь содержатся прямые обвинения РФ в обстрелах Запорожской атомной станции со ссылкой на украинские источники информации:

These satellite images show smoke near the Zaporizhzhia nuclear power plant where Ukrainian regulators say Russian shelling knocked all six of the plants reactors offline / На этих спутниковых снимках виден дым возле Запорожской атомной электростанции, где, по словам украинских чиновников, российский обстрел вывел из строя все шесть реакторов станции (ABC News, 26.08.2022 г., <https://www.youtube.com/watch?v=m5nqc8k6Few>).

Используя словосочетания «сообщает Украина», «по словам украинских чиновников», журналисты применяют еще один манипулятивный прием – «ссылка на размытый источник информации». Благодаря этому приему представители СМИ могли, с одной стороны, выполнить задачу по имплицитному воздействию на зрителя, а с другой – избежать явной лжи в своем, авторском тексте. Можно предположить, что профессиональные телевизионные корреспонденты понимали абсурдность утверждения о том, что российские военные стреляют по атомной станции, которую сами же охраняют, и

осознавали сложность внедрения данной идеологемы в сознание массовой аудитории. Однако постепенно риторика западных СМИ ужесточалась, и уже к сентябрю 2022 г. из текстов новостных сюжетов американских и английских телеканалов исчезают ссылки на «размытый источник», то есть представителей неких украинских органов власти. Журналисты начинают напрямую обвинять российских военных в самообстрелах:

In the last few minutes one of two operational reactors at the plant has been shut down due to Russian shelling / В последние несколько минут один из двух действующих реакторов на станции был остановлен из-за российского обстрела (BBC News, 01.09.2022 г., <https://www.youtube.com/watch?v=m4ayOeKrYXM>).

Благодаря применению этих манипулятивных приемов, журналисты пытались внедрить в сознание адресата алогичный тезис о том, что именно Россия обстреливает Запорожскую АЭС и собственные войска на ней, провоцируя возможную ядерную катастрофу. Поскольку данный манипулятивный прием срабатывал далеко не всегда, представители западных СМИ зачастую прибегали к другой тактике речевого воздействия – использованию пассивных синтаксических конструкций. В тех случаях, когда Россию не обвиняли в обстрелах Запорожской АЭС (напрямую, или со ссылкой на источник информации), виновник вообще не назывался:

There's recently been heavy shelling at and around the site / Недавно на этом объекте и вокруг него был сильный обстрел (BBC News, 18.08.2022 г., <https://www.youtube.com/watch?v=6xjyte7DBgU>).

On Wednesday for the first time in its history the plant was cut off from Ukraine's energy grid after fires triggered by the conflict / В среду впервые в своей истории станция была отключена от энергосистемы Украины после пожаров, вызванных конфликтом (BBC News, 26.08.2022 г., <https://www.youtube.com/watch?v=24xKjQH9QS8>).

Largest nuclear plant was hit by shelling / Крупнейшая атомная станция пострадала от обстрела (ABC News, 29.08.2022 г., <https://www.youtube.com/watch?v=1Sq7cl5w60I>).

The shelling intensifying around the nuclear plant potentially putting the team's mission in jeopardy / Обстрелы, усиливающиеся вокруг атомной станции, потенциально ставят миссию группы под угрозу (ABC News, 02.09.2022 г., <https://www.youtube.com/watch?v=O-69NRChzLA>).

В данном случае исследования показали, что западными средствами массовой коммуникации активно применялся манипулятивный прием «варьирование на синтаксическом уровне». Его использование позволяет автору исключить из синтаксической конструкции агенса (инициатора действия) и оставить пациенса (объект, подвергающийся воздействию): «был сильный обстрел», «станция была отключена», «станция пострадала от обстрела». Манипуляции на уровне ролевой структуры новостного текста с использованием пассивных синтаксических конструкций позволяют полностью исключить упоминания о непосредственных виновниках данных событий, концентрируя внимание адресата лишь на последствиях произошедшего. При этом современная теория телевизионной журналистики категорически запрещает использование пассивных конструкций в медиатекстах: «Правильное употребление глаголов. В тексте никогда не употребляется пассивный залог <...>, только глаголы активного действия» [7, с. 22]. Следует предположить, что, зная об этих правилах, западные журналисты сознательно идут на их нарушение, чтобы достичь максимального персуазивного эффекта при использовании имплицитных манипулятивных технологий.

Также анализ позволил выявить в текстах новостных материалов использование лексических приемов информационного противоборства. С их помощью реализуется манипулятивная тактика «смещение понятий». Так, говоря о ситуации на Запорожской АЭС, авторы сюжетов постоянно используют лексемы с негативной семантикой: «*Russian occupation / российская оккупация*», «*held by Russian forces / удерживаемая российскими войсками*», «*Russian occupied Zaporizka nuclear plant / оккупированная Россией Запорожская атомная электростанция*». В случаях, когда речь заходит о требованиях российской стороны прекратить обстрелы ЗАЭС, в журналистском тексте говорится об «*open nuclear blackmail / открытом ядерном шантаже*» и «*nuclear terror threat / угрозе ядерного террора*». Когда же обсуждаются попытки коллективного Запада добиться вывода российских войск с территории станции, используется эвфемизм «*return to control of Ukraine / вернуть под контроль Украины*», а также возникает понятие «*demilitarized zone / демилитаризованной зоны*». Адресанты сообщений с помощью манипулятивных технологий пытались заставить российских военных выйти без боя с Запорожской АЭС, так как, по их же словам, «*Ukraine unable to force the Russians out / Украина не может вытеснить русских*». Поскольку попытки оттеснить российские вооруженные силы с помощью призывов политиков и дискурса СМИ не увенчались успехом, в новостных материалах появились заявления о «*Russia's irresponsible behavior / безответственном поведении России*». Та-

ким образом, с помощью манипулятивных приемов на лексическом уровне (использования словосочетаний с явной негативной коннотацией) западные СМИ решали вопрос создания образа врага в лице России и ее вооруженных сил.

Особого внимания заслуживают технологические особенности производства рассматриваемых новостных материалов. Современная теория телевизионной журналистики предполагает обязательное использование в новостных материалах комментариев очевидцев («прямая речь», «синхрон»). Только при наличии этих структурных элементов материал будет выглядеть достоверным: «...наличие героев, а значит, синхронов обязательно. Почему? Потому что иначе сюжет не может быть достоверным: мало ли что выдумает и наговорит за кадром журналист» [8, с. 110]. Еще одной важной причиной включения комментариев в новостные материалы является возможность добавить эмоции в подачу информации: «синхрон выполняет иную важную функцию – добавляет эмоций в сюжет. Телевидение – единственное средство массовой информации, которое позволяет демонстрировать реакцию спикера» [7, с. 41]. Однако анализ показал крайне низкую степень использования «прямой речи» спикеров – очевидцев событий в сюжетах АВС и ВВС о Запорожской АЭС. В частности, около половины сюжетов вообще не содержали «синхронов», в остальных подавляющее большинство представляли собой комментарии экспертов. При этом в сюжетах активно использовался другой структурный элемент новостного телевидения – стендап (журналист в кадре). Телеканал АВС в основном использовал «классические» стендапы с мест событий (на территории, подконтрольной Украине). Новостная служба телеканала ВВС пошла дальше – создала свою студию в Киеве. В результате практически все прямые включения «с мест» осуществлялись в виде диалога ведущей новостного выпуска с журналистом из Киева. В практике освещения событий на ЗАЭС встречаются материалы, которые на 90% состоят из подобных диалогов. Такая композиционно-структурная организация новостного материала, безусловно, может оправдываться работой в условиях военных действий. Однако полное отсутствие комментариев и видеоряда ставит под сомнение достоверность озвученных в сюжетах тезисов. Также возникает вопрос о возможной дезинформации адресата.

Тема «кризиса» на Запорожской АЭС продержалась в топе новостных лент около месяца. За это время каждый из рассматриваемых телеканалов выпустил около 10 сюжетов, касающихся данного вопроса. В начале сентября атомную электростанцию посетила делегация МАГАТЭ. Визит подробно освещался обоими телеканалами, однако после этого тема исчезла из повестки дня информационных служб телевизионных компаний. Следует отметить, что в выпусках новостей АВС и ВВС также полностью отсутствовали какие-либо упоминания об отчете делегации МАГАТЭ, который вышел 7 сентября 2022 г. Несмотря на обтекаемость формулировок отчета (в нем говорится об обстрелах, но не указывается виновник), выводы комиссии так и не были озвучены. После 08.09.22 г. тема возможной ядерной катастрофы на Запорожской АЭС больше не упоминалась в новостных материалах исследуемых телеканалов.

Проведенный анализ позволяет сделать определенные выводы.

1. В условиях военного конфликта новостные службы западных телеканалов работают по принципу «информационных кампаний», координируемых из одного центра. Данное предположение подтверждается синхронностью начала и окончания кампании в различных СМИ, представляющих разные страны и континенты, а также фактической идентичностью используемых манипулятивных приемов и ограничений в подаче информации.

2. В новостных материалах о Запорожской АЭС используется широкий спектр манипулятивных технологий. Среди наиболее часто встречающихся приемов имплицитного воздействия «полная дезинформация», «умалчивание», «варьирование на синтаксическом уровне». Применение данных методик позволяет уйти от упоминания первопричины проблемной ситуации и сконцентрировать внимание зрителя на последствиях и мнимых виновниках. Использование лексических приемов информационной войны (словосочетаний с явной негативной коннотацией) позволяет авторам материалов сформировать в сознании аудитории образ врага в лице Российской Федерации.

3. Композиционное построение и структура исследуемых новостных материалов также позволяет говорить о широком применении манипулятивных технологий, поскольку достоверность подаваемой информации зачастую не подкрепляется ничем, кроме слов автора сюжета.

4. Целевой аудиторией для исследованных новостных материалов являются представители стран так называемого коллективного Запада. Очевидно, что алогичная теория самообстрелов может

подействовать только на «подготовленного» предыдущими подобными пропагандистскими кампаниями зрителя.

5. Полное отсутствие определенной важной и интересной информации в выпусках теленовостей позволяет сделать вывод о том, что в условиях информационного противостояния резко усиливается воздействующая функция СМИ, при этом функция информирования отодвигается на второй план.

Библиографический список

1. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия // Политическая лингвистика. 2016. №1. С. 42-50.
2. Клущина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.10. Москва, 2008. 57 с.
3. Воронцова Л.В., Фролов Д.Б. История и современность информационного противостояния. М.: Горячая линия. Телеком, 2006. 192 с.
4. Иванова С.В. Лингвистическая ресурсная база информационной войны: создание эффекта демонизации // Политическая лингвистика. 2016. № 5. С. 28-37.
5. Бачурин В.Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 99-104.
6. Вирен Г. Современные медиа: Приемы информационных войн: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2013. 126 с.
7. Никольская Э.С. Работа репортера в редакции телевизионных новостей: учебное пособие. М.: Аспект Пресс, 2021. 136 с.
8. Зверева Н.В. Школа тележурналиста. Нижний Новгород: Издательский дом Минакова, 2009. 272 с.

References

1. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. Linguistics of information and psychological warfare: to substantiate and define the concept // Political Linguistics. 2016. Vol. 1. P. 42-50.
2. Klushina N.I. Intentional categories of journalistic text (based on the material of periodicals 2000-2008): abstract of the thesis ... Doctor of Philological Sciences: 10.01.10. Moscow, 2008. 57 p.
3. Vorontsova L.V., Frolov D.B. History and modernity of information confrontation. Moscow, 2006. 192 p.
4. Ivanova S.V. Linguistic resource base of information warfare: creating the effect of demonization // Political Linguistics. 2016. Vol. 5. P. 28-37.
5. Bachurin V.D. Manipulative technologies used by the media in modern military-political discourse // Political Linguistics. 2014. Vol. 4. P. 99-104.
6. Viren G. Modern media: Techniques of information wars: a textbook for university students. Moscow, 2013. 126 p.
7. Nikolskaya E.S. The work of a reporter in the editorial office of television news: a textbook. Moscow, 2021. 136 p.
8. Zvereva N.V. School of TV journalist. Nizhny Novgorod, 2009. 272 p.

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК 811.161

DOI 10.36622/AQMPJ.2023.57.78.021

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: elshka-82@yandex.ru*

*доктор филологических наук,
заведующий кафедрой русского языка и меж-
культурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-404-0448
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor*

*Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh,
e-mail: elshka-82@yandex.ru*

*Doctor of Philology,
Head of the Department of Russian Language lan-
guage and cross-cultural communication
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, tel. +7-920-404-0448
e-mail: saskuridina@yandex.ru*

Е.О. Кузьминых, С.А. Скуридина

ИТОГИ I ВСЕРОССИЙСКОЙ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДУХ, ДУША И ТЕЛО В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ» (ВОРОНЕЖ, ВГТУ, 8 ДЕКАБРЯ 2022 Г.)

Е.О. Kuzminykh, S.A. Skuridina

THE RESULTS OF THE FIRST ALL-RUSSIAN INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "SPIRIT, SOUL AND BODY IN WORLD CULTURE" (VORONEZH, VSTU, DECEMBER 8, 2022)

8 декабря 2022 года кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного технического университета впервые была проведена Всероссийская научно-практическая конференция «Дух, душа и тело в мировой культуре». Целью данной конференции стало выявление нравственно-культурных ценностей в современном российском обществе, обсуждение процессов духовной эволюции русской словесности последнего тысячелетия.

Несмотря на достаточно узкую тематику конференции, приятно удивило количество поступивших докладов. В работе конференции приняли участие российские ученые различных специальностей — лингвисты, литературоведы, культурологи, философы, журналисты, специалисты по методике физической культуры — из разных городов: Санкт-Петербурга, Москвы, Липецка, Воронежа, Смоленска, Тамбова, Краснодара, Барнаула, Тюмени, Тольятти и др.

Повышенный интерес ученых к тематике научной конференции и разнообразие научных подходов к проблеме позволяет предположить, что основополагающая для русского самосознания триада *дух-душа-тело* определяет смысл бытия современного человека. В работах исследователей затронута проблема духовной биографии персонажей художественной литературы, выявляется семантический потенциал лексемы «душа» как компонента ономастических единиц, поднимается вопрос о «теле текста», анализируются в диахроническом аспекте диминутивные образования лексемы «ду-

ша», используемой авторами художественных текстов XVIII-XX вв., рассматриваются духовные искания писателей и поэтов разных эпох — А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Шмелева, Л.Н. Андреева, А.П. Платонова, А. Тарковского, А.Т. Твардовского, В.А. Солоухина, В.С. Маканина, Е. Водолазкина, В.М. Шукшина и др., определяется специфика понятий «дух», «душа» и «тело» в лингвокультуре разных народов.

Тексты докладов были представлены в двух секциях конференции: «Дух, душа и тело как лингвокультурные универсалии» и «Дух, душа и тело в русской и зарубежной литературе».

В исследованиях А.Б. Алексеева «Образ бойца смешанных единоборств в спортивном дискурсе», А.В. Беловой «Душа — тело»: взаимосвязь и метаморфозы времени; И.И. Болдырева, Н.И. Бугакова, С.Н. Монастырева «Взгляды античных философов на процесс физического воспитания»; В.В. Осипова, Н.Б. Бугаковой «О влиянии киберспорта на духовное развитие детей» было уделено внимание вопросам физического развития и духовного совершенствования человека, рассматриваемых в качестве основы гармоничного развития личности.

Доклад А.В. Беловой «Душа — тело»: взаимосвязь и метаморфозы времени» представлял собой рассуждения о душе и теле в их взаимовлиянии. Автор высказала убеждение, что регулярное использование техник расслабления и очищения «души» способствует поддержанию жизненного тонуса и сохранению активности физического тела.

Совместная работа Н.Б. Бугаковой и В.В. Осипова «О влиянии киберспорта на духовное развитие детей» позволила выявить различия между игроманией и киберспортом. Исследователи подчеркнули, что киберспорт оказывает положительное влияние на духовное развитие ребенка, поскольку помогает сформировать отношения с окружающей действительностью.

Специфике функционирования онимов посвятили свои доклады И.П. Лапинская, М.А. Денисова, А.К. Баркалова «Имена собственные как продолжение традиции гармонизации личности в отечественной культуре»; М.А. Лаптева «Соматизмы в микротопонимии воронежской области»; О.Д. Паршина «Дух и душа провинции как проприальные единицы»; С.А. Скуридина и Ю.Е. Лиханская «Гармония души и тела: специфика эргонимов танцевальной индустрии города Воронежа»; Н.Б. Бугакова, С.А. Скуридина «Апеллятивы «душа» и «дух» как компонент литературных онимов (на материале произведений Ф.М. Достоевского и А. Платонова)».

Доцент О.Д. Паршина в ходе выступления охарактеризовала проприальные единицы с компонентом провинция в сочетании с номинациями дух и душа и последовательно доказала, что «коммуникативно значимый компонент провинция в составе онимов «Дух Провинции» и «Душа провинции» выражает разные представления носителей русского языка о провинции. Эргоним «Дух провинции» репрезентирует скорее пейоративную аксиологию номинации провинция, мелиоративная же коннотация реализуется онимом «Душа провинции» и его производными» [1; с. 79].

С.А. Скуридина и Н.Б. Бугакова выявили значимые для ономастического пространства Ф.М. Достоевского и А. Платонова имена собственные, семантически маркированные лексемами «дух» и «душа». Отметили, что «введение ономастических единиц, образованных от указанных лексем, способствует раскрытию идейного содержания произведений» [2; с. 117]. Так, например, авторы отметили, что производящей основой для топонима Духаново из повести «Дядюшкин сон», является не лексема «дух», а лексема «духан», которая имеет три значения: неприятный запах, трактир или ремесленная лавка и возвышение, с которого кохены благословляют народ. Указанные значения помогают глубже осмыслить образ главного героя и понять смысл произведения. Можно говорить о том, что указанный топоним (как часто бывает у Ф.М. Достоевского) играет тексто- и сюжетобразующую роль.

Об особенностях концептов «дух», «душа», «тело» и их месте в языковой картине мира говорили Л.В. Ковалева «Выражение триединства человека во фразеологической системе русского языка»; Е.А. Попова «Концепт «душа» в русской лингвокультуре»; Ю.С. Попова и О.В. Сулемина «Концепты «душа» и «тело» в языковой картине мира: на материале арабских и русских пословиц»; Н.В. Разумкова «Интенционал лексемы «душа» в национальном мироощущении»; С.Б. Фомина «Вербализация концепта «душа» в русской и английской фразеологической картине мира»; В.И. Чететка, Л.В. Лукина «Феномен "seele — geist (душа — дух)" в лингвокультуре Германии».

В своем докладе «Выражение триединства человека во фразеологической системе русского языка» профессор Л.В. Ковалева затронула вопрос взаимосвязи внутри триединства дух-душа-тело в русских фразеологизмах и пришла к выводу, что «в русском языке дух воспринимается как энергия,

сила, жизнь, душа как индивидуальная духовная категория, которая в совокупности с духом дает жизнь телу» [3; с. 41].

Профессор Е.А. Попова в своем исследовании сосредоточила внимание на рассмотрении слова «душа» в качестве ключевого элемента русской языковой картины мира. Она отметила, что «душа» «отождествляется с человеком в целом, его внутренним я» [4; с. 82], выступает значимой составляющей самовосприятия русского человека, символизирует бессмертие и в этом противопоставлена телу, связана с высшим духовным началом – Духом Святым, «вмещает» в себя чувства и нравственные качества. Е.А. Попова сделала вывод, что слово «душа» «играет важную роль в русской лингвокультуре, о чем свидетельствуют лексический и фразеологический состав русского языка, синтагматика и парадигматика слова "душа", частота его использования в произведениях русских писателей. Душа – это самая важная, большая часть русского человека, которую он высоко ценит, это то, без чего он немислим» [4; с. 85].

К схожему выводу пришла С.Б. Фомина, проанализировавшая фразеологические компоненты ассоциативно-смысловых полей концепта «душа» в русском и английском языках и отметившая, что большая вариативность фразеологизмов с лексемой «душа» «подтверждает отнесенность концепта «ДУША» к ключевым в русской языковой картине мира» [5; с. 101]. Исследовательница доказала, что к ядру концепта «душа» в русской фразеологии относится «внутренний психический мир человека», а к ближней периферии принадлежат положительные и отрицательные признаки «сущность и состояние человека»; «человек и характер», «здоровье» относятся к дальней периферии. По мнению С.Б. Фоминой, так как «в русском языке отсутствуют фразеологизмы значения «ум, разум», равно как и не представлено значение разума, мудрости в толковом словаре русского языка», «внутренний душевный мир, порывы души русского человека преобладают над рациональным» [5; с. 101].

Ю.С. Попова и О.В. Сулемина, сопоставив употребление слов душа и тело в русских и арабских пословицах, заметили, что «в русском и арабском культурных кодах присутствует целый ряд элементов, объединяющих понимание, функционирование и отношение к понятиям «душа» и «тело». Душа — это внутренняя сущность человека, тайна, которую не могут разгадать ученые, к которой можно лишь прикоснуться. Душа связана с чистотой, верой, Богом, вечностью. Но без физической оболочки существование души невозможно. Именно тело позволяет душе реализовать себя в мире материальном. И в русских, и в арабских пословицах тело является отражением души и может негативно на нее влиять, но душа должна контролировать тело и помнить о жизни вечной» [6; с. 89].

Философский подход к исследованию понятия «душа» был представлен в докладах А.Р. Голубевой «Триединство «ДУХ-ДУША-ТЕЛО» в осмыслении И.А. Ильина», Е.В. Авдеенко «Вера как социальный феномен и установка в манипуляционных отношениях», Е.С. Карасевой «Перспективы души в смысловом мире ренессансного гуманизма: от «падшего создания» к статусу "второго бога"».

Доцент Е.В. Авдеенко посвятила свое выступление рассмотрению социальных, психологических и философских характеристик феномена веры. На основе социально-психологического анализа веры как механизма и психического явления и сопоставления существующих в социогуманитарной литературе концепций феномена веры она пришла к выводу, что вера – «это система когнитивных, ценностных, мотивационных, установочных и аффективных элементов, позволяющая производить фильтрацию и принятие информационного содержания вне рациональной аргументации» [7; с. 9].

Представляя результаты своей работы, А.Р. Голубева отметила, что одной из ключевых задач современности является преодоление духовного кризиса, и в поисках решения этой проблемы предложила обратиться наследию русского православного философа И.А. Ильина. Она напомнила, что понятие духовность является краеугольным камнем философии И.А. Ильина и проявляется через гармоничное сочетание духа, души и тела. Нарушение внутри триединства приводит к появлению «расколотого» человека, порождающего «бессердечную» культуру, которая может стать «культурой сердца» благодаря деятельности человека, основанной на «глубокой вере, укоренённой в совестливости, и верно понимаемой свободе» [8; с. 26].

На выявление семантических особенностей лексемы душа в художественных текстах различных писателей были направлены исследования доцента Т.А. Вороновой «Лексема «душа» в лирике Арсения Тарковского: семантические приращения»; С.А. Ильиной «Лексема «душа» в сравнениях Е. Харланова»; С.А. Скуридиной и Е.О. Кузьминых «Семантические особенности диминутивных форм лексемы «душа».

Об особенностях использования существительного «душа», являющегося одной из ключевых лексических единиц в лирике А. Тарковского, рассказала Т.А. Воронова. Сопоставив значения лексемы душа в

текстах и в нормативных словарях, она пришла к выводу, что в произведениях писателя существительное «душа» помимо наиболее частотного лексического значения, совпадающего с общеязыковым — «внутренний мир или сознание; мир чувств», — получает дополнительные семантические оттенки. Например, душа в лирике А. Тарковского может обозначать сознание и чувства любого живого существа; использоваться в качестве синонима слова жизнь, и в этом смысле душа не противопоставляется телу, а связывается с ним; восприниматься в качестве субстанции, которая «не только присущая любому живому существу, но и способная сделать таковым что угодно, хотя бы на время» [9; с. 127]. Душа, полноценно не соединенная с телом становится синонимом призрака, мертвеца. Одно из главных значений лексемы *душа* в поэзии Тарковского — сущность человека, предмета или целого мира.

Доцент С.А. Ильина в докладе «Лексема «ДУША» в сравнениях Е. Харланова» проанализировала сравнения, в которых используется лексема *душа*, что позволило выявить особенности индивидуально-авторской картины мира поэта. Она пришла к выводу, что «сравнения с лексемой "душа" характеризуют фрагмент картины мира Е. Харланова, отражающий взгляд поэта на важнейшую часть человеческой личности. В семантическом разветвлении сравнений лексемы "душа" можно выделить несколько направлений: душа как скопление жидкости, как металл, как емкость и как механизм. Автор делает акцент как на хрупкости и незащищенности нематериальной части живого существа, так и (чаще) – на ее мощнейшей энергии и силе» [10; с. 136].

В своем выступлении С.А. Скуридина и Е.О. Кузьминых рассмотрели особенности функционирования диминутивных образований лексемы «душа» в диахроническом аспекте. Отметим, что, несмотря на то употребление лексем «душечка» и «душенька» как синонимичных, последняя характерна для литературных произведений XVIII — первой половины XIX века, тогда как «душечка» активно используется в художественных текстах второй половины XIX — начала XX века. «Наблюдаются трансформации семантики лексемы «душечка», что обусловлено приобретением коннотаций, связанных с интерпретацией образа Оленьки из рассказа А.П. Чехова «Душечка». Благозвучное и ласкательное душенька вытесняется ставшей ироничной формой душечка» [11; с. 167].

Доклады Е.Н. Карташовой «Колоративная лексика как репрезентант состояния души персонажа в произведениях В.М. Шукшина» и М.В. Новиковой «Костюм как отражение души в романе Ф.М. Достоевского «Бесы»: Николай Ставрогин и Петруша Верховенский» были посвящены вопросам, связанным с выявлением цветового и костюмного кодов, использованных авторами произведений, для выражения душевного состояния героев.

В ряде докладов, представленных на конференции, поднимались темы, связанные с осмыслением культурно-нравственных аспектов духовности, представленных в художественных произведениях отдельных писателей: О.А. Веретенникова «Отношение к смерти как путь преодоления духовного кризиса (на материале малой прозы В.С. Маканина)»; О.В. Арязмова и И.А. Попова «Репрезентация души и тела в автобиографической диалогии И.С. Шмелева («Лето Господне», «Богомолье»); К.Е. Дрепина «Контекст духовного и телесного в творчестве Л.Н. Андреева на материале повести «Жизнь Василия Фивейского»; С.А. Ильина «Лексема «душа» в сравнениях Е. Харланова» и др.

О.В. Арязмова и И.А. Попова посвятили свое выступление выявлению особенностей мировосприятия героев И.С.Шмелева в диалогии «Лето господне» и «Богомолье». Авторы доклада отметили, что ключевая мысль произведения и движение сюжета обусловлены «сложным процессом "духовного зодчества" и "духовного путешествия" ребенка» [12; с. 112]. Воспитание души предшествует духовному путешествию и предопределяет его исход. Следовательно, в текстах И.С. Шмелева «тело и душа не противопоставлены, потому что гармония между ними, согласно тексту, достигается благодаря вере, которая становится проводником тела и души в прекрасное и светлое» [12; с. 114].

Интересный аспект исследования в рамках темы конференции был предложен студентами направления «Журналистика». С целью выявления ассоциативного потенциала лексемы «душа» в представлении современной молодежи был проведен опрос среди 300 учащихся различных направлений ВГГУ. Сопоставив результаты опроса и данные ассоциативных словарей, молодые исследователи пришли к выводу, что в студенческой аудитории восприятие понятия «душа» ассоциируется с человеческими качествами, совокупностью человеческих качеств и внутренним миром и не имеет связи с церковными представлениями.

О важном и весьма актуальном вопросе осмысления человеческой телесности в электронных СМИ рассказала М.Н. Крылова. Ее доклад назывался «Телесность в современных медиаресурсах как значимый фактор формирования мировоззрения человека». Исследовательница пришла к выводу, что в современных СМИ наблюдаются положительные тенденции, связанные с оценкой человеческого тела: женская телес-

ность перестает табуироваться, негативная оценка телесности встречается реже, чем позитивная и нейтральная, считается недопустимой травля обладателей неидеального тела. Все это свидетельствует об уровне здоровья общества.

Т.О. Илмаз-Леденева в своем докладе «Проявление гендера в метафорах души и тела человека» также затронула тему телесности. Она подробно рассказала, каким образом «гендерная асимметрия» находит отражение в метафорах, в которых понимается перенос как физических, так и духовных качеств и свойств, объединенных концептом женщина и мужчина на предметы, не связанные с полом» [13; с. 132]. Исследователь отметила, что наиболее показательны в рамках проводимого исследования телесные метафоры, поскольку они «выступают своего рода хранилищем информации о человеке конкретного общества и культуры» [13; с. 133] и содержат гендерные стереотипы.

Исследование Т.А. Терновой было посвящено «телесности» текста. Исследователь выявила особенности сборника Н. Азаровой «Календарь. Книга гаданий». В своем докладе Т.А. Тернова рассказала о том, что книга автора воспринимается как объект с отсутствующими элементами, пустыми страницами, наличие которых провоцирует свободу творчества читателя. Подробно рассмотрела использованные автором приемы (графика текста) и основные образы книги (время и др.) [14; с. 172]. Пришла к выводу, что «телесность может быть воспринята как смысловой код к "Книге..." Н. Азаровой. "Тело текста" "играет" в ней разными красками: от моментов рационально выбранного оформления (календарь, манжета) до интуитивно рождающихся образов (овеществленного времени, слова и т.п.)» [14; с. 176].

По результатам конференции подготовлен сборник научных работ ее участников. В связи с интересом к весьма актуальной теме конференции, что подтверждается количеством и качеством интересных, разноплановых докладов представленных на ней, организаторы планируют проводить это мероприятие ежегодно.

Библиографический список

1. Паршина О.Д. Дух и душа провинции как проприальные единицы // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 77-81.
2. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Аппеллятивы «душа» и «дух» как компонент литературных онимов (на материале произведений Ф.М. Достоевского и А. Платонова) // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С.116-120.
3. Ковалева Л.В. Выражение триединства человека во фразеологической системе русского языка // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 41-44.
4. Попова Е.А. Концепт «душа» в русской лингвокультуре // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С.82-86.
5. Фомина С.Б. Вербализация концепта «душа» в русской и английской фразеологической картине мира // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 98-101.
6. Попова Ю.С., Сулемина О.В. Концепты «душа» и «тело» в языковой картине мира: на материале арабских и русских пословиц // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С.87-89.
7. Авдеенко Е.В. Вера как социальный феномен и установка в манипуляционных отношениях // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 6-9.
8. Голубева А.Р. Триединство «ДУХ-ДУША-ТЕЛО» в осмыслении И.А. Ильина // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 23-26.
9. Воронова Т.А. Лексема «душа» в лирике Арсения Тарковского: семантические приращения // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С.125-127.
10. Ильина С.А. Лексема «ДУША» в сравнениях Е. Харланова // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С. 134-136.

11. Скуридина С.А., Кузьминых Е.О. Семантические особенности диминутивных форм лексемы «душа» // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С.160-167.
12. Арзамова О.В., Попова И.А. Репрезентация души и тела в автобиографической диалогии И.С. Шмелева («Лето Господне», «Богомолье») // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С.112-115.
13. Илмаз-Леденева Т.О. Проявление гендера в метафорах души и тела человека // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С.131-133.
14. Тернова Т.А. «Тело текста» в сборнике Н. Азаровой «Календарь. Книга гаданий» // Дух, душа и тело в мировой культуре: материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Воронеж: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет», 2023. С.172-176.

References

1. Parshina O.D. The spirit and soul of the province as appropriate units // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P.77-81.
2. Bugakova N.B., Skuridina S.A. The appellatives "soul" and "spirit" as a component of literary onyms (based on the works of F.M. Dostoevsky and A. Platonov) // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P.116-120.
3. Kovaleva L.V. Expression of the trinity of man in the phraseological system of the russian language // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P. 41-44.
4. Popova E.A. Concept "soul" in russian linguoculture // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P. 82-86.
5. Fomina S.B. Verbalization of the concept "soul" in the russian and english phraseological mapping of the world // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P. 98-101.
6. Popova Yu.S., Sulemina O.V. The concepts of «soul» and «body» in the linguistic picture of the world: based on the material of arabic and russian proverbs // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P. 87-89.
7. Avdeenko E.V. Faith as a social phenomenon and attitude in manipulative relations // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P. 6-9.
8. Golubeva A.R. The trinity of "spirit-soul-body" in the understanding of I.A. Ilyin // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P. 23-26.
9. Voronova T.A. The lexeme «soul» in Arseny Tarkovsky's verse: semantic additions // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P. 125-127.
10. Ilyina S.A. Lexeme "soul" in E. Kharlanov's comparisons // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P. 134-136.
11. Skuridina S.A., Kuzminykh E.O. Diminutive forms of the lexeme "soul" in literary texts // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P. 160-167.
12. Arzhamova O.V., Popova I.A. Representation of soul and body in I.S.Shmelev's autobiographical dilogy ("The year of the lord", "Pilgrimage") // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P. 112-115.
13. Ilmaz-Ledeneva T.O. Manifestation of gender in metaphors of the human soul and body // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P. 131-133.
14. Ternova T.A. «The body of text» in the N.Azarova's collection. «Calendar. Book of fortune» // Spirit, soul and body in world culture: materials of the I All-Russian scientific and practical conference. Voronezh: Voronezh State Technical University, 2023. P. 172-176.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел.+7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer
Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel.+7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуденной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 1(48) 2023

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 31.03.2023. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 16,0. Усл. печ. л. 16,6. Тираж 30 экз. Заказ №
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84